

Андрей Арсланович Мансуров

Разрешенная фантастика – 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20057543

Аннотация

Я хочу выразить свою искреннюю благодарность Редакторам Журналов, Альманахов и фэнзинов: «Космопорт», «МирФантастики», «Фантаскоп», «Знание – сила», «Наша гавань», «Полдень 21 век», «Иерофанта.нет», «Астра Нова», «Млечный путь», «Эдита», «Метаморфозы», «Журнал Великороссъ», и многих других – за то, что они любезно разрешили мне произведения, впервые опубликованные на страницах их изданий, (под этим ли именем, или под псевдонимом) опубликовать теперь и в личных Сборниках – этом и последующих. Разумеется, темы, которые поднимаются в них, не столь социально остры и неоднозначны, как в сборниках «Запрещённая фантастика 1 и 2», и в них несколько меньше юмора, чем в сборниках «Ироничная фантастика 1 и 2». Однако, смею надеяться, что содержание произведений, включённых в них, достаточно интересно и оригинально. Впрочем, тот факт, что они уже опубликованы, говорит сам за себя. Так же, пользуясь случаем, хочу поблагодарить участников конвента Интерпресскон-2016, своим решением назвавшими меня Лауреатом Премии «Полдня» за 2015 год, в номинации Проза, за повесть «Доступная женщина». (Чертовски приятно

видеть своё имя в одном ряду с такими Лауреатами-мэтрами, как: Стругацкий, Амнуэль, Лукьянов, Логинов, и другие: <https://fantlab.ru/award31>) В этой части Сборника только два произведения в традиционном для меня жанре сайнс-фикшн. Остальные пять – мистика, ужасы и фэнтэзи.

Мансуров Андрей.

Разрешённая фантастика – 2.

Сборник.

Предисловие автора.

Я хочу выразить свою искреннюю благодарность Редакторам Журналов, Альманахов и фэнзинов: «Космопорт», «МирФантастики», «Фантаскоп», «Знание – сила», «Наша гавань», «Полдень 21 век», «Иерофанта.нет», «Астра Нова», «Млечный путь», «Эдита», «Метаморфозы», «Журнал Великороссъ», и многих других – за то, что они любезно разрешили мне произведения, впервые опубликованные на страницах их изданий, (под этим ли именем, или под псевдонимом) опубликовать теперь и в личных Сборниках – этом и последующих.

Разумеется, темы, которые поднимаются в них, не столь социально остры и неоднозначны, как в сборниках «Запрещённая фантастика 1 и 2», и в них несколько меньше юмора, чем в сборниках «Ироничная фантастика 1 и 2». Однако, смею надеяться, что содержание произведений, включённых в них, достаточно интересно и оригинально.

Впрочем, тот факт, что они уже опубликованы, говорит сам за себя.

Так же, пользуясь случаем, хочу поблагодарить участни-

ков конвента Интерпресскон-2016, своим решением назвавшими меня Лауреатом Премии «Полдня» за 2015 год, в номинации Проза, за повесть «Доступная женщина». (Чертовски приятно видеть своё имя в одном ряду с такими Лауреатами-мэтрами, как: Стругацкий, Амнуэль, Лукьянов, Логинов, и другие: <<https://fantlab.ru/award31>>)

В этой части Сборника только два произведения в традиционном для меня жанре сайнс-фьюжн. Остальные пять – мистика, ужасы и фэнтези.

Желаю Вам приятного чтения.

Спасибо.

1. Храбрость.
2. Положительный результат.
3. Безопасный способ захоронения.
4. Чёртов котёл.
5. Янтарные капли.
6. Из Валахии – с любовью!..
7. Шахта смерти.

1. Храбрость

Рассказ.

Остерегайся слишком пристально вглядываться в Бездну. Иначе Бездна может захотеть вглядеться в тебя!

Акутагава.

Чернота завораживала.

Она буквально притягивала к себе, словно маня несбывшимися мечтами и радужными надеждами.

Но что он получит, если и правда, послушается её зова... И войдёт?!

Сглотнув тягучий комок, торчащий в горле, он невольно сделал шаг назад. Сердце стучало так, словно собиралось выпрыгнуть через уши, а струйки холодного пота текли по спине, сделав рубаху насквозь мокрой. Голову будто сдавил незримый обруч.

Кошмар.

Воплотившийся.

Гос-споди... А ведь так невинно всё начиналось!..

Звонок от деда Васи Виталий Степанович воспринял в контексте обстоятельств – как нормальную семейную обязанность. Выполнить которую нужно обязательно. Но – на какое-то время выполнение можно и отсрочить.

А момент на работе сложился как раз напряжённый: через три дня предстояло сдавать полугодовой отчёт в Финансовое и Налоговое Управления, и работы как всегда навалилось море. Рутинной, занудной, но – неизбежной, как снежные бураны зимой, или летние грозы, и такой же неумолимо предсказуемой. Отчёты нужно сдать во что бы то ни ста-

ло: иначе плакали все премиальные Конторы и его, соответственно, тоже.

Так что вечером, придя с работы и узнав у жены, что и как, он перезвонил, вежливо извинился перед тётёй Клавой, (женой деда Васи) и сказал, что раньше понедельника ну никак не сможет.

Тётя Клава, не сказать, чтобы попеняла ему, (Ну так – она ж понимает! Занятой человек! Всё-таки старший экономист – это вам не просто так! А конкретно – объект законной гордости для родных и близких, и зависти – для окружающих, у кого родные не достигли высот такой ответственной Должности...) но расстроилась. Он понял по тону, что дед уж очень хотел повидаться. Ладно – он постарается!

Он и правда постарался, и сразу после планёрки, спихнув на Ольгу Владимировну текучку, «оседлал» любимую девятку. Заправился на выезде из города, и двинул по новому суперскоростному шоссе Казань-Москва.

Съехав на обочину, где имелся специально сделанный для дальнобойщиков асфальтированный карман, он подкрепился бутербродом, который заботливо соорудила Мария. Правда, новомодным «чизбургерам» и «бигмакам» она никогда не подражала, но от этого толстенно-сочное слоистое сооружение не становилось хуже: напротив, раз начав кусать, остановиться было уже невозможно... Чем, похоже, и объяснялось наметившееся пару (Если не пять!) лет назад брюшко Виталия Степановича, недавно заставившее повертеть ши-

лом очередную дырку в ремне: кулинарными способностями любимой жены.

Так что запивая из ветерана – литрового термоса, уже лет десять как в трёх местах треснувшего, и аккуратно обмотанного синей изолентой, пластикового корпуса, сменившего три пробки, желтоватого там, где полагалось сиять белизной, и всё равно отлично сохранявшего кофе горячим – он только посмеивался. Больше, правда, над собой.

Проехав чуть дальше, пришлось свернуть уже на районную дорогу.

Когда настала пора съезжать на узенькую дорогу к бывшему колхозу «Путь Ильича», ныне гордо именуемому ООО «Богатырь», он уже успел пропотеть, несмотря на заблаговременно снятый пиджак. В воздухе стояла подозрительная хмара, делаая небо не глубоко-голубым, как ему положено в начале лета, а беловато-серым. Оттуда, сверху, что-то буквально нависало, ощущаясь грудью, да и всем телом. Не иначе – вечером хлынет очередной ливень.

В деревню Курунтай Виталий Степанович въехал в третьем часу.

Дом родителей жены ничем не отличался в ряду таких же, когда-то колхозных, а сейчас – выкупленных «частных» сооружений, построенных во времена незабвенного Никиты Сергеевича, когда Царица полей фактически задушила производство того, что росло на местных полях более-менее прилично: ржи, сахарной свёклы, и конопли.

Оставив машину у чуть покосившихся и давно не крашеных ворот высотой по пояс, когда-то явно очень скрупулёзно и аккуратно набранных из строго одинаковых по ширине дощатых планочек, он просто открыл никогда не запирающуюся калитку, и вошёл.

Скрип петель и хлопанье о косяк традиционно сопровождался лаем соседской собачонки – Виталий до сих пор не знал, как эту разномастную шавку звать. Тёща не менее традиционно называла нарушителя спокойствия «Санькин кабысдох!»

Тётя Клава вышла на крыльцо. Видать, услышала мотор, и увидела машину.

Обнялись, расцеловались. Виталий Степанович передал узел из багажника, оперативно собранный Марией. Тётя Клава как всегда приговаривая: «Да что ж это такое! Не надо было ничего передавать! Главное – чтоб повидались-то сами...», провела его в дом.

Дед Вася, похоже, уже не вставал с монументальной ретро-кровати.

Во всяком случае, когда Виталий Степанович прошёл во вторую комнату, и привычно перекрестился на образа в углу, навстречу ему сухопарое и почерневшее почти до коричневого от постоянного «пребывания на воздухе» тело не поднялось. Оно приветствовало его только возгласами да движениями рук, приподнявшимися для объятий.

Виталий Степанович поспешил приопуститься на коле-

но, чтобы и дать возможность тестю, и самому обнять того. Неприятно поразил вид судна, эмалированный край которого бросился в глаза у изножия постели: значит, точно – дед не встаёт уж давно. Да и еле заметный приторно-сладкий запах мочи и давно немытого потного тела, не сказать, чтоб бил в ноздри, но...

– Здравствуйте, Василий Инверович! – поторопился наконец разлепить сжавшиеся от нехорошего предчувствия, губы, Виталий.

– Ну здравствуй, здравствуй, зятёк. – голос деда сильно ослаб со времени их последней встречи – когда они с Марией приезжали на его восьмидесятишестилетие пять месяцев назад. Но тон оставался как всегда бодрым и словно чуть подтрунивающим. Дед, согласно неоднократным заверениям тёщи, в свои молодые, (да и зрелые!) годы любил и выпить и пошутить. А уж татарские «народные» частушки пел как никто, ещё и бойко подыгрывая себе на крошечной национальной гармошке – помнил и юморных, и скабрёзных, наверное, не меньше тысячи куплетов...

И вот теперь Виталий не знал, как начать разговор: страшновато и чертовски неприятно оказалось увидеть – не согнутого ни невзгодами голодного военного времени, когда десятилетний Вася пахал, сеял и убирал всё ту же рожь наравне с оставшимися в селе (Тогда ещё – селе!) женщинами, ни ужасным климатом, ни «кукурузными» заботами, а сейчас как-то резко сдавшего деда.

Дед, однако, сам пришёл на помощь:

– Клавдия. Нам с зятем нужно серьёзно поговорить. Может, посмотришь, что там с обедом? – Клавдия, в глазах которой Виталий уловил то же, что и в своей груди – бесконечное сожаление и предчувствие близкого конца этого хозяйственного «настоящего мужика» – сглотнув, только кивнула, подозрительно часто моргая. После чего, явно сдерживая рыдания, ушла на кухню, пристроенную к первой комнате, так и не отняв от груди напряжённых сцепленных ладоней.

– Виталик. – дед всегда называл его так, несмотря на то, что тому и самому скоро светила пенсия, – Я по твоим глазам вижу, что ты всё понял.

Нет-нет, не надо меня утешать, или подбадривать! – дед остановил жестом готовый вылиться изо рта зятя поток ненужных отрицаний и заверений, – *Я-то знаю*. Поэтому тебя и позвал.

Так уж получилось, что из мужчин в нашей Семье остаёшься только ты.

Это было правдой. Сын тёти Клавы и деда Васи погиб в Афганистане, поскольку был кадровым военным. Груз номер двести прибыл в Курунтай в восемьдесят первом году. Похоронили майора Усманова на крохотном деревенском кладбище, и с тех пор дед словно замкнулся, взор теперь смотрел как бы в себя, внутрь: весёлость сменилась самоуглублённой озабоченностью. Хмурые брови и немногословность, как очень быстро понял Виталий, относились вовсе не к

нему – новому родственнику, а к себе.

У Виталия же с Марией родилось две девочки. Первая, Наталья, уже давно выучилась на химика-технолога, вышла замуж, и отчалила в Данию: работать и жить. Вторая, Елена, защитила кандидатскую, обосновалась в Москве, и проявила себя отличной специалисткой: преподаёт и работает в медицинском. Хоть пока и не замужем, но с этим ещё не горит...

Поэтому Виталий, прекратив никому не нужные попытки «подбадривания», заткнулся и просто кивнул.

– Ну так вот. Я хочу, чтобы ты сходил в сарай и... посмотрел. Там, в дальнем углу, за старой молотилкой, стоит... Дверь. – слово «дверь» тесть произнёс словно бы с большой буквы, – Внимательно осмотри её. Изучи подробно – как сделана. Тебе будет нетрудно. Всё запомни. Иди прямо сейчас. Я... подожду.

Виталий снова кивнул и поднялся со стула, который ему сразу, и как-то незаметно, оказывается, пододвинула тётя Клава. Пройти в сарай... Осмотреть дверь. Хм. Странно.

Пересекая аккуратно прибранный двор с заасфальтированными чисто выметенными дорожками, он недоумевал: момент явно очень серьёзный. Не иначе, тесть чувствует, что приближается конец. И хочет сообщить что-то важное. Но при чём тут *дверь*?!

В сарае у деда Васи пахло скипидаром и машинным маслом. Здесь царил, как, впрочем, и везде в Хозяйстве, образцовый порядок. Ничто под ногами не болталось, грудями

в углах навалено не было, и всё стояло и висело так, словно стояло и висело именно на этих местах десятилетиями. Впрочем, усмехнулся про себя Виталий, так ведь и было.

Дверь в дальнем углу он нашёл легко.

А вот понять, зачем он должен её осматривать пока так и не удалось.

Впрочем, к делу он подошёл добросовестно. Тут он от тестя мало чем отличался: подчинённые много раз ворчали и пеняли ему, что он «уж слишком скрупулёзный и дотошный», как в цифрах, так и в дисциплине...

Да разве Старший Экономист может быть другим?!

Так. Каркас собственно двери из досок «пятёрок» – они идут по окантовке. Внутри вставлены более тонкие пластины-плашки. Да, такая конструкция была популярна лет пятьдесят назад. Правда, есть любители псевдоретро и сейчас: на строительных базарах он такие модели тоже встречал.

Так, а это – что? А-а, вон оно как. Продольные и поперечные доски каркаса крепятся на шипах. И клею. Никак, столярном – вон, в одном из углов сохранились потёки...

Рама-косяк, в которой дверь сидела, тоже оказалась собрана без гвоздей или шурупов: на клею, и хитро выбранных пазах и шипах – «ласточкиных гнёздах».

Что ж. Вполне стандартная конструкция... Только вот петли.

Петли оказались не традиционно стальные, а медные. Причём – чисто медные. Они потемнели до почти чёрного, а

кое-где даже позеленели. Шурупы, крепившие петли к косяку и двери, тоже оказались медными. Ручка имелась только с одной – наружной – стороны, и сделана была, что Виталия уже не удивило, опять-таки из меди.

Ну и что?..

Поняв, что уже минут двадцать вертит злосчастную дверь туда и сюда, словно «дурень – писанную торбу», и познакомился со всеми «тонкостями» и «особенностями», Виталий снова протиснулся мимо старой (Но – наверняка – ещё на ходу! Дед другого состояния подотчётного инвентаря и не потерпел бы!) прицепной молотилки, и вышел из сарая. Когда хлопнул дверью, соседский «кабысдох» снова растявкалился.

Прежде чем войти обратно в дом, Виталий оглядел горизонт. Очень душно. Похоже, вон из тех облачков, и серости за ними, к ночи набежит-таки гроза... А ему ещё ехать. Но вначале надо всё-таки выяснить, чего же хочет от него дед, и пообедать – иначе тётя Клава обидится. И будет права: она всё-таки старалась для него – любимого зятя!..

Тесть смотрел на него... С обычной татарской хитринкой.

Но только когда Виталий подошёл и снова уселся на стул, разлепил губы:

– Запомнил? *Сам* такую построить сможешь?

Виталий опешил. С чего бы это ему – Старшему Экономисту! – *делать* Дверь?! Их вон: десятки моделей продаются на строительном базаре. Да и в любом хозмаге...

Но подумав, решил что, надо будет – и справится: а что! В молодости всё-таки закончил «столярно-плотницкое...» Это уж потом умные люди посоветовали получить высшее образование – мол, не помешает. Не помешало. Хоть и попотеть пришлось. Десятки раз готов был плюнуть и бросить! И если бы не мягкое, но настойчивое «вразумление» со стороны Марии, глядишь и...

Он кивнул.

Дед вздохнул. Поморгал. Сказал:

– Сядь поближе. Во-первых – мне уже тяжело говорить... Громко. А во-вторых – не хочу, чтобы Клавдия слышала. – Виталий пересел и даже нагнулся к тонким ниточкам губ, которые дед на протяжении всего монолога, следовавшего затем, часто облизывал.

– Дверь эту я сделал восемь лет назад. Она такая, как показал мне отец – Инвер Эльдарович, стало быть... Он показал мне её. А потом... Разобрал!

И тебе придётся разобрать мою. Уже потом. Когда... – зрачками дед показал в потолок. Виталий опять не набрался духу возразить что-либо. Чувствовал, что дед прав. И знает это. Так что он просто в очередной раз кивнул.

– Словом, дверь я сделал тогда, когда меня прихватило первый раз – ну, ты помнишь! – Ещё бы! Первый инфаркт деда Васи Виталий помнил отлично. Если б не оперативная доставка на любимой девятке, и не знакомый однокашник в районной больнице, неизвестно, чем бы всё тогда могло...

Он сглотнул.

– Вот тогда, пока я лежал там, в палате, да всё в белый потолок пялился, я и подумал – пора... Пора отправляться в лучшие места. А что: дочь пристроена, хозяйство налажено... Даже газ из района провели: теперь не надо чёртов уголь запасать и перетаскивать в погреб! (Виталий помнил и такое. Пять тонн на зиму – и вёдрами из кучи, вываленной КАМАЗом у ближайшей стены – да в угольный подпол!) Клавдия теперь справится. Опять же вы с Марией – будете навещать её на день рождения... Да по праздникам.

Словом, хотел я тогда поступить, как отец-то говаривал: «Сделал дело – гуляй смело!» А чтоб «гулять», нужно было сделать вот *это*. Дверь, которую ты только что видел.

Я почему заставил тебя подробно изучить и рассмотреть, как устроена. Ты же кончал столярное... А мастерство и руки, – дед чуть приподнял свои похожие на клешни жилистые узловатые руки над одеялом, – никуда не деваются. Это-то – всегда при тебе. Словом, повтори конструкцию. Я лично могу гарантировать: работает.

Видя недоумевающий взгляд зятя, дед поторопился продолжить:

– Да, я знаю, о чём ты подумал: с чего бы ей не работать! Но... Это – *не та* работа!

По-настоящему такая Дверь сработает только один раз. Зато как!..

Теперь-то могу признаться: мне просто... Не хватило

храбрости.

Да, чёрт его задери, будь оно всё трижды неладно! Именно так: я испугался! -зрачки деда расширились почти во всю радужку, и дыхание с присвистом вырывалось из груди: похоже, «работа» Двери не на шутку волновала его до сих пор!..

Однако дед быстро взял себя в руки:

– Хотя, если честно – и кто бы тут не испугался... Словом, вот что я тебе должен передать. Как инструкцию. Если приспичит (Тьфу-тьфу!) – сделай такую же дверь. Прислони её туда, где у тебя есть свободное место – к любой стене, будь там хоть кафель, хоть штукатурка, хоть обои... Прикрепи поосновательней. Края косяка залепи к стене. Хоть скотчем строительным, хоть изолентой. Лишь бы – чем-то непрозрачным. Затем...

Рука деда зашарила под подушкой, и вернулась согнутой в кулак. Кулак открылся, и переложил в подставленную Виталием ладонь смятую засаленную бумажку:

– Вот. Прочти сейчас и запомни. На всякий случай. Это из Евангелие от Матфея. Скажешь эти слова три раза. А потом... Потом – тебе понадобится вся смелость, какая у тебя найдётся. Потому что войти... Страшно.

Нет, не то слово – **ЖУТКО СТРАШНО!!!**

Я сам, когда увидел, что там, за дверью, вначале-то обрадовался, как дурак... А потом... Когда осознал, что – всё! Обратного пути не будет...

Испугался. Какой бы ни был оставшийся мне срок – а об-

рывать его вот так, сходу... Пусть и там болит, и здесь – не разогнёшься, да на дождь этот, что на подходе – все кости ломит... Особенно крестец... И глаза уж ни... я не вижу, и руки – даже молотка не держат... А всё ж таки – я – жив! А там...

Будет ли это – *жизнь*? Или я... Просто исчезну?

Словом, я дверь-то тогда закрыл. А когда открыл назавтра во второй раз – ни-че-го! Только стена горячо любимого сарая. И читай-не читай, уже – пшик! Упустил я свой шанс. Такое... Дается лишь раз в жизни – сделай я теперь хоть ещё тыщу дверей.

Ну, с другой стороны, я не слишком-то и расстроился тогда... Вот. – дед словно приободрился, с довольной улыбочкой глядя в глаза зятю. – Уже восемь лет скриплю тут потихоньку... Несмотря на то, что так и не знаю – что ждёт меня *теперь* ТАМ, на той стороне: райские кущи ли... Или котлы с огнём неугасимым.

Словом, увидал я тогда, когда в *первый раз* открыл Дверь, не иначе, как Райский Сад. Травка там такая... Зелёная! Изумрудная прямо. А уж ровная и мягкая – словно кто стриг. Газонокосилкой. И – небо, глубокое-глубокое... Затягивает – словно полетать приглашает! А ощущение такое – что *там* можно и полетать!.. Солнышко опять же светит, облачка этикие кучерявенькие... Бегут себе деловито. Тепло – как летом. Да там, наверное, и всегда так... Вечное лето. А уж деревья!..

Тут тебе и вишни, и яблони, и груши, и ещё какая-то красотища иностранная – я такие только в теплице районной видывал... А иных – так и вовсе не видывал! И всё в цвету!.. А пахло как, как... М-м-м... Ну, как в Раю. А ещё заметил – и плоды там были. На всех деревьях. Вот так: и цветут и плодоносят... Словом, думаю, с голоду бы там точно не помер! Но...

Не хватило мне смелости, Виталик, не хватило... Или...

Или жалко стало Клаву – на кого ж я её оставляю-то, на старости лет, если... А ведь нечестно это: раз могу ещё двигаться, силёнки мал-мало осталось в теле – надо жить! А не... бежать. Бежать – стыдно!

Вот ежели бы я был, скажем, неизлечимо болен... Ну там, рак, паралич, как при инсульте-то бывает, или ещё чего, (Не дай Бог!) вот тогда, может, и...

Н-да. Словом, зятёк, закрыл я тогда чёртову дверь, и... Остался здесь. – Виталий заметил, как в уголке глаза деда собралась предательская влага, которую тот поспешил проморгать, и смахнуть узловатым пальцем. Но дед ещё не закончил:

– Тебе могу посоветовать: ты Дверь-то себе сделай... А неровен час – случись чего, или прицепится какая неизлечимая болячка (Снова – тьфу-тьфу!) и сможешь... По-крайней мере, от жуткой боли избавишься. Н-да.

Ну, вот и всё. Теперь ты *знаешь*.

А уж как распорядиться...

Дед в очередной раз облизал губы, и словно откинулся чуть глубже в кровать, покосившись на образа в углу. Виталий Степанович тоже облизал почему-то пересохшие губы, и выпрямился на стуле.

Чёрт возьми!..

А ведь дед-то... Говорит *правду!*

Он чуял это всем своим прагматично-казённым методичным нутром!

Никакой это не розыгрыш и не очередной дедовский прикол. Это – самая что ни на есть правда.

Запасной выход для... Уставших жить. Неизлечимо больных. Отчаявшихся. Сломленных горем. Да и просто – стариков. Однако он не мог не спросить:

– Василий Инверович. Не поймите меня неправильно... Но откуда ваш отец-то узнал... Про Дверь?

– Дед ему рассказал. А дед привёз, вроде, это тайное знание из Германии. Он там стоял с гарнизоном в сорок шестом... Там и узнал. В Неберкирхене. Сам, правда, не пробовал. Рассказал только отцу. И бумажку эту передал. Она, вроде, на латыни... Да ты взгляни-то!

Виталий расправил бумажку (Никакая это оказалась не бумажка – а тонкий и, похоже, очень древний пергамент! Уж Виталий-то разбирался!) на колене.

Три слова. Точно – на латыни. Буквы еле различимы, и проступают жёлто-корич-невыми следами выгоревших чернил на грязно-жёлтом фоне пергамента. Написано каллигра-

фически – словно писал какой-нибудь средневековый монах... А, может, так и есть – похоже, просто переписано гусиным (!) пером из Евангелие. Католического.

Сами-то слова знакомы. Ещё бы: такие даже школьник, знающий хотя бы латинский алфавит, прочтёт легко.

Но школьник вряд ли «заморочится» «собственноручным» изготовлением Двери...

– Запомнил? Спрячь подальше – мало ли... А Клавдии и Марье скажешь, что я объяснял тебе подробно про Завещание. Хотя чего там объяснять: пока Клава жива – всё ей. Как надумает помирать – сама пусть составит своё, как захочет.

Ну, ладно... Зятёк. Дай-ка я тебя обниму. На прощанье. – дед покудахтал. Очевидно, это должно было обозначать очередную его шутку.

Она явно не получилась – дед и сам понял: вздохнул.

Но деда Виталик обнял крепко, сам еле сдерживая слёзы, и играя желваками на скулах. Вот: оказывается, он вредно-дотошного тестя чертовски сильно...

И если что – ему будет его реально не хватать!

Гроза началась когда он уже подъезжал к городу. Времени было почти десять – задержаться пришлось, чтобы уж тёща не обиделась, что он не «наслаждался» её стряпнёй, а «глотал, аки утка!» Еда тёти Клавы и правда, нравилась Виталию Степановичу: если говорить языком современной молодёжи – обалденно! В смысле – обалденно вкусно.

Поэтому загнав машину в гараж, и зайдя домой, ужинать Виталий отказался.

Зато потом долго и обстоятельно, вздыхая и хмуря брови, рассказывал жене, в каком виде нашёл деда, и что сказала ему на кухне мать Марии.

Мария разрыдалась. Отца она и побаивалась, (Уж больно строг был в детстве – «в строй ставил!») и любила. Не той, показушной, любовью, как у многих, многих знакомых Виталия Степановича – а настоящей. Которая не проявляется в лживо-горячих долгих объятиях, и слюнявых поцелуях (особенно – после пятой рюмки), а живёт в состоянии духа. Когда человек спокойно знает – да. Для этого человека он готов на всё. На всё!

Виталий уважал свою жену – умом она, пожалуй, даже превосходила его самого. Это выяснилось довольно быстро: все его «наезды», и даже уже начавшиеся ссоры-разборки она умела быстро подавить буквально в зародыше. Несколькими простыми вопросами или фразами доказав ему, что ссориться-то – не из-за чего! Да и поругавшись вдоволь, и наоравшись до хрипоты, они ничего не приобретут, и друг другу не докажут, (Глупо что в тридцать, что в пятьдесят лет менять привычки и саму натуру!) а лишь разрушат свои, ближе к старости – спокойные и взаимоуважительные отношения...

Как он неоднократно шутил по этому поводу, что это ей надо было родиться мужиком!.. Ну, или податься в полити-

ку. На что она обычно отшучивалась, что ему тогда нужно записываться в зануды-бюрократы... Теперь-то, ближе к пенсии, он уже понимал, что и это – не совсем шутка.

Посочувствовав жене и порасстраивавшись сам, Виталий вымылся и лёг. Спал всё же неплохо.

Утром бумажку-пергамент перепрятал в «уголке домашнего мастера», который отгородил себе в кладовке над лестничным пролётом, и пошёл на работу.

Как-то так получилось, что несколько месяцев всё шло вполне буднично и обычно: каждый день на звонки тётя Клава отвечала, что всё потихоньку, деду не хуже. Правда, и не лучше – а чего ещё ждать в восемьдесят семь... Районный врач – пышнотелая краснощёкая хохотушка лет двадцати восьми – регулярно заезжает, колет бэ двенадцать, да таблетки Тромбоаса и Талитона приносит... Да ещё какую-то «химию» деду выписала.

Умер дед внезапно – в начале октября. Похоже, как сказала по телефону тёща – во сне. Наверное, не мучился. Сообщая это, тётя Клава не плакала.

Похороны Виталий Степанович помнил плохо – ПАЗик «чёрного тюльпана» за пять минут довёз гроб до крохотного кладбища позади до сих пор неработающей церквушки, которую местные начальники восстанавливать не видели смысла: в деревне осталось не больше пятидесяти человек. Из которых большая часть – эти самые старушки. А отказ реста-

врировать церковь местная и районная Администрация объясняла тем, что до соседней – всего два кэмэ... И это была правда.

Вот из этой-то церквушки соседнего села Виталий и приезд попа – чтоб уж всё было «Как положено!» Ну, так всё и получилось. И закончилось очень быстро.

Когда землекопы заровняли свежий холмик и пристроили все венки и цветы, тётя Клава закрыла лицо руками. За всё это время она не уронила ни слезинки. Виталий и сам не плакал. Причитала какая-то соседка – уж так всхлипывала, так всхлипывала... Точно это она была женой деда Васи... Или хотя бы любовницей.

На поминках собрались почти исключительно одни бабушки. Дедушка-то, похоже, оставался только у тёти Клавдии. Лапша оказалась покупной, а салаты, колбасы, копчёности, и солёные огурчики «под водочку», как и саму «беленькую», Виталий и Мария привезли сами. Уж водки-то набрали самой лучшей: для деда Васи не жалко и раскошиться... И ещё накупили свежайших закусок: нарезкой и готовкой салатов теперь почти никто из жителей их города не заморачивался – всё делали шустрые «понаехавшие» «азиатки», захватившие целый угол на районном рынке, и уже имевшие постоянных клиентов.

Опасаясь оставлять тещу одну (Не дай Бог – какой инсульт!) Виталий убедился, что у Марии оба мобильника работают, чмокнул её как-то впопыхах в щёку, и уехал домой

один, уже позже девяти. Работы опять навалили.

Дома, хоть было уже за полночь, достал из укромного угла смятую записку.

Долго смотрел на неё. Потом всё же свернул и сунул обратно.

Про записку Виталий Степанович почти не вспоминал до того момента, как спустя три года после дедовских похорон стало болеть под правым ребром.

Вначале попробовал привычные простенькие методы: Панкреатин, Мезим, Ношпу. Потом – препараты алюминия. Потом сел на диету: ни жаренного, ни острого, ни жирного... На какое-то время помогло.

Когда боли усилились и участились – пришлось-таки идти «глотать кишку», и пить какую-то гадость, чтобы «просвечиваться». И делать и сдавать ещё массу анализов. А вот потом, когда профессорша попросила привести жену, Виталий обо всём догадался.

Рак печени.

Неизлечимо. Жутко болезненно.

От курса химеотерапии Виталий пока отказался.

В ближайшее воскресенье отправился, несмотря на боли, на местную барахолку. На следующее воскресенье пришлось съездить и на Центральную. Проходив там с час, докупил всё, что хотел: и петли, и ручку, и даже шурупы... Ну правильно – на то и столичный город. Тут можно найти всё.

Клей у него дома уже имелся. А уж про инструменты и говорить не надо...

Планки, брусья и доски со строительного базара привёз домой в среду.

Субботу и воскресенье, несмотря на ворчание жены, что «занимается какой-то хренью вместо того, чтоб отдохнуть», посвятил планированию, расчерчиванию и распиловке заготовок.

Собирать дверь и косяк-раму начал на следующие субботу и воскресенье – благо, ни идти ни ехать никуда не надо было.

За две недели с работой управился.

В четверг Виталий Степанович пришёл домой в обед. На работе сослался на усилившиеся боли. Там на него теперь смотрели, с трудом скрывая жалость – он к этому никак не мог привыкнуть. А ещё бы не с жалостью: люди же не идиоты! Сами видят, что исчезли брюшко и гордая осанка, и морщины прорезались на осунувшемся бледном лице...

Он буквально нутром чувствовал, что через пару-тройку месяцев на его похороны коллеги притащат огромно-помпезный, казённо выглядящий венок на ножках, с надписью «от друзей и коллег по работе»...

Дверь оказалось возможно прикрепить лишь в единственном месте в квартире: меж двух окон в зале. Крохотные спаленки их трёхкомнатной в девятиэтажке, в которых раньше базировались дочери, все сплошь уставлены мебелью, или

заняты ещё чем «неперемещаемым» или «памятным».

Планочки, которые Виталий прикрепил к раме специально для этой цели, легко и прочно прижались к стене: он посадил их на саморезы. (Он уже продумал, что, не получись что-то, легко зашпаклюет дыры от них.) Единственное, что очень расстроило – держать дрель-шуруповерт оказалось уже очень трудно... Как он понимал теперь тестя!

Дыры и щели по периметру рамы он заделал строительным скотчем. Не просвечивает. Ну всё.

Можно, вроде, приступать – завещание он оформил и подписал чин-чинарём, ещё месяц назад, когда всё это завертелось...

Однако он принёс из мастерской табурет, поставил напротив двери и сел.

Долго её рассматривал, сам не понимая, зачем.

Да, страшно.

Дед прав, тысячу раз прав: *такое* – не просто страшно, а *очень* страшно!..

Поневоле вспомнился Шекспир и его Гамлет: «...достоин ли?..»

Но Гамлет не был болен – только хотел отомстить мерзавцу-узурпатору, унижавшему мать. Убийце отца. Так что Гамлет – «ещё не сделал дело», поэтому и не мог «гулять смело».

А вот он – сделал.

Он даже дочерям позвонил. Не то, чтобы попрощаться, а так... Типа, взбодрить их.

Взбодряются они, как же... Они его тоже чуяли – младшая грозилась на выходные приехать.

А вот этого он бы не хотел – слёзы ей, может, и удастся сдержать, но он-то будет знать – чего ей это стоит... Ладно, у него было время всё как следует обдумать, и... Надумать. Он заставил себя оторвать похудевший зад от табурета.

Ф-фу... Если он хочет «уйти» до прихода Марии, нужно это делать.

Или – сдаваться!

А он не хотел, чтоб Мария запомнила его таким, каким он неизбежно станет через несколько месяцев – тощей и морщась от боли развалиной где-то на больничной койке реанимации, под белой простынёй в ослепительно-мертвящем свете голубых ламп...

Он развернул клочок бумаги. Вспомнил деда: прости, теть, если что было не так. Ему-то уйти *придётся*! И здесь Василий Инверович словно в воду глядел...

Правда, вот передавать тайные знания про Дверь он сам не собирался никому.

Справившись с голосом и прокашлявшись, он внятно и громко прочёл три раза.

Перекрестился на всякий случай.

Открыл.

Всё верно: Дверь работает.

Вот только закрыться всё время почему-то норовит:

неправильная балансировка косяка. Он, не придумав ничего лучше, снял и подпёр Дверь обеими домашними тапочками. Порядок. Можно смотреть внутрь, не опасаясь, что дверь захлопнется сама, не дождавшись его решения...

Однако его насторожило то, что вместо описанного дедом «Райского сада» в проёме словно клубилась... Темнота. Да! Темнота казалась буквально жидкой и чернильно (Вот уж – тавтология!) чёрной. И она вовсе не стояла застывшим монолитом, как иногда кажется в безлунные ночи, да ещё когда вдруг отключают электричество, и тьму в спальне не рассеивает привычный огонёк ночника.

Она...

Да – она клубилась, двигалась, переливалась всеми, если их можно так назвать, оттенками угольно-мазутной тьмы, пугая и притягивая взгляд одновременно! Так на него действовало обычно течение реки... Или – горение огня.

Но здесь – не горело. И не текло. Только клубилось – клубилось, не сдвигаясь с места...

Но почему же нет «деревьев в цветах и плодах»?! Может, в Саду сейчас – ночь? А почему тогда не видно звёзд?.. Да и вообще – ничего не видно! Та полоса света, что падает из его комнаты, должна, казалось бы, хоть на полу что-то освещать? Или *там* нет пола?

Или... Или деду показали Сад потому, что он ему и был предначертан.

А ему – место, где он будет... Ждать? Суда? Или...

Чёрт возьми! Опять – сплошные «или»! Если ему и суждено попасть «к котлам», в любом случае это сделать надо – чему быть, того не миновать! А Марии всё же будет полегче, когда он освободит её от неизбежных и дорогих, но таких бессмысленных попыток удержать подольше на этом Свете его брэнное, и болезненно истаивающее тело...

Однако когда Виталий подошёл поближе, темнота и её вращение-клубление словно заложили уши ватой, навалились странным гулом и давлением на сознание и черепную коробку... Он невольно сделал шаг назад. Давление словно ослабло...

Постой-ка!..

Завещание-то он написал, а вот записку... Письмо. Он не попрощался с Марией!..

Не объяснил ей, что хочет уйти, не мучая её – ни морально, ни физически. Собственно, это не так страшно: он все свои дела устроил. Кредиты давно закрыты, квартира на Марию – переоформлена. Дочери... Пристроены. Возможно, Мария захочет перебраться в Данию, к старшей. Она как-то с год назад об этом говорила.

Вот. Про это он и напишет.

Он сел за письменный стол, взял приготовленный лист и ручку.

Оглянулся на Портал Двери – там всё по-прежнему. Вздыхнув, он начал:

– «Мария!

Прости меня за то, что я собираюсь...»

Больше он написать ничего не успел: высунувшаяся из клубящихся вихрей темноты абсолютно бесшумно огромная волосатая лапа схватила его поперёк туловища и втащила в проём – он даже удивиться или крикнуть не успел!..

Затем вернувшийся чудовищный палец когтем аккуратно отодвинул домашние тапочки. Дверь плотно закрылась.

Когда Мария подошла к подъезду, нехорошее предчувствие сжало сердце – словно ледяной волосатой лапой.

Соседки, с горестно-удручённым видом стоявшие над очерченным мелом контуром на асфальте, расступились, чтобы она могла подойти, запричитали громче:

– Маша! Горе-то какое! Как жаль Виталика! Такой ещё молодой, крепкий!.. – возгласы прервал появившийся словно ниоткуда человек в форме – на самом деле он просто вышел из-за милицейского ГАЗика, стоявшего тут же:

– Мария Васильевна? – она невольно кивнула, – лейтенант Дусеев. Мои глубочайшие соболезнования... Вашего мужа уже увезла скорая. Но, боюсь, сделать уже ничего не удастся – травмы слишком... Несовместимы с жизнью. Прошу прощения – мне придётся задать вам несколько вопросов. Если не возражаете. И квартиру осмотреть.

Она как-то механически покивала, осознавая, что на неё пялятся все – и стоящие вокруг, и высывающиеся из окон любопытствующие.

Ещё бы: не каждый день люди падают с девятого этажа...

На негнущихся ногах она прошла к лифту. Лейтенант и его помощники оттеснили тех, кто пытался последовать за ней.

В квартире... Ей показалось странным только одно: прикреплённая прямо к бетонной стене в зале новая, даже некрашенная, дверь – между двумя окнами.

Похоже, это Виталий прикрепил её. И совсем недавно: наверное, пришёл с работы пораньше. Лейтенант попросил:

– Не могли бы мы с вами пройти на кухню, пока эксперты займутся окнами?

Эксперты – два задумчиво-угрюмых мужчины в штатском, вежливо покивав ей, прошли из прихожей к окнам. С собой они внесли три чемоданчика.

Пока она отвечала, словно сквозь сон, на стандартные и задаваемые сдержанно-вежливым тоном вопросы о «состоянии здоровья в последние дни», о привычках, ясности мышления и настроении мужа, когда он узнал о..., и т.д., разговоры в зале экспертов с каким-то новоприбывшим начальством всё равно невольно откладывались в подсознании:

– «Нет, это совершенно точно. Окна не открывались по крайней мере два-три дня! Только форточки. Пыль и... – какие-то термины остались непонятными, но она поняла – Виталий не воспользовался окнами. Да оно и понятно! Кто бы закрыл их за ним?!

Другой эксперт обследовал замки входной двери:

– «Нет, только – оригинальными ключами... Или – впустил сам...»

–... «Следов чужой обуви нет. Но на всякий случай придётся ковёр из зала изъять...»

А больше всего поразил вопрос лейтенанта:

– У вас был ключ от замка чердака?

Она точно знала – ключ есть только у подъездкома, вредной старой вдовы – тёти Шуры, как все называли Гульбахор Каримовну, и она никогда его никому не даст: только сама откроет, и проследит, что и как делается на вверенной её хозяйскому оку, крыше.

Голоса в зале теперь говорили на чуть повышенных тонах:

– «... что значит – не вылезал? Может вы ещё скажете, что он прошёл прямо сквозь стену в эту дверь?!»

– Прошу прощения ещё раз, уважаемая Мария Васильевна. Если у нас возникнут ещё вопросы, я позвоню. Или подъеду...

Она не помнила точно, как они убралась из её квартиры, да это и не имело значения. Она почему-то поняла, зачем отец три года назад вызывал Виталия.

Хотел рассказать ему о...

Двери.

Не проста же муж, уже в таком состоянии, сделал её.

Может, это – его «запасной выход?» Интересно, что предстало его взору там, за Дверью?.. А ещё интересней, что видел Василий Инверович... Раз не воспользовался.

Но когда она подошла к двери и открыла её, за ней оказалась обычная стена.

А вот для Виталия она, похоже, стала-таки... Пропуском. Вот только – куда?..

Куда?

2. Положительный результат.

Рассказ.

В то, что инопланетяне всё же существуют, Бишопу поверить-таки пришлось.

Потому что ни одна земная технология не способна перенести человека вот так, мгновенно, без малейшей подготовки и предупреждения, не то, что в другую Вселенную, а и в другую комнату...

А то, что он – в другой Вселенной, или, по крайней мере, на другой планете – однозначно.

Это заметно хотя бы по тому, как легко здесь дышится: похоже, процент кислорода побольше, чем там, «дома». Да и гравитационный показатель явно пониже: когда попробовал подпрыгнуть прямо на месте – подлетел чуть не на фут. И это – он, который не то, что пробежки по Центральному парку, как другие коллеги-профессора не совершал...

А и утренней зарядкой-то пренебрегал, считая, что в сорок два года он уж как-нибудь пока без неё...

Н-да.

А лучше бы – не обходился. Мало ли чего ему теперь предстоит.

А ведь – предстоит.

Иначе его не обнажали бы полностью, лишний раз намекая, что «нуль-транспор-тировке» подвергся лишь живой организм. И не помещали бы в столь вопиюще напоминающую крысиный лабиринт, обстановку! Видно которую, кстати, неплохо: рассеянный белый свет словно исходит прямо из белых же стен, и от потолка с полом. Тоже белых.

Бишоп, всё ещё стоя на месте, попробовал продышаться – от неожиданности словно задохнулся. Возможно, что и побледнел. Но постарался побыстрее взять себя в руки: от паники толку точно не будет!

Он, оставаясь в центре помещения, сделал оборот вокруг своей оси. (Конечно, если считать, что у преподавателя высшей математики есть оси...)

Комната явно кубической формы. Да и правильно: чтоб лабиринт был совершенен, он и должен состоять из таких, абсолютно идентичных, словно взаимозаменяющихся, комнат-блоков. Чтоб у подопытной крысы не имелось ориентиров. Или ему придётся оставлять после себя «пахучие метки», как делают муравьи профессора Парелли?

Вряд ли. У него столько «пахучего вещества» не наберётся...

Он хмыкнул – лучше относиться к случившемуся с иро-

нией. Иначе... Можно просто спятить. Особенно – если серьёзно задуматься над всеми сопутствующими вопросами. («Мы не одиноки во Вселенной!»)

Лучше как следует подумать, как *выбраться* отсюда. Ведь его сюда поместили однозначно – не для того, чтоб он любовался на комнаты-блоки. И не рассуждал абстрактно о внеземном разуме.

От него явно ждут «проявления высшей нервной деятельности».

То есть – «решения» чёртова Лабиринта. Нахождением выхода.

Посмотрим.

Подумаем.

Размерчик сторон... Хм-м... Примерно пять на пять на пять. Шагов, или метров. Четыре белых стены, белые же пол и потолок. В углах каждой стороны комнаты-куба – отверстия. Похожие на дверные проёмы.

Надо же: проёмы-то сделаны... Словно под него: в высоту – точно под его рост: чтобы прошёл, и не треснулся макушкой, стало быть... В ширину – фута два. Никаких дверей. Толщина стен, если судить по косякам – дюйма три.

И, разумеется, расположены проёмы абсолютно одинаково: по, условно говоря, левым углам стен: так, чтобы нельзя было увидеть, что в соседнем помещении, не подойдя и не заглянув.

Отверстия в полу и потолке точно такие же. От потолоч-

ного проёма вниз вдоль стены спускается лестница: без перил. Только ступени. Из белого материала. Странная лестница: словно кто-то просто взял длинную, двухфутовой ширины полосу металла, и сложил гармошкой – так, что размер ступеней примерно по футу... Толщина полосы... Тоже дюйма три. Начинается у проёма в потолке, заканчивается в пустом углу. Вход на следующий нижний ярус – в противоположном, диагональном, углу.

Ну, задача-то, в принципе, понятна: каждая соседняя комната будет точной *зеркальной* копией соседней – опять-таки, чтобы он не мог заглянуть вперёд дальше, чем на одну комнату-перевёртыш. Можно даже не подходить, чтобы проверить: иначе какого ...рена бы он был преподавателем именно высшей математики – науки, основанной на чёткой и неумолимой логике.

Вот, значит, почему для прохождения чёртова лабиринта выбрали его.

«Синие (Или – зелёные?) человечки» попросту хотят проверить, насколько логичны самые логичные (По должности!) земные люди...

Ладно, он постарается не ударить «лицом на грязь...»

Бишоп сел прямо в центре комнаты, там, где и стоял.

Начнём думать. Логически.

Эта задача *должна* иметь решение. Причём – такое, чтобы он смог решить её.

Пока жив.

Может, именно поэтому нет ни пищи, ни воды – предполагается, что решение имеет конечное, и, сравнительно небольшое, время своего нахождения. И за это время он не погибнет от жажды, голода, или жары. Жара, кстати, умеренная – градусов двадцать пять Цельсия. Только-только чтобы он не испытывал холода без одежды. Значит, хотя бы физиологию землян проклятые инопланетяне позаботились изучить.

Ну а данные по «разумности, и адекватности поведения» должен дать он.

Бишоп вспомнил – эта мысль пронеслась у него фактически первой! – что читал рассказ о подобной ситуации. Случившейся, кстати, с каким-то тоже – учёным. Как инопланетяне поместили того в примерно такие же лабораторные условия, и заставили как-то решать некие задачи...

О! Точно! Тот учёный являлся специалистом по методам обучения, и на нём проверяли как раз методы. Как раз – обучения. Очень даже сходные с земными – типа того, что если не хочешь стоять под медленно возрастающим напряжением, быстренько научишься выбирать правильный путь! И когда решил правильно – получай фотографию нагой женщины. (Теория «вторичного подкрепления»! О том, как один вид пищи, или награды, заменяет пищу. Или награду.)

Слава Богу, его электричеством вперёд не гонят. Пока, во всяком случае.

Значит, будем считать, что время у него пока есть. Хотя...

Главный ограничивающий фактор, конечно – вода. Утром, за завтраком, он напился кофе. Перед лекцией ещё и хлебнул минералки. Чтоб не пересыхало горло от полуторачасовой «говорильни». Но это – ненадолго. Учитывая тёплый воздух и его насыщенность кислородом. Значит, и пища из желудка и вода из тела рассосутся быстро. При повышенном содержании кислорода ему будет, конечно, первое время полегче. Но и метаболизм организма при этом ускорится. Используя для этого опять-таки – больше воды. Плохо.

Тянуть нельзя: нужно найти *правильное* решение. И, соответственно, выйти из Лабиринта. Потому что очень похоже, что от этого зависит и его жизнь, и...

Существование людской Цивилизации. Так как очень даже может случиться так, что если он продемонстрирует тупость или упрямство, их, человечество, захотят попросту уничтожить. А вместо них заселить на землю каких-нибудь более умных. Например, не с розовой кожей, а с зелёной. И – не обязательно гуманоидов, а, может, и насекомых...

Эк, куда его повело!..

Чистая паранойя! Да ещё и ксено!

Нет, вряд ли пришельцы настолько аморальны, чтобы уничтожать «тупую» Разумную Расу. Скорее всего, они попросту улетят, предоставив людей самим себе, и не вступая в контакт. Который, возможно, мог бы многое земной науке и технологии дать...

Чёрт! Теперь его повело в другую крайность – в какие-то

глубины философии!

Ему сейчас нужно просто найти *решение*! И найти в ближайшие два дня – иначе он будет не ходить, а уже лишь ползать. От обезвоживания.

С закрытыми глазами почти удалось отстроиться от дикости ситуации.

Не-е-ет, осознавать и раздумывать над её дикостью – только нервы себе портить. И, судя по всему, портить совершенно бессмысленно и безрезультатно.

Никто его «в первичные условия» не вернёт, пока он не *справится с Задачей*.

А не справится – скорее всего, здесь же и погибнет. Что для исследователей – смерть одной единственной крысы в Лабиринте!.. Вот именно – пшик! Крыса же! Всегда можно взять другую: вдруг окажется посообразительней...

Значит, придётся, хочешь, или не хочешь, именно – решать. И именно – логично. Желательно ещё и так, чтоб не падать от усталости к концу. Так что бессмысленное метание, с перебором комнат в случайном порядке, нужно сразу исключить. (Так могла бы решать мисс Симмонс – она любит постоянно ссылаться на свою «сильно развитую природную интуицию».)

Здесь «природой» не пахнет. Лабиринт создан умышленно. И наверняка подчиняется определённым логическим закономерностям.

В частности, например, стены, пол и потолок явно сугубо материальны. (Во всяком случае – заднице уже жёстко!) Значит, обладают какой-то, может, конечно, и чрезвычайно большой, но – прочностью. И, следовательно – её пределом.

Он открыл глаза. Подошёл к косяку ближайшего отверстия в углу. Постучал.

Твёрдо. И отдаётся звонко.

Да, толщина стен – дюйма три. И внутри они наверняка – полые, и с каким-нибудь гофрировано-пустотным наполнителем. Для вящей прочности и лёгкости: как делают, например, те же двери на земле. Материал ногтя, конечно, не поддаётся. (Ха-ха!..)

Насколько он помнит фантастический рассказ «Фактор ограничения», где астронавты нашли планету – вычислительную машину, там именно предел прочности металла помешал исчезнувшим строителям ещё больше увеличить размер машины. Покрывавшей всю планету. А её верхние уровни возносились над землёй аж на тридцать миль...

(Страшно подумать, что какие-то чудовища построили специально для него машину с ребром тридцать на тридцать на тридцать! Миль. Неужели им больше заняться нечем?!)

Будем, стало быть, исходить из предпосылки, что, несмотря на малую гравитацию (похоже, в три четверти земной), собственный вес составляющих элементов всё же ограничивает размер Лабиринта – хотя бы по вертикали.

Но куда идти – вверх, или вниз? Где наиболее вероятен

выход?

Например, если выход вверху, то что он выиграет, попав на плоскую, и с разреженным (надо думать!) воздухом, и бесконечным белым, куда ни глянь, полем, верхнюю грань-крышу? Хм.

Нет. Логичней будет предположить, что выход, если где и есть – то на нижнем уровне-этаже этого Лабиринта. (Ну, как в небоскрёбах!) Вот туда он и пойдёт.

Вот только...

Как быть с ловушками? Такими, как в фильме «Куб»? Или...

Или ловушки возникают лишь в извращённых мозгах земных сценаристов? А инопланетянам нужна не его смерть, или реакция на опасность, а именно – мозги?

Блинн...

Идти всё равно придётся. Покачав головой, и тяжело вздохнув, он начал спуск по твёрдой, но не холодной поверхности лестницы. Вокруг всё словно погружено в вату – только шлёпают его босые ноги по прохладному не то – металлу, не то – пластику. Он старался вслух не материться – не сомневался, что за ним пристально наблюдают: слушают, смотрят через не приметные глазки видеокамер, может, и энцефалограмму какую дистанционно снимают...

Ну так – ...рен же вам он «проявит эмоции»!..

Уровень – раз. Белые стены, белая лестница, белый пол, по которому надо... Перейти в другой угол. Спуститься.

Уровень два. Перейти в другой...

На уровне на триста сорок два ниже первоначального пришлось сделать перерыв. А заодно и справить, стыдливо отойдя в угол, малую нужду...

Ноги, непривычные к таким нагрузкам, чертовски сильно дрожали. А если бы он поднимался?! Ох. Не хочется думать, что, если он неправ, придётся пробовать и это...

Он лёг на пол, положил икры и ступни на нижнюю ступеньку. О-о!.. Блаженство!

Однако разлёживаться сильно не приходится – он заметил, что потеет весьма сильно. (Жаль, что нет дезодорантов, которые так любят рекламировать телевидение! Вот где они пригодились бы! Вот только... Кто его тут будет *нюхать*?! Хотя... Как знать.)

Полежать пришлось не меньше получаса.

Дыхание успокоилось. Почти. Нервам он приказал заткнуться и не мешать следовать логике принятого решения. Дрожь в ногах, конечно, не прошла, а просто стала поменьше. Но какое-то время он продержится и с ней.

Ладно, пришлось с кряхтением подняться, и продолжить. Триста сорок три...

На уровне пятьсот восемнадцать отверстия в полу вдруг не оказалось.

Ага! Значит, его мысль о факторе ограничения по преде-

ду прочности материала оказалась верной. (Или строители этого монстра посчитали высоту в три, или сколько там на самом деле, километра, достаточной.)

Теперь, если предположить (!), что его изначально помещали в условный Центр Лабиринта, приходится признать, что до ближайшей ограничительной боковой стены – ещё пятьсот восемнадцать... Н-да.

Утешает только то, что по горизонтали идти легче.

Так он и двинулся – пересекая комнаты по диагонали, поворачивая так, чтоб идти к намеченной «северной» стороне, и считая уже вслух. Пусть знают, гады, что он не так прост: – Двести шестьдесят два. Двести шестьдесят три.

На четыреста тридцать девятой комнате упёрся в стену уже без отверстия в «северной» стороне. А неплохо, мать его туды – теперь осталось двинуться под углом в девяносто градусов, чтобы выбраться «в угол» лабиринта-куба, если предположить, что тот именно такую форму и имеет. А что – очень даже логично!

Только вот вначале нужно посидеть немного. А лучше – полежать.

Двигаться теперь было, если не легче, то хотя бы осознавать, что ты – у боковой и нижней стены Лабиринта – приятней. Осталось добраться до места, где исчезнет и отверстие в другой боковой для куба, а для него сейчас – передней, стене.

Такое нашлось в пятьсот сорок второй комнате.

Чёрт. Вот впереди и тупик.

Ничего: он так и рассчитывал, что с первого раза выход вряд ли найдётся. Придётся ещё на девяносто градусов повернуть направление движения...

Девятьсот третья комната дала ему многое.

Во-первых, он узнал точное «сечение» куба: девятьсот три на девятьсот три на девятьсот три. Прикинул: если сторона пять метров, это, это... Почти пять километров.

И он потратил времени на прохождение пути, сверху вниз, и потом – вбок, и вбок, если считать по десять секунд на комнату... Плюс ещё два получасовых отдыха... Хм.

Семь-восемь часов.

Вот почему в горле так пересохло, и спать хочется – аж глаза сами закрываются. Он за день никогда столько не ходил. Иначе – зачем бы ему новенький, подходящий солидному профессору, «Ягуар»? Ну что – продолжить движение вдоль другой боковой грани?

Придётся. Отдыхать – даром терять время. И силы.

Потому что во сне он будет потеть хоть и не так интенсивно, но – неумолимо.

Пока добрался до следующей девятьсот третьей комнаты, уже ощущал пятки: с непривычки ходить по твёрдому, они здорово сбились.

Зато подтвердилась его гипотеза о том, что если где и есть

выход-вход – в, и из Лабиринта, то – в одном из нижних углов.

Вот здесь такой выход и имелся.

«Обычный» с виду проём, но – торчавший на неполюженном ему согласно счёту и логике, центральном, месте. Открывающийся в длиннющий белый (Ну – ещё бы!) коридор. Ограниченный с одной стороны глухой стеной. Путь – один, стало быть...

Настораживает!

Сечением коридор тоже, разумеется, пять на пять.

Чёрт.

Бишоп, не торопясь выйти из спасительной, почти уютной привычности Куба, придирчиво осмотрел коридор. А дверей-то, или проёмов – нет. И конец теряется в белёсой, словно дымке...

Но идти всё равно придётся: другого *выхода* по логике вещей у него нет. Значит, это не конец Испытанию. А просто – переход на его новый Уровень сложности.

И что это будет теперь?

Посмотрим. Но...

Вначале всё равно полежим, отдохнём. Подумаем...

Думал он не больше получаса.

Затем решил, что отдохнул достаточно. И нужно не тянуть зря.

Однако торцевую сторону коридора, расположенную в

нескольких шагах, исследовал тщательно.

Ох и не понравилась ему эта волосяной толщины щель в середине – пересекающая сверху донизу весь этот торец... Не иначе – ворота. Для впускания-выпускания чего-то большого.

Или – *кого-то* большого.

Неужели его попытаются... Догнать и съесть?!

Хм-м... Это было бы слишком просто. Нет, скорее всего, здесь проходят какие-либо служебные механизмы. Следящие за функциональностью Лабиринта.

Хотя (Какого чёрта?!) признаемся сами себе – ничего тут не «функционирует»! И в «обслуживании» не нуждается.

Значит – придётся бегать. Потому что отломать ничего нигде не удалось – он наг и безоружен. Да и ладно – может, они просто хотят выяснить предел его скорости и выносливости... Которые могли бы быть и получше, если б там, дома... Не пренебрегал.

Хотя бы зарядкой.

Створки-ворота начали открываться, когда он отошёл от них на добрых двести ярдов – на двести четырнадцатом шаге.

Ну, дальше-то посчитать не удастся: потому что и правда – пришлось бегать!

Монстр, возникший за створками, сразу сказал Бишопу о том, что с психологией-то землян чёртовы «исследователи»

ознакомились... Страшилище то ещё! Клыки, когти, пасть – куда там акульей!.. И, заметив его – злобно зарычало. Голодное, стало быть...

Зато бегало оно не так шибко, как можно было бы ожидать. Какое-то время Бишопу удавалось не позволять сокращать дистанцию между ними. Затем, примерно через километр, он стал задыхаться, и начал выбиваться из сил.

Чудище издало торжествующий рёв, и удвоило усилия.

Пришлось снова поднажать!

О! Чуть было не проскочил мимо!

Проём справа – в стене, противоположной наружной стене Лабиринта!..

Он нырнул в полуметровую щель, надеясь, что монстр туда ну никак не пролезет...

Снова комната. Пять на пять на пять. Ни следа других проёмов, или люков. Тупик!

Зато у дальней стены на полу лежит... Ого-го!..

Это же – явно – оружие. Пушка, как говорят его студенты.

Только вот как пользоваться?! А ведь придётся научиться! Потому что монстр уже у проёма, и что было сил пытается пролезть! Или хоть дотянуться лапой с когтями, почище, чем у гризли. (Хорошо хоть, не может так же быстро двигаться, как американский медведь, разгоняющийся до шестидесяти!..) И – пастью. С весьма, оказывается, вонючим дыханием!

Проклятье: он и без этой «достоверной» детали не со-

мневался, что уж монстр-то – настоящий! И «договориться» по плану Исследователей не предусмотрено!

Так. Вот оно – оружие.

Большое. Похожее чем-то на суперружье Зорга из «Пятого элемента». Если попробовать вставить руку сюда, в эту выемку, куда так удобно помещается предплечье, а вторую поместить под цевьё, придерживая ствол... Теперь сжать рукоять...

Включилось! Вот: загорелись три красных огонька! Напротив указательного пальца вырос спусковой крючок. Да оно и жужжит, оказывается: пусть чуть слышно, но явно – работает.

Ну-ка, посмотрим со всех сторон...

Три рычажка. Все три – в верхней позиции, и от всех указывают стрелки вниз.

Большое спасибо военным! Их «инструкции» и разъяснения всегда просты и доходчивы!

Проклятье! А вовремя он «разобрался»!

Потому что задний торец комнаты начал вдруг медленно и неумолимо двигаться к дверному проёму... Вот оно значит как. Ему дают на «решение» конечное время. И решение имеет два варианта: либо быть раздавленным неумолимым прессом... (Это – для убеждённых пацифистов и противников «насилия»!) Либо открыть себе проход, грохнув чёртова, явно плотоядного, зверя.

Он щёлкнул всеми тремя рычажками. Оружие загудело

сильней, огоньки стали зелёными. Он направил дуло на скалящуюся и злобно рычащую морду. (Вот уж кто не беспокоился о потере жидкости, буквально исходя слюной!..)

Только теперь он позволил себе испугаться: а не хотелось бы попасться такой твари на завтрак... Да и на ужин!

Палец плавно нажал на спусковой крючок.

Из ствола вырвалась очередь. Явно – пуль. Трассирующих. Отдачи практически нет – отличный баланс. Целиться – одно удовольствие!.. Он поторопился провести дулом поперёк проёма: завывшая, а затем и заскулившая, сразу отшатнувшаяся от проёма тварь, оказалась буквально перерезана пополам шквалом пронзающих плоть с противным чавкающим звуком, стальных злобных пчёл...

Когда скотина грохнулась на пол, он с трудом заставил палец отпустить спусковой крючок. Прислонился к стене. Уж слишком дрожали (Н-да: не списать на усталость!) ноги... Да и зубы, оказывается, выбивали ту ещё чечётку.

Он осмотрел оружие. (Ничего ему не сделалось. Даже кончик ствола не нагрелся!) Перевёл рычажки снова наверх. (Мало ли!..)

Вы как хотите, господа инопланетяне, но эту игрушку он заберёт с собой!

Выйдя в коридор, он попинал явно сдохшую тварь пяткой левой ноги.

Может, стоило бы напиться её крови – ведь воды нигде

нет? И явно не будет.

Он опустился рядом с лохматым монстром на колени. Даже так она оказалась вровень с его макушкой. Ох и здоровая, гадина... Шкура толстая, покрыта полусвалявшейся бурой шерстью – довольно длинной. Зубёхи, торчащие из полуоткрытой в агонии пасти... Как у медведя. Ожерелье бы сделать из таких, да повесить на шею. На память. Шикарные вышли бы «трофеи». Он криво усмехнулся сам себе – придёт же в голову!..

Или это странное желание – всё-таки от тех, первобытных, охотничков? Ведь пара тысячелетий так называемой Цивилизованности дикаря лишь спрятала. Но не загнала окончательно в небытие...

Хм-м... Вскрыть бы шейную артерию для удобства. Или придётся вылизать лужу, которая уже натекла из не то – раны, не то – разреза?.. При взгляде на почерневшую и отвратительно вонявшую лужу, его, несмотря на пересохшее горло со сталактитовой вязкой слюной, слегка замутило.

На всякий случай он осмотрел свою «пушку» ещё раз. Так. Вот эта кнопка – что включает? Фонарь-подсветку. Пятно света на ближней стене очень даже приличное. А эта? Ага – выдвигает снизу ствол гранатомёта. Пока спрячем... А сзади?

Всё полезное, как и в автомате Калашникова, оказалось спрятано в прикладе. Запасная обойма. Пенал с маслом. Приборчик с окошечком. (Чёрт! Тестер какой, что ли?!)

Вот. Нож. Вполне обычный, без «вывертов». Отлично.

Он, преодолевая брезгливость, и зная, что сейчас за ним наверняка наблюдают особенно внимательно, решился: плевать на чуждые бактерии! Не могли устроители «крысиных бегов» не подумать об этом. Значит, смерть от неведомой кишечной инфекции ему не грозит. Ну, это – если следовать *логике...*

Шкуру прорезал с трудом. Зато шейную артерию нашёл легко. Кровь...

На вкус – омерзительна!

Б-р-р!.. Медный привкус, соль, вязкость, как у сметаны. Если только бывает красная сметана...

Но пить пришлось.

Вот: смотрите, мрази этакие: он не брезглив! Когда речь идёт о выживании.

Он зажал нос, и сделал несколько действительно больших глотков – мерзкий привкус наполнил рот и пробрал до самого паха... Блинн. Где вы, инстинкты первобытного дикаря-охотника? Который считал, что с кровью убитого животного отбирает и его жизненную силу. И все боевые навыки...

Недаром же аборигены съели-таки Кука.

Подумав, и посидев ещё на мягкой туше, он решил вырезать и печень: её-то точно можно есть. Сырой. И без опасения отравиться. Да и паразитов-глистов у явно «лабораторного» монстра – точно не будет.

Брюхо вскрылось ничуть не легче, чем шея. Фу-у... А потом и – тьфу!..

Вывалившиеся на пол омерзительные кольца осклизло-сизых кишок чуть было не заставили вылить обратно всё с таким трудом выпитое... Он сдержался. Пусть эти сволочи знают: человек может и не такое сделать. Чтобы выжить. И никакая «чуждая среда» не помешает ему, сорокалетнему холостяку без комплексов (Ну, почти!), взять то, что может помочь выживанию. (Сволочи. Смотрите-смотрите... Он не сдастся! Как там назывался этот рассказ Джека Лондона?.. А – «Любовь к жизни!»)

Печень на вкус оказалась ничего себе. И жевалась легко. К ней бы ещё соли...

Ничего – обошёл. Ещё кусок отложил, чтобы взять с собой. А пока занялся спиной полутонного монстра: как снимается шкура, его научил дедушка Жером, заядлый охотник в пятом поколении. Вот уж не думал – не гадал, что пригодится...

Он прорезал в прямоугольном окровавленном куске отверстие – чтобы пролезла голова. Стянул дырки в боках парой нарезанных шнуров. Нормально: прямо тебе доморощенный Рэмбо из самого первого фильма. Вот только он – не бывший морпех, а профессор. Был. (Ха-ха. Быстро же «среда» превратила его из иронично-интеллектуального, всегда изысканно одетого сноба в... Ну погодите же!.. Он ещё покажет этим голубым тыквоголовым, что человек, как бы его

не... Стоп! Хватит!)

Уложив в приклад всё, что извлёк из него, Бишоп двинулся дальше по коридору.

Рычажки на боку привёл на всякий случай опять в нижнее положение...

Свет погас без всякого предупреждения. Вот только что был – и нету его!

Хорошо, что озаботился *все* кнопочки и рычажки пушки проверить!..

Подсветка давала мутно-белый овал света впереди – ближний или дальний режим, как у фар автомобиля, не предусматривался. Да и правильно – зачем *это* на оружии? Если пехотинец лезет во тьму, он уж озаботится *заранее* захватить хороший большой фонарь.

Однако дальше пятидесяти шагов всё терялось в сплошной тьме. Да и ладно. Если здесь встретится что-нибудь ещё опасное, он услышит это в абсолютной тишине, сопровождавшей его движение с самого начала... А уж дышать бесшумно – нетрудно.

Он внимательно осматривал стены. Но других отверстий в них пока не попадалось. А ведь он, по объективным ощущениям (Да и по счёту. Пусть немного «подправленному» бегом.) давно прошёл границу куба-лабиринта, оставшегося слева. Что же там, за этой стеной, находится теперь? А за другой?..

Что-то насторожило его.

Может, это проснулось странное предощущение опасности, которое предупреждало его почти всегда перед крупными неприятностями – как, например, тогда, когда его сбила и покалечила машина, ведомая подростком, угнавшим её в угаре безбашенной «крутизны» жуткого опьянения, и спасшимся на огромной скорости от машины полиции?..

Он тщательно посветил и проверил везде: стены, потолок, пол...

Точно.

Вон: в двух шагах впереди в полу снова обнаружилась волосяная щель. Особенно хорошо заметная в косом освещении, когда фонарь приближаешь к полу.

Не иначе – люк-ловушка.

И – что? Неужели если бы он наступил, его ждала бы смерть?!.. А как же?..

Все его логические построения?

Или этим придуркам нужно только знать, насколько ответственны его инстинкты выживания? И – как далеко он готов зайти, сражаясь, или борясь за свою жизнь?!

Так. Ладно. Проверять на собственной шкуре он не собирается. Значит – придётся пожертвовать остатками печёнки – благо, её ещё добрых два кило...

Печень упала точно на центр, обозначенный средней линией между двумя боковыми – больше щелей он в тускловатом свете не нашёл.

Спустя полсекунды (Он считал – И!.. А вот – «Раз!» не состоялся.) обе створки люка опрокинулись вниз, и его недоодевшая еда пропала. Однако посветив вниз фонариком, он обнаружил, что не совсем – она просто накололась и зависла на одном из заострённых кольев-штырей, сотнями покрывавших дно квадратной ямы глубиной метров в десять.

Неплохо для «гуманных» исследователей «поведенческих реакций», будь они неладны...

Перекинув оружие со включённым фонарём на ту сторону, он разбежался, и прыгнул. Конечно, до рекорсменов ему далеко, но уж четыре метра он преодолеть, по идее, должен. И точно!

Пушку на руку он одевал как родную – со вздохом облегчения и глупой улыбкой, расплзшейся, как он чувял, по всему лицу.

Вперёд, бравый воин крысячего лабиринта! Что-то ждёт тебя за углом?

Если таковой тут обнаружится...

Пол и стены он теперь осматривал особенно внимательно. Однако инстинкт заткнулся, и помалкивал.

Значит, будем надеяться, всё более-менее в порядке.

Вот разве что кроме этого звука. Там, впереди...

А, ну конечно: можно было догадаться! Недаром же он назвал чёртов лабиринт – именно *таким*! Вон они, набегают! Сплошной массой, посверкивая искорками близко распо-

женных глаз, и обнажённых в предвкушении пиршества, острых зубов! Поцокивая коготками по голой белой поверхности!

И, похоже, им он представляется большим и вкусным потенциальным куском мяса. Которое нужно скорее сожрать! Предварительно завалив жертву на пол, и убив.

...рен же вам! Пока у него в руках нехилая огневая мощь, или хотя бы – нож, он не сдастся!

Он быстро занял «позицию лёжа», расположив ствол боком, и как можно ниже – почти у пола! – и открыл максимально эффективный в таком положении огонь! Он знал: некоторые пули пронзят *так* не один десяток тел!

Звуки, доносившиеся теперь со стороны стаи, могли бы вызвать содрогание у более изнеженной или чувствительной природы: визг, писк, плач раненных, чмоканье попавших в цель пуль!.. Он не прекращал огонь, пока не опустел магазин. А когда это случилось, за пару секунд перезарядил – благо, потренировался ещё у «медведя»!

Однако вторая обойма не понадобилась: «противник», «напуганный и деморализованный», в панике отступил, даже не дав себе труда сожрать раненных... Мимо которых Бишоп через пару минут прошёл, брезгливо стараясь держаться подальше от трупов, и хлопая по крови и ошмёткам плоти босыми ступнями. Ничего – обсохнут быстро.

Однако когда он, оглянувшись, посмотрел на кровавые следы подошв, остающиеся сзади, дрожь пробежала от пяток

до макушки: каким он, возможно, со стороны кажется беспринципным монстром... Готовым, чуть что – стрелять. А, может, крысы просто хотели познакомиться поближе?!..

Он снова отдышался – что-то его опять подташнивало. Не то – от запаха окровавленной шерсти, не то – от того, что пришлось сделать.

Но двигался он точно так же, как раньше – придирчиво осматривая пол, стены и потолок. Ага – вон, теперь – в потолок. Уже знакомые три волосяных щели... Хорошо, что догадался взять с собой и тащить за хвост трёх самых упитанных крыс.

Нет, не то, чтобы для еды... А как раз для таких случаев.

Сочное шмякание первой тушки на пол под центр люка ничего не дало.

Вторую он метнул вдоль коридора – вдруг там, в стенах, фотоэлемент... Точно.

Распахивание створок потолочного люка вызвало грохот обвала, особенно оглушительного в узком пространстве, и падение на пол примерно двадцати тонн каменных обломков размером с прикроватную тумбочку... Это их почти правильная форма навела его на такую аналогию.

Покряхтев и поругавшись, он осторожно, чтоб не поранить словно стянувшиеся от высохшей кровяной корки ступни, перебрался на другую сторону завала. Заодно ступни о каменные грани «обшелушил». Ругался про себя – чувал, что прослушивают. Гады предусмотрительные. «Тумбочку»

с собой «на всякий пожарный случай» не потащишь...

Чёрт. Пока – всё довольно просто. Вначале – тест на логическое мышление.

Затем – на сообразительность и брезгливость. Ну, и скорость бега...

Теперь приходится ждать чего-то посложней. Например, решения этических, нравственных, и прочих «сложноповеденческих» проблем!

Появление из внезапно открывшихся, подсвеченных изнутри жёлтым светом боковых люков, девочки и старухи его не удивило – ждал чего-то именно такого. Как и того, что на «девушек» нападают твари вроде динозавров.

Одновременно нападают.

Значит, выбор невелик – спасти он успеет кого-то одного!

Уже почти родной, привычной, тяжести оружия он не ощущал, но вскинуть его и прицелиться... Всё равно – занимает драгоценные доли секунды!..

Девочке повезло, старухе – нет. Челюсти сомкнулись на морщинистой шее, взгляд затравленно-умоляющих глаз сказал ему, что старуха опечалена его решением, но...

Но все они снова мгновенно исчезли за захлопнувшимися люками – и спасённая девочка, и старуха с пульсирующей фонтаном крови шеей, и разрезанное пополам тело первого монстра, и туша второго – со всё ещё укоризненно глядящей остекленевшими глазами головой в пасти... Проклятье.

Именно после таких, про которые знаешь, что они – «выбор из двух зол», решений, и ощущаешь себя особенно мерзко... словно выпил целое ведро помоев. Хотя и хорошо прокипячённых.

Он двинулся дальше, уже не пытаясь скрыть хриплого дыхания, и продолжая автоматически осматривать всё вокруг. Хорошо хоть, аккумулятор у фонаря явно обладал огромным ресурсом – свет не тускнел.

Внезапно снова стало светло – так же резко, как и потемнело.

Он прищурился, инстинктивно прижавшись спиной к одной из стен и оглядывая коридор в обеих направлениях – ждал нападения в миг, когда он ещё не приспособил зрение к ослепительной после крошечной тьмы яркости!

Но никто на него не напал. Пока. Он, снова приглядываясь к стенам и полу, двинулся дальше.

А вот и новая «шуточка» устроителей тест-полигона.

Угол.

Он заглянул, сразу скрывшись назад.

А ничего. В-смысле, ничего угрожающего. Почти.

Потому что лежащее на полу шагах в пятидесяти за поворотом тело явно принадлежит представителю гомо-сапиенса. Только – женского пола!

Уж женских-то тел, да ещё обнажённых, он, как признанный ловелас номер один Кафедры, понавиделся за последние двадцать лет... Как это на него до сих пор в суд за «ис-

пользование служебного положения» никто не подал. Видать – всё же нравилось!..

Это самое «использование»!

Окружающую обстановку по дороге к телу он осматривал особенно внимательно. Хотя интуитивно чувствовал – ловушек вокруг больше нет. Главная ловушка – одна. И она ждёт его, непринуждённо и грациозно-сексапильно развалившись на спине, там, впереди.

Когда он, стараясь не шлёпать отбитыми ступнями, приблизился шагов на пять, девушка подняла веки – можно подумать, он поверит, что до этого она спала!

На него уставились два огромных глаза.

Вау!!! Фиолетовые! Бездонные! Излучающие в его сторону только одну страсть!

Назовите его кургузой лошадю, если у девушки в глазах не воплощённая Похоть!

Вот она, не спуская с него горящих глаз, потянулась – с грацией, присущей только женщинам и большим кошкам: львицам, пантерам, пумам... Повернулась «передом» к нему – до этого лежала на спине.

Боже! Какое тело! Да и лицо... Вылитая Джинна Лоллобриджида в молодости! Да ещё и пышноволосяя блондинка! Похоже – вот и пипец его здравому рассудку! И раскладкам об «осторожности»!

– Милый! – Какой голос! Медоточивая сирена! Бедный Одиссей – устоять можно, только если тебя привязали к

мачте... А вот его никто не догадался привязать, – Нако-нец-то! Я заждалась! Ну, иди же, иди скорей!

Руки восхитительной формы изящно приподнялись, при-зывая его прийти. В объятия. Глаза дамы подёрнуло томной поволокой... А уж хитруще-многообещающая улыбка – куда там Джоконде!

Эта зар-раза явно не притворяется: похоже, удовлетво-рение первичного инстинкта заложено в её головку создателя-ми как базовое!.. Да и вся она – воплощение совершенства! Кожа нежно-розовая, мягкая и с тончайшим пушком – слов-но у ребёнка! А как движутся точёные ножки, словно приот-крывая... Врата Рая!

Чёрт возьми!.. Приходится признать, что кем бы ни были эти чёртовы инопланетяне, уж мужскую психологию и фи-зиологию они освоили в совершенстве! Потому что у него...

Всё для выполнения того, чего явно домогалась «челове-ческая самка», было готово!

Плоть, напрягшись до упора, только что не звенела!..

Однако он не совсем всё же потерял голову, помня о том, где он, и – что с ним пытаются сделать. Просто... Отодви-нул все эти опасения до поры до времени в самый дальний уголок сознания. И храбро пошёл на поводу подсознания и либидо!

Поэтому подойдя к девице, снял с себя шкуру-пончо, рас-стелил на полу поперёк коридора, и так же – поперёк! – пе-реложил слегка удивившуюся девицу.

После чего непримянул воспользоваться приглашением, обойдясь без традиционной словесной и физической прелюдии: дама вряд ли оценит его комплименты, поскольку вряд ли она реальна и обладает сознанием...

Скорее всего, это – фантом, гомункул, созданный искусственно в какой-нибудь камере для клонирования, и избавленный от всех лишних мыслей. Имеющий назначением лишь одно: отвлечь его подольше от продвижения к выходу!..

Однако раз уж выпал такой шанс, он нагло воспользуется! Пусть даже его напрягает мысль о том, что им нужен лишь образец его спермы...

Чувствовал он себя совсем как герой известного анекдота про любовника, которого застал в постели с жёнушкой муж, и предложил «продолжить, пока он сходит сварит на всех кофе»... Но чёртов основной инстинкт не дал себя отвлечь от основного действия!

Всё равно всё это много времени не заняло.

Зато уж финал происходил бурно! То, что у девушки всё «подстроено» именно под его размер и привычки, сомнения не вызывало! Даже прерывистое дыхание, чуть слышные вздохи, и остренькие ноготки, исколовшие и исцарапавшие шею и спину! Вот только сильно мешала необходимость каждые пять секунд бросать взгляды вправо и влево по коридору...

Но он справился.

Девушка забила, застонала. Он, ощутив приближение пика, и поняв, что не в силах сдерживаться, тоже забился, заорал!..

Вот и всё. Можно вставать со сразу «потерявшей сознание», и словно растёкшейся аморфной куклой-тряпкой по его шкуре дамы – она явно выключена.

Дёрнув щекой, он перекатил женщину в сторону. Его трясло. Но – не от холода, от которого он поторопился предохраниваться, вновь забравшись в шкуру.

Чёрт, всё ещё безумно прекрасна и желанна... Не иначе, кто-то всё-таки просканировал его мозги, и увидел тип, от которого он «голову потеряет». Хотя он как раз смеет надеяться, что всё же не совсем потерял.

Но и противиться не смог. Гады циничные...

Шкуру он зашнуровал на совесть – эти не только одежда, но и защита. От мелких зубатых. Впрочем, устроители Лабиринта вряд ли будут повторять уже пройденные им «препятствия».

Вперёд шёл снова осторожно, назад не оглядываясь.

Поэтому когда шагов через двести всё же оглянулся, не удивился, что никто на белом полу уже не лежит.

Ладно. Вот проверка на решение «этически-моральных» и сексуальных проблем и преодолена. Только...

Преодолена ли так, как надо чёртовым наблюдателям?.. И...

Последняя ли это проверка?!

Всё чаще он задумывался – какую цель могло преследовать его помещение сюда? Что хотят про его поведение и мышление выяснить чёртовы беспринципные твари, которые, похоже, и так собаку съели в плане знания человека и его физиологии-психологии-инстинктов, да и всего остального? Ведь чтобы создать «персональный» «секс-символ» явно нужно знать *его* предпочтения, и покопаться в неосуществлённых пока *мечтах*?!

Значит, секретов-то у них, по крайней мере, в отношении него, нет?

И – главное! – что ожидает его теперь, когда он явно перешёл на самый сложный, социально-поведенческий, Уровень?

Люки в боках коридора открылись снова одновременно – он дёрнулся, но удержал палец от нажатия!

Хотя может, и зря! Потому что на него бежали «последствия» необузданного секса: слева выскочила чуть постаревшая, но от этого ещё более желанная «девушка его мечты», в шикарном «вечернем» платье с разрезом «от пупка», а справа...

Блинн... Три его копии в мужском варианте. И одна – в женском. В чудесных костюмчиках, и платьечке в воздушных оборочках...

Лицом мальчики были: один в один – он сам! В трёх, пя-

ти, и десятилетнем возрасте. А девочка – вылитая «мамочка», только лет в семь. И – с восхитительными кудряшками и по-детски припухлыми коралловыми губками, и румяными щёчками...

Со смехом и выкриками: «Папа!», «Папочка!», «Дорогой!..», «Наконец-то!», ему облепили колени, бёдра и грудь. Бишоп сглотнул.

Даже для социально-поведенческого эксперимента... это... как-то... Чересчур!

– Милый! Ужин готов! Идём скорее – расскажешь, как на работе, и что нового в Городе... – если раньше её движения напоминали породистую кошку, то теперь – скорее, кого-то заботливого, сугубо домашнего... Курицу-наседку? Опекающую выводок?

– Па! Мне училка по математике дала готовить реферат по Лагранжевой геометрии...

– Папочка! Идём, я покажу тебе мою новую куклу!

– Па! Там у меня машинка не заводится! Посмотришь?..

Бишоп уверенно повлекли к левому проёму, который почему-то не собирался закрываться. Ага. Вон оно как.

Там – интерьер огромной, и судя по всему, удобной и благоустроенной, полностью оборудованной квартиры. Уютное Семейное, так сказать, гнёздышко... Разумеется, с панорамным, во всю стену, телевизором в гостиной, полным холодильником на кухне, и трехспальной крепкой кроватью в спальне.

Стать... Семьянином?! Что ждёт его там, внутри, если он пересечёт входной проём, и дверь, быть может, навсегда, захлопнется?! А-а-а-а!!! Помогите!

Сознание в панике пыталось справиться с происходящим – ну не вырваться же ему действительно – силой, из плотно держащих, и «любящих» рученок и рук!.. А вдруг всех этих детей, и правда, синтезировали, использовав именно *его* сперму?!

С другой стороны – *ну и что?!*

Сознание неумолимо подсказывало, что всё – неправда! Не «всамделишное»! И его просто очередной раз тестируют! И если он войдёт в эту дверь – может навсегда распрощаться...

С чем? С последней, исчезающее малой толикой надежды, что если он пройдёт этот Полигон до конца, от него всё же отстанут?!

И – вернут. Туда, откуда забирали...

Но отцовские инстинкты, и тёплые ручонки, да и та, вожделенная, что нежно обнимала его талию, заставляли, принуждали поддаваться: очарованию милых и беззаботных «семейных радостей», которых он до сих пор был лишён, но про которые уж так красочно распинались сослуживцы, уже обзаведшиеся...

Хотя, скорее, как подсказывал циничный прагматик, глубоко окопавшийся в его душе – просто старались сподвигнуть его, свободного и независимого, сунуть голову в ту же

петлю. Семьи и её обязанностей.

Со скандалами. Вечными простудами и врачами на дом. Школой, с её формой, из которой вечно кто-то, да – вырос. Уроками. Пикниками на природе. И – главное!

Семья сделает из любого человека примерного работника.

Заставляя зубами и ногтями держаться за хорошее рабочее место: чтоб не дай Бог, не потерять источник денег, позволяющий и достойно одевать и обучать, и содержать в порядке и машину и квартиру. И Семью. Чтоб завидовали все друзья-родственники-соседи. И чтобы прикрыть «правдивыми» радостными заверениями, что «у них с милой Софи всё просто замечательно!», пустоту и безысходность в груди.

Осознание того, что уже попал в такой *капкан*, из которого не существует для мужчины достойного *выхода!*..

Который не оставлял бы на сердце кровоточащих ран, а в голове – пустоты отчаяния... Не говоря уже о кармане.

Все эти мысли проносились сквозь его разум всезатопляющей Ниагарой, падая вглубь сердца, и разбиваясь в мелкие дребезги о Логику: хватит валять дурака! Всё это – обман, иллюзия! Созданная специально для того, чтобы проверить его на «прочность»!

Бежать – надо! И быстрее!.. Иначе затянет чёртов уют и спокойствие «семейного гнёздышка»! Наверняка специально и спроектированного так, чтоб он уж точно – погряз!..

– Дорогая! А стоит ли у нас в холодильнике уже остывшая водка?

Вопрос на какой-то миг потряс «дорогую». Наверняка проектировщики её поведенческих рефлексов не предусмотрели на этой стадии столь странной реплики.

Пока дама пыталась ответить, Бишоп заговорчески наклонился к детям:

– Внимание, молодёжь! Важное боевое задание! Ну-ка – кто первый?! Быстренько помогите маме достать из холодильника водку! И как можно скорее поставьте её, и закуски, на стол! Папа и мама будут праздновать!

Как только цепкие ручонки с воплями восторга от новой игры оторвались от его ног и шкуры, он, что было сил, даже не выпрямившись, припустил по коридору!

На могущие ожидать впереди «ловушки» уже внимания не обращал: самая страшная – вон: орёт-визжит-плачет там, позади!.. «Дорогая», грациозно вихляя бёдрами и смешно закидывая икры, как делают все женщины, ещё пытается догнать... Дети же, зная проворство отца, просто режут в голос!

Господи!..

Будь прокляты изошрённые мозги гнусных тварей, придумавших всё это! Утешает только одно: вряд ли есть что-то могущественней тенёт, в которые его только что старались...

А он...

И ещё грыз, разъедая сознание неумолимой гнилью, вопрос: а, может, не стоило убегать? Может, он, козёл этакий, упустил свой единственный шанс на подлинное Счастье?.. И – всё, что негласно обещали ржущие сейчас, наверное, так,

что антенны трясутся, зелёные человечки – у него бы было...

Со всё понимающей, и никогда не устраивающей скандалов, сексапильнейшей женой. С любящими и не шалящими детишками: которые – «Все – в него!» Которых можно учить, баловать и с которыми можно возиться, пока не... Подрастут?

А подрастут ли они *тут*?!

Семья, где всё «спроектировано» и идеально подогнано именно под него...

Кто знает – может, он и не заскучал бы с ними никогда?!..

И никогда не появилось бы мыслей разрубить эту, растворяющую его Индивидуальность, и перелицовывающую «я хочу» – в «я должен», петлю, единственным возможным способом – застрелившись?.. (Или пушку – отобрали бы?..)

О-ох... Мчась по коридору, всё дальше от затихающих вдали криков и детского плача, он и сам поминутно протирает глаза. Влага, стекая по щекам, и уже колючему от пробившейся щетины подбородку, так и падала на пол, оставляя отлично заметный след. Если бы кто пустил за ним собак...

От этого окружающее белое пространство, в котором и так плохо было всё видно, становилось ещё и туманным, и расплывчатым.

Господи! Да кончатся ли когда-нибудь его мученья?! Его мытарства по чёртову Лабиринту, ставящему теперь, когда он почти до предела измотан и нравственно и физически,

столь сложные задания?!..

С содроганием он думал, что же может быть следующим Этапом испытаний?

И – сможет ли он добраться до этого, и пройти так, чтоб не затронуло ни жены, ни детей?.. (Тьфу ты! Вот он и *почти* попался на этот крючок! Но он не вернётся!.. Трезвый наблюдатель где-то там, в уголке сознания, похихикивал себе в усы: скоро дядя Бишоп придёт в норму. И будет злиться сам на себя... А потом – и посмеётся. Ну а пока – надо бежать!)

За следующим углом оказалась его Мать.

И то, что она уже девять лет как скончалась от рака, несколько укола в сердце не ослабило!

Однако инстинктивно куда более сильное желание – повиноваться приказу крошечного наблюдателя – здравого рас-судка! – заставило его вихрем промчаться мимо трогательно распахнутых объятий!

Хотя желание прижаться к родному мягкому и привычно-заботливому телу было почти непреодолимым! Ведь именно там, во всепонимающих и успокаивающих, помогающих зарубцеваться любым душевным ранам и обидам, материнских объятиях, он и находил успокоение, когда, случалось, его и лупили в школе, или учителя придирались, или, или... Да мало ли!..

Но с матерью оказалось легче – после «жены и детей» – явный перебор!

А он – тот ещё Колобок!

«Я от дедушки ушёл, я от бабушки ушёл... А от тебя, порождение вражеского хитро...опого Разума, и подавно...»

Не уйти ему только от этого, глубоко сидящего в мозгу, циничного и прагматичного наблюдателя – себя самого.

Подлинного.

Завернув за очередной угол, он позволил себе перевести дыхание: никого!

Неужели закончились чёртовы «социально-нравственные» тесты?!

Что-то подсказывало ему, что ни нападений, ни искушений ждать уже не надо. Впереди – финиш. Конец. Выход из Лабиринта. А, может, и из самой жизни?

Может, его попросту... Уничтожат? «Деактивируют»?!

Стоило ли так упираться?

Но...

Раз уж он благополучно и «в здравом уме и трезвой памяти» добрался до самого конца, может, его всё же просто – вернут «в исходную колонию двуногих без перьев, и с плоскими ногтями»? (Платоновское, будь он неладен, определение Человека...)

То бишь – на Землю?

Инстинкт... Это он заставил его пробраться, прорваться, преодолеть все препятствия и проблемы. И он же говорил ему теперь, что – всё.

Испытания закончены.

Уж он-то представлял, что про него могли понаписать чёртовы «исследователи» в итоговом «Акте полевых испытаний»:

«Отобранный экземпляр отвечал нашим представлениям о поведении и физических кондициях среднестатистической мужской особи. Он продемонстрировал:

- отличную адаптацию к совершенно новым и непривычным для него условиям,
- хорошую сообразительность и логику при решении задач на ориентацию в упорядоченных техногенных структурах,
- быстрое освоение незнакомого типа оружия, и меткую стрельбу,
- отсутствие комплексов при уничтожении как крупных, так и мелких хищников,
- всеядность и отсутствие брезгливости,
- следование основному инстинкту так, чтобы это не снижало бдительности,
- полное равнодушие к оседлой семейной жизни,
- настойчивость в достижении цели, доходящую до фанатизма...»

Страшноато получается, если взглянуть трезво: он – идеальный... Наёмник.

Без изъянов и слабостей. Почти. А если они есть – он в состоянии контролировать их. Преодолевать. И обладает яв-

но – последовательностью в действиях, и упорством.

Но какие же, чёрт возьми, Цели *на самом деле* ставили себе и ему проклятые твари из космоса, проверяя его поведение в процессе «преодоления» всех этих препятствий?!

Проверить, получится из него хороший Работник? Солдат? Исследователь?

С холодной расчётливой головой, и твёрдой рукой?!..

Как узнать, что же про него выяснили эти...

Странно.

Он не помнил, на чём остановился. Вот амфитеатр аудитории, два десятка студенток-девушек, выжидательно смотрящих на него, вот доска, в руке – мел...

Но какой была предыдущая фраза лекции?!

Он раздражённо потёр лоб тыльной стороной кисти с мелом. Ладно, вот – формулы. Логично предположить, что раз он не дописал промежуточное выражение доказательства, с него и надо... Продолжим:

– Итак, как я уже упомянул, дифференцируя это выражение по времени, мы получим... – затылком чувствуя, что что-то не так не только с ним, но и там, в лекционном зале, но всё равно dokonчив писать новое выражение, он медленно обернулся. Взглянуть – словно бы проверить, успевают ли записывать студенты.

Странно.

А куда девались сорок с лишним парней?..

3. Безопасный способ захоронения.

Рассказ.

Теперь, когда снег на камнях стаял, очень даже хорошо стало видно, что это и не камни вовсе – а серый щебень, тусклая пыль, и обломки, рассыпающееся при растирании в руке в песочно-гравийную серую труху. Однако вот пальцы в серый цвет она не пачкала...

Хольгер стряхнул с ладони остатки песчинок, в которые раскрошил большой булыжник, вытер ладонь о зад парки. Одел рукавицу обратно. Сплюнул. Теперь-то он был точно уверен: да, это – бетон, будь он неладен.

Старый, разрушившийся от времени, дождей и холодов, бетон. Вот уж поистине, наивные ребята были эти предки: строили свои многоуровневые пещеры – дома! – из такого вот жиденького материала. Чего ж удивляться, что все «дома» давным-давно превратились в бесформенные холмики из того же щебня, сгнившей арматуры и вот такой – серой – трухи. То ли дело – гранит. И пусть его приходится долго и упорно обтёсывать, но уж если такую глыбу заложишь в стену, они будут служить тысячелетиями. И глыба, и стена!

Правда, до этой простой мысли додумался не Хольгер, и даже не его отец Хольм. Это решение для надёжной закупорки жерла пещеры Общины предложил Улаф, дед Хольма и

прадед Хольгера. Однако только два года назад их Община закончила, наконец, возведение третьей стены и прокладку воздуховодов. И теперь в Пещере зимой – тепло, а летом... Да, летом.

Летом всё равно приходится поддерживать огонь под котлами, чтобы вода, циркулирующая по змеевикам, трубам и батареям, делала жизнь в огромном скальном лабиринте хотя бы терпимой. Да и дрожжи при минусовых температурах не растут.

Хольгер передёрнул плечами: он ещё помнил, как до окончания строительства третьей стены, всем семьям приходилось на декабрь-март перебираться в общую трапезную, и жить там. Нет, не то, чтобы это уж очень сильно напрягало... Хотя да – напрягало! Едкий запах от сотен, давно не мытых, и... выделявших продукты жизнедеятельности в общий воздух, тел... И неизбежные стычки-склоки от тесноты.

С детства всё это запомнилось отлично. Как и визгливые драки между озверевающими от тесноты и невозможности никуда выйти из утробы пещеры, женщинами.

Какое счастье, что сейчас все могут жить если не парами-семьями, то хотя бы Родами! И если план Петера работает как надо, ещё до следующей зимы каждая вторая пара-семья обзаведётся собственной каморкой. Пусть небольшой – три шага в ширину, и пять – в длину – но – собственной! Так что изготовление идущего на перегородки кирпича-сырца из высушенной на солнце глины с соломой летом

продолжится.

Махнув своим, он осторожно двинулся дальше вглубь ложбины, вначале полого, а затем всё круче переходящей в овраг с совсем уж отвесными склонами, и упиравшейся в дальнем, глубоком конце, словно бы в тупик. Нет, это не тупик. Это, это...

Это полузаваленная такими же, как он только что подобрал с оттаявшего участка, обломками, *пещера*. Ух ты!.. Стало быть, это какое-то *сооружение*, как эти штуки называли те, жившие до Войны, «цивилизованные» люди!

Значит, придётся удвоить осторожность!

От чёртовых «цивилизованных» предков ждать хорошего не приходится. Разве что ещё каких-нибудь «средств массового уничтожения»! – вон, как в случае с людьми Общины Сундбю, которые раскопали, вроде, старый склад консервов, а на деле...

А на деле перемёрли почти все, отравившись этими самыми консервами. Потому что не выдержали банального Карантина у первых попробовавших хотя бы в пару недель!

Горстка тех, кто не ел, или чудом пережил отравление, так и продолжает мужественно бороться за выживание, стараясь наплодить как можно больше детей. Остальные Общины им не мешают. Но – и не помогают, и к себе не берут. Мало ли – ещё подцепишь от них какую заразу...

А лечить, кроме трав и мёда – нечем!

Так что обнаружение пусть на самой границе, но – своего

Участка, подземного «сооружения», Хольгера не обрадовал. Вот уж находка, которую пожелаешь только врагу!

Не перемереть бы.

– Кнут, Яди! Вы пойдёте со мной. Нужно осмотреть эту... Пещеру. Райдер! Если мы через... скажем, к ночи – не вернёмся, примешь командование над Общиной. А сейчас бери остальных и возвращайтесь. Да, вот ещё: если мы совсем не вернёмся – сюда пока не ходите! Хотя бы год.

– Но Вождь... Не обязательно же вам самому лезть во все дыры, которые...

– Довольно! – он оборвал неуверенно пытающегося возразить Райдера, – Я сказал. Исполнять!

Райдер буркнул традиционно-обязательное «Так точно, Вождь!», развернулся и скомандовал остальным шести охотникам:

– Стени, Бьорн! Впереди меня. Ларс и Дорн. Замыкаете. Калле и Лувах – в середине. Уходим! – а молодец. Не зря парень (Ну как – парень! Отец двоих сыновей и правая рука Хольгера!) должен или сопровождать Вождя во всех вылазках, или руководить Общиной, пока того нет, учился. Кое-чему научился. В середину поставил самых юных и ещё не владеющих всеми навыками работы с оружием.

Когда последний силуэт скрылся за гребнем холма, Хольдер развернулся к оставшимся с ним. Ох уж эта «работа» Вождя:

– Вам ясно, почему я выбрал вас?

– Конечно, Вождь. – ковырявшего, как обычно, сосновой щепочкой в зубах Яди вообще ничем нельзя было пронять. И говорил он всегда в лоб: то, что думал! – Мы – самые старые. И нами смело можно пожертвовать во Благо Общины. Но мы ещё сохранили кое-какую быстроту реакции (хе-хе)... И кое-какой боевой опыт, – он постукал себе по виску пальцем, – Поэтому, если что (Тьфу-тьфу!), – плевок через плечо, – не подведём!

Хольгер кивнул. Его люди – реалисты. Да и его самог о выбрали в Вожди вовсе не за то, что он праправнук Улафа и сын Хольма. А за готовность всем, и в первую очередь – собой, пожертвовать ради выживания Общины. И храбро лезть везде в первых рядах.

– Кнут! Сразу за мной. Яди. На тебе – тылы. Вперёд.

Они медленно, поминутно оглядываясь, двинулись к пещере. Яди снял с плеча лук и наложил стрелу. Кнут поводил плечом, как всегда делал в минуты опасности.

Копьё, которое Хольгер сжимал в руке, придавало хоть какое-то ощущение защищённости: если в странном отверстии живёт, скажем, медведь или рысь, убить троём нетрудно. А вот если медведица с медвежатами – придётся бежать! Потому что, пусть меньше всящая после зимней спячки, и кормления детёнышей, самка – в тысячу раз опасней самца! Так как, словно безудержный в бою берсерк, будет защищать своих детей!

Собственно, Община Хольгера и сама руководствовалась

точно такими же принципами: для детей они готовы на всё, что угодно! Может, поэтому и выжили до сих пор. И хоть нельзя сказать, что процветают, но вымирание от голода, болезней или вырождения, как Общинам Мальма, Эриха и Коти, им точно не грозит. Так будет и дальше, если и впредь они будут вести себя осторожно и вдумчиво.

Пройти триста шагов удалось за пять минут – никаких следов, ведущих к жерлу чернеющего отверстия, на грязно-белом полотне всё ещё сохранившегося здесь, в глубокой ложине, снега, видно не было. Значит, скорее всего – внутри есть некая опасность. Иначе точно: рысь ли, медведь, или волко-львы, обосновались бы. Ну, тогда и пахло бы тут соответственно, и идти пришлось бы куда медленней и осторожней! Да и людей он тогда оставил бы всех!

Хольгер остановился в пяти шагах от полузасыпанного таким же серым крошевом, как и на стенах, отверстия неправильной формы. В высоту оно, пожалуй, достигало полутора шагов, а в ширину – пяти. Следов того, чтобы кто-то пытался искусственно сузить, или хотя бы – замаскировать его, не имелось.

Значит, точно – ни людей, ни животных. Правильно он сделал, что отослал остальных. Охотой не пахнет. Тогда – просто разведка. А ему в его сорок два, можно смело лезть куда угодно – он честно исполнил долг перед Общиной: пятеро крепких и здоровых отпрысков мужского пола – достойное пополнение Племени от его лица! Да плюс ещё две

девочки. Правда, одну уже сожрали чёртовы волко-львы... Жаль Бригитту.

Они с Яди заработали ногами в унтах и рукавицами.

– Кнут, разжигай.

Кнут, опустившись на колени, вытащил из заплечной сумы трут и огниво с кресалом, сухие щепки, и палки потолще, и в пару минут разжёл костерок на расчищенной Хольгером и Яди от снега площадке. И здесь на дне лощины тоже повсюду лежал слой серого порошка вперемешку с гравием. Бетон, чтоб ему пусто было!..

Хольгер не боялся, что кто-то учует, или заметит дымок или огонь от костра – они в низине, и «походные» дрова специально высушены у водогрейных котлов.

Когда огонь разгорелся как следует, они взяли каждый по головне – толстому суку от смолистой сосны, задние концы которых Кнут предусмотрительно не слишком сильно в костёр вдвигал. Таких факелов хватает минут на десять. А им больше и не надо.

Однако вскоре Хольгер убедился, что – надо.

Пещера, куда они попали, пройдя почти не нагибаясь, под свод, оказалась ну очень глубока. Дальний конец прямого, как стрела, коридора, проложенного сквозь камень, и с небольшим, но постоянным уклоном идущего вниз, терялся в темноте. Монолитные стены явно никто не пытался хоть как-то «облагородить»: грубые грани и изломы скалы свиде-

тельствовавали о том, что их ровность и аккуратность никого из строителей не волновала.

А что, интересно, их волновало?

Сохранность того, что, возможно, они здесь хотели укрыть от солнца? От... Войны? Может, очередной склад консервов? Или... оружия? Или – ха-ха! – Музей?..

Высота коридора-тоннеля, в котором они свободно могли стоять выпрямившись, достигала трёх шагов. Своды не закопчены – значит, точно: никто здесь ещё со времён Войны не ходил. Или, по крайней мере, не ходил с факелами, оставившими сейчас, когда они замерли на несколько мгновений у входа, мутно-расплывчатые чёрные пятна копоти на потолке. В ширину Хольгер насчитал шесть шагов. Хм-хм...

Похоже, здесь могли даже ездить эти старинные «автомобили». Значит, шансы на то, что внизу есть что-то дельное, не так уж и плохи. Особенно с учётом того, что он видел на входе: следы огромных ворот, превратившихся сейчас в ржавую труху вперемежку с кусками не то рельсов, не то – балок, и охранявших это место неизвестно сколько лет – быть может, даже действительно с самой Войны. Если не раньше.

– Проходим внутрь. Смотреть под ноги.

Сам он свой факел поднимал повыше: чтобы осмотреть своды и стены.

Ну и – ни-че-го.

Скала, скала... Никаких следов поперечных ответвлений, или воздуховодов, как это сделано у них в пещере. Вывод

вполне однозначный: это место не предназначалось для *жи-
лья!* Иначе при входе имелись бы вырубленные по бокам ка-
раульные помещения, и по потолку была бы проложена хоть
какая-то вентиляция. Или кабели энергоснабжения – как в
найденном при Ульме бомбоубежище.

Когда отверстие входа превратилось в крохотную тусклую
точечку, а вокруг ничего не изменилось, Хольгер решил, что
– хватит.

– Возвращаемся.

А молодцы его «старички». До этого и не пикнули, когда
они чуть не бегом понеслись в чернеющую и холодную глу-
бину. И сейчас, когда точно так же внезапно ломанули обрат-
но – не возражали. Сами знают: раз ничего пока не нашли,
и пещера очень глубокая, придётся не брать нахрапом, а –
методично изучать. Для чего организовать снаружи поход-
ный Лагерь, и наготовить побольше факелов: эти уже прого-
рели как раз до половины. Только-только успеть безопасно
вернуться.

Выбравшись на поверхность, Хольгер велел напарника-
м-«старичкам» подняться по крутым склонам пещеры с обе-
их сторон, и повнимательней изучить снег и лес вокруг.

Сам он ещё раз осмотрел вход. Всё верно: вот здесь она
была, железная дверь. Может, такая же, как у Общины Брю-
ненмаа. Тогда не удивительно, что слой ржаво-чёрной тру-
хи столь толст: толщина двери наверняка не меньше метра.
Была.

Была, да сгнила – он криво усмехнулся, поддѣв носком унта кусок плоского металла – похоже, от внешней обшивки. Жаль, конечно, что не взяли «нахрапом». Да и ладно.

Хватит бессмысленного «обдумывания». Без конкретных фактов оно ни к чему не приведѣт. Пора к выходу из лощины. Через десять минут туда подойдут и разведчики.

– Докладывай ты, Яди.

– Слушаюсь, Вождь. Значит так. У лощины, на открытом пространстве, снег почти растаял. Везде – чѣртов бетон, ничего не разобрать. Только под деревьями снег есть. Отлично видно следы лося, кабана, косули, белок. Людских – нет. Абсолютно точно – нет. Иначе чѣртовы звери не ходили бы тут вразвалочку: встретил следы только неторопливых шагов. Никто из животных не... убегал от опасности. Значит здесь – спокойно. Для них.

А молодец старичок-ветеран. Сразу говорит и наблюдения и выводы. Опыт! Который со временем переходит в иное качество – когда человек делает сразу капитальные обобщения на основе одной точно подмеченной детали: вроде – «ходили шагом!».

Опыт. Вот что им всем так нужно, и вот почему больше никто и никогда не поступает, как поступали в Общине Юн-танмаа.

Это они выгоняли из Пещеры стариков, которые уже не могли приносить пользу на охоте и дома. В результате – ра-

зучились и читать, и содержать Хозяйство пещеры, и охотиться. И попросту вымерли от какой-то эпидемии. Кажется, обычного гриппа. Ну, или – необычного: сейчас уже неважно. А важно то, что их Пещерой теперь всю пользуется Племя Еспера – и неплохо пользуется! Вот уж кто плодится так, словно хочет рекорд установить... Их отделение от Общины Карлмаа произошло всего два поколения назад, а народу уже – чуть ли не больше, чем в дедовской Общине.

– Ты, Кнут?

– Согласен с Яди: животные непуганые. И следов людей нет. Правда, я всё-таки думаю, что когда-то Община Малахии пыталась здесь если не обосноваться – то хотя бы поохотиться. Вот. – он протянул ладонь.

На рукавице лежал грубо сделанный каменный наконечник стрелы. Они и сами делали раньше такие же. Раньше. До того, как прадед Хольгера научился изготавливать наконечники из кости с противозубьями – такие, что, раз попав в тело, уже не выпадали из него до самой смерти зверя! И сейчас такими пользуются все Общины.

– Значит, этому наконечнику не меньше... Шестидесяти лет.

– Думаю, что так, Вождь. И если и правда – после этого соседи сюда не совались, причина того, что они оставили такие богатые дичью уголья, должна быть *очень* серьёзной... – это отлично понимали и Хольгер и Яди. Однако Яди помалкивал себе, хитро щурясь, да делая вид, что сморкается.

Пришлось подвести итог похода и разведки Хольгеру:
– Уходим домой. Все трое – в малый Карантин.

До Пещеры добрались уже после захода солнца. Серп луны обманчиво монотонно отражался от склонов горы: их третья стена замаскирована так, что незнающий никогда не найдёт... Хольгер выкрикнул их имена. Потому что не хотелось бы от настороженных часовых получить стрелу, если те решат, что это крадутся чужаки.

Привычные слова пароля не успокаивали: Торки и Ларс, стоявшие сегодня в карауле, смотрели на них словно испуганно, и держаться старались подальше – а молодцы.

Всё правильно: все уже знали, что Охотники нашли новую пещеру Древних. Так что, может, и заразу какую притащили на себе! Поэтому никто из караульных не удивился, что в общую Пещеру троица не пошла, а направилась сразу в Малую Карантинную.

Через полчаса, когда огонь в каменном очаге уже пылал вовсю, и крохотная каморка нагрелась, они переоделись в сухую одежду, хранившуюся тут же, в нишах по стенам. Сырые парки и анораки развесили на шестах у очага. Наконец к входному отверстию принесли котёл с кашей – Хольгер услышал характерный стук в дверь.

Яди открыл её, и, пошипев и попрыгав – обжётся о дужку! – внёс котёл в пещерку.

Ложка у каждого имела своя, и они споро работали ими

до тех пор, пока неопределённого цвета и вкуса варево не закончилось. После чего выскобленный практически дочиста котелок выставили наружу. Хольгер знал – теперь его тщательно прокипятят, и завтра с утра снова наварят полбы с дрожжами – только для них троих.

Через ещё десять минут снова раздался стук в дверь: Райдер пришёл за указаниями.

– Значит так. Пещера очень глубока. Мы... – Хольгер рассказал о результатах их похода в глубину, и разведки окружающего леса, и подвёл итоги, – Поэтому сделаем так. Ты остаёшься за главного в Пещере. Я с отрядом в пятнадцать человек организую временный Лагерь возле... – Хольгер быстро рассказал о своих планах долговременного обследования найденной пещеры, и действиях Райдера, если их партия не вернётся через неделю.

Райдер не возразил – а попробовал бы он!..

Через час, ворочаясь в спальнике из оленей шерсти на каменной полке, устланной сеном и старыми шкурами, Хольгер всё ещё думал и переживал. Как ему сейчас не хватает привычной густой вони и гула Пещеры (Особенно заметной после целого дня снаружи!): терпко-кислого запаха дрожжевой массы, пота, нечистот, прогорклого жира. Рёва и плача младенцев в яслях. Занудно-монотонного бормотания учащихся, зубрящих уроки по нескольким чудом сохранившимся книгам, (Он ещё помнил рассказы старожилков, как из-за трёх учебников по Истории, Химии и Физике у них произо-

шла настоящая война с соседями – Племенем Гиудов! Ну, те были почти все бобарами, и всё равно долго не протянули бы в суровых условиях Нового Ледникового.) потрескивания смолистых толстенных стволов под водогрейными котлами, и гудения огня в дымоходах...

Его очень беспокоила сегодняшняя находка: что-то, вот чуяло его нутро, с ней не так!.. Ну, то, что его предки не нашли ложбину с пещерой – понятно. Не до разведок им было тогда, в дни Возвращённого Солнца. Когда оно появилось, наконец, на затянутом до этого пеленой туч небосводе, первое время все радовались.

Рано радовались. Стоило начать испаряться всей той гадости, что до этого лежала на поверхности земли, связанная снегом и льдом, как началось... И продолжалось чертовски долго.

Только триста лет, как более-менее закончились кислотные дожди, превращавшие не то, что цемент – а и прочнейшую сталь пра-предков в рыжую воздушно-аморфную труху. В те тяжкие времена потерь редко кто решался уходить от основного Дома дальше, чем на половину дневного перехода. Потому что против едких, и воняющих серной кислотой и медью потоков с неба шкурами не закроешься!

А уж потом, когда стало возможным сажать в не совсем ещё оттаявшую землю овёс и рожь – и тем более некогда. Потому что все, кто мог держать в руках мотыгу или лопату – счищали верхний, испорченный слой почвы, рыхлили, ко-

пали, боролись с пруссами, словно кабан во время гона, мутантами-сорняками. И всё равно почва без удобрения очень быстро истощалась, и нужно было расчищать очередной участок...

Так что неудивительно, что лишь сейчас, когда людей и возможностей стало больше, они могут позволить себе такую вот роскошь: разведку без чётко намеченной цели.

И сейчас Хольгера сильно напрягало то, что такую, вроде, удобную пещеру не облюбовали ни медведи, ни волко-львы под логово. Значит, завтра придётся взять чёртовы газоанализатор, микроскоп, и совсем уж старьё: счётчик Гейгера.

Ладно, они возьмут. И генератор ручной потащат.

А теперь – спать!

Анна возмущённо фыркнула:

– И – что?! Раз я больше не могу иметь детей, значит, можно плюнуть на все остальные мои потребности, и переть, словно очумевший по весне лось – в каждую новую дырку?! А о детях ты хотя бы подумал?! Ага, конечно, – она жестом остановила готовые сорваться с его уст возражения, – Два раза даже ты подумал! Нет, Хольгер, сын Хольма, ты никогда обо мне и детях не думал! Ты просто спихнул ответственность за нас на Елайзу, и пользуешься случаем потешить вдоволь своё идиотское любопытство! Засунуть свой дурацкий нос во все новые щели! Раскопать чёртово дерьмо, зарытое этими мерзавцами-пра-предками, которое они наверняка за-

рыли специально: только для того, чтоб мы все уж наверняка передохли сейчас, если не передохнем в первые годы после Войны – от радиации! Вон: пример Сюдбю тебя ничему не научил?!

Хольгер знал, что остановить поток бессмысленно-субъективных оскорблений и идиотски-предвзятых суждений теперь невозможно. Поэтому просто повернулся спиной к расплывшейся брызжущей слюной колоде, бывшей когда-то самой сексапильной и вожденной девушкой в их Общине, и неторопливо двинулся вглубь Пещеры – к кухне. Однако Анна и не думала отступить или отставать:

– Куда это ты собрался, «Муж мой, Вождь мой»?! Что, неприятно слушать единственного человека, который тебе правду в глазки-то твои хитрущие скажет?! И вот верно говорила мне мать: ты для него – не жена, а престижная «спутница жизни»! Повод повыдрючиваться перед всем Племенем – вот, смотрите, какой я крутой! В поединке за Анну победил трёх самых сильных бойцов! Да ты, со своими «крутыми» амбициями и заумными размышлениями всегда вызывал у меня только отвращение! Упёртый идиот! Умник хренов! Ничего тебе кроме твоих дебильных «разведок» не надо! Даже секса! Ты – даже если и спал со мной – то только «во имя Долга!» Чтобы заделать мне детей! Чтобы я подольше ходила беременной, помалкивала, и тебе бы не надо было!..

– «Выполнять супружеский долг!» – закончил он про себя, сделав знак Петру и Мозесу. Те поспеши-

ли оттеснить напирающую и бурно жестикулирующую Старшую Жену Вождя с покрасневшим от гнева лицом, по которому сейчас от распиравших эмоций буквально текли потоки пота, в проход между классными комнатами, в которых, к счастью, в это время никто уже не бубнил: «...нил-каждый-год-разливал-ся-и-приносил-на поля-древних-египтян-плодородный-ил-и-влагу...», или «...поваренная-соль-имеет-формулу-натрий-хлор-и-жизненно-необходима-всем-организмам...»:

– Простите, госпожа. Извините, госпожа Старшая Жена! Вождя ждут дела!

Хольгера покорило, хоть внешне он виду и не подал: и эта стерва с лоснящимся от жира и в мерзких чёрных точечках угрей, лицом, что поперёк шире – его *Старшая Жена!*..

– Какие, на ..., у него дела! Отвертеться от нормально-го супружеского секса – вот его дела! Уж тут-то он мастер – куда до него другим! Прошло твоё время, Хольгер! А вот раньше, призовой ты кобель, небось, не заикался, что «фигура, мол уже не...» – женщина, от которой он всё отдалялся, продолжала выкрикивать ему в спину оскорбления. Хольгер относился почти спокойно: все знают, что у Анны – зуд в...

Может, сам виноват? «Разбудил» в ней эту самую «женщину» ещё тогда, в молодости, когда и правда...

Призовой кобель. Он невольно дёрнул плечом.

Чёрт бы её подрал, «Госпожу Старшую Жену»!..

После рождения Леннарта, их второго, Анна перестала следить за собой: очевидно, надеялась, что теперь-то она навсегда покорила сердце за месяц до этого ставшего Вождём, Мужа. После рождения третьего, Гюнвальда, Хольгера на «выполнение супружеского долга» подвигало только сознание того, что первые трое получились чертовски (Тьфутьфу!) хороши: крепенькие, здоровые, ясноглазые и схватывающие всё буквально на лету. Тела – без этих дурацких «мутаций», или каких других дефектов. И, значит, нужно «ковать железо, пока горячо!» Пока «детородный период» у Жены Вождя ещё не кончился...

Вот он, преодолевая естественную брезгливость к расплывшейся потливой и уже сильно ворчливой матроне, и «наплодил» ещё двух Охотников и двух будущих Жён. «Хранительниц Вековых Традиций и Домашнего Очага». А проще говоря – самок.

Да, Хольгер не обольщался ролью женщин в их Общине: чего бы те о себе не мнили, они – не больше, чем машины для рождения и вскармливания до ясельного возраста будущих Охотников. Потому что из Пещеры их выпускать – себе дороже. Что и показал печальный пример их старшенькой, Бригитты, Бритты, сбежавшей из-под надзора Воспитательницы, и прошмыгнувшей в лес под носом у Караула.

Он тогда наказал, конечно, и ту, и тех – в назидание остальным, а вовсе не потому, что родная Дочь... Но Бритту уже не вернёшь: не могут женщины ни быстро бегать, ни

внимательно наблюдать. Не говоря уж о владении оружием и навыками боя...

На кухне всё было как всегда: то есть в полном порядке. Толстый Олаф, взобравшись на помост, и свирепо ругаясь с Калле и Бьорном, что-то споро мешал в огромном котле, поставленном на Большой Очаг – чугунную конструкцию с удобнейшими печами и съёмными колосниками пришлось тащить аж от самой Пещеры, обнаруженной прапрадедом Ульмом. (Правда, каменно-глиняный Очаг, бывший у них до этого, не разобрали, а оставили для страховки: и верно, лет восемь назад, когда число жителей их Общины перевалило за третью сотню, понадобился и он!) Калле резал-рубил что-то большое на разделочном столе (по виду – замороженную ногу оленя), а Бьорн как раз засовывал в топку очередной огромный чурбак.

– Привет, Олаф. Здравствуйте, Калле, Бьорн.

– Здравия желаем, Вождь! – нестройный, но весьма бодрый ответ порадовал: значит, ни неполадок в работе оборудования кухни, ни нехватки в продуктах нет. Хорошо. Только вот... Что это за новая чёрная дыра образовалась в скале там, где у них дровяной склад?

– Как дела? Что там с обедом?

– Всё отлично, Вождь! Успеваем вовремя. Только вот...

– Да?

– Видите – огромную дыру вон там, в стене? – если честно, такую не заметил бы только крот, – Так вот у нас проблема!

Нужно бы убить чёртову тварь, что её прогрызла!

Сердце Хольгера сжала гигантская волосатая лапа с острыми когтями.

Что за «Тварь» завелась у них в Пещере?! И – главное! – откуда?!

Всё, что может «прорыть» скалу – стальные проходческие машины древних! – давно рассыпалось в ржавую труху! А из живых такое не под силу и мутантам-барсукам!

– И... Что же это за тварь?

– Да я сейчас свистну ей, Вождь – вот и посмотрите!

Олаф быстро сунул два пальца в рот, и не успел Хольгер остановить его, (Свист – нехорошая примета!) высокий звук, от которого заложило в ушах, разорвал мирный уют шкворчания жаркого на очаге, бульканья варева в котлах, и гула огня в топках.

И почти сразу в глубине метрового отверстия кто-то завопил, зафыркал и зарычал, словно снежный барс, только колоссальных – с медведя! – размеров! И вот уже на Хольгера бежит, цокая твёрдыми, словно сталь, коготками, по скале пола, и злобно скалясь остриями белых треугольных зубов, огромная крыса!

Хольгер понял, что не готов!

Ещё бы! Ведь это – Пещера! Здесь никто не ходит с копьем в руках, и привесив к поясу мачете и два метательных ножа, и уж тем более – с колчаном и луком за спиной!

Однако он приготовился дорого продать свою жизнь, по-

чему-то инстинктивно чуя, что Главный повар и его помощники на подмогу не придут: они – предатели! И как-то уже договорились с новым Врагом!

Крыса прыгнула, целясь ему в горло. Нож для разделки мяса, который Хольгер выставил перед собой, просто сломался, столкнувшись с – не то – бронированной, не то – просто очень крепкой щетиной на груди твари!

Его опрокинули на пол. Острые зубы клацнули всего в ладони от лица, и он впервые позволил себе то, чего прежде никогда не делал ни в Пещере, ни на охоте: громко и с омерзением заорал! Тварь оттолкнул поджатыми к груди ногами. Она, отлетев, свалила с очага какой-то котёл, и обжигающая жидкость разлилась по полу!

В спину словно впились тысяча иголок! Кипяток!..

А сверху вдруг на него прыгнули и Олаф, и остальные повара! И – что самое странное! – рядом с ними оказалась и Жена, и погибшая Бригитта, и даже его пра-прадед Ульм.

Хольгер зарычал, тщетно пытаясь встать на ноги: спину немилосердно жгло!

С диким криком он...

Проснулся. Открыл глаза.

Над ним маячило перепуганное лицо, и его здорово трясли за плечи – это оказался Яди:

– Вождь! Да Хольгер же!.. Проснись ты наконец!

– Ф-фу... – он рывком сел на жёстком ложе, пощупав спину: ах, вот в чём дело! Туда впились наконечник копья, кото-

рый нашёл Кнут, и который он перед сном рассматривал, да так, похоже, и уронил под бок. – Спасибо... Давно я... Кричу?

– Да нет. Всего несколько секунд. Но уж выл до этого как страшно! Словно волко-львы, обложившие оленя!.. Что, кошмар?

– Д-да... Да, будь он неладен... Вот уж приснилось, так приснилось! Спасибо ещё раз. Ладно, хлебнём, раз уж проснулись, водички – да снова спать.

– Хольгер... – в глазах Яди блестело не только беспокойство за него. Там гнезвился и почти неприкрытый страх, – Мы... Точно должны лезть в эту... Новую Пещеру? Может, стоит отложить – хотя бы до лета?

Хольгер знал, конечно, легенду о Вещих Снах, которые снятся Вождям, или их Жёнам накануне каких-то важных событий... А уж Яди, как Охотник старше его, наверняка и верит в этот бред – причём слепо и твёрдо, куда сильнее, чем в того же Христа.

Но – поддаться на суеверие... Недостойно Вождя.

– Мы должны залезть в эту Пещеру послезавтра. А завтра соберёмся, уложим чумы, запасём продукты... И всё остальное. Как раз для нашей безопасности мы и полезем туда – вдруг удастся поселиться там. Нам нужны новые подземелья – вспомни: нас больше, чем Дом может вместить. Женщины постоянно скандалят. Разделяться пора. А тут – такая удобная Пещера. Незанятая.

– Ладно, ладно... Спорить не собираюсь. – А ещё бы! Жена несчастного Яди – одна из самых склочных мегер в их Общине! И всё, что она «недобрала» в трапезной или Прачечной – обращается на голову Яди, – Надо – так надо... Но, может, всё же – летом?..

– Нет, Яди. Чует моя задница, что отсрочкой тут ничего не выиграть. Если уж Пещера простояла после Войны столько веков – неделя или даже месяц ничего не решат, конечно. Но! Нам-то дней через десять уже сеять надо будет. Сам знаешь – тут уж не до разведки: займём опять всех трудоспособных.

Так что – послезавтра!

Послезавтра настало быстро: в сборах и неизбежных при них проволочках незаметно проскочил целый день.

Вышли до рассвета. Сквозь непролазный бурелом лезть смысла Хольгер не видел, поэтому вёл так, как они добирались до этого: по проложенной тропе в почти нужном направлении, а потом – вдоль скалы Момсена.

Хольгер иногда оглядывался: нет, цепь из пятнадцати отобранных им Охотников двигалась целеустремлённо, спокойно, и абсолютно бесшумно. Даже нарты, волочимые по снегу и хвое, не скрипели полозьями. Всё верно: на то и профессионалы. Лишние движения и звуки им ни к чему.

К обеду добрались до оврага.

Хольгер скомандовал:

– Яди и Кнут. Со мной. Возьмите приборы. Остальные – рассредоточиться. Занять позиции вокруг оврага. Установить чумы. Не шуметь, ждать нас.

Тихие возгласы «Так точно, Вождь! Слушаемся!..», и прочие подтверждения, что им понятны указания, вовсе тишину пасмурного дня не нарушили – были чуть слышны.

Убедившись, что факелов у него в рюкзаке достаточно, он поднял зажжённый в левой руке, а правой перехватил копьё поудобней. Хотя уже чуял – копьё здесь не понадобится. А вот приборы... Кнут еле тащил здоровенный футляр с газоанализатором. Яди было полегче – микроскоп, ручной электрогенератор, и древний счётчик весили немного, и нести их куда сподручней.

Сегодня они продвигались вглубь пещеры гораздо медленней и осматривались уже не столь опасливо: знали, что по крайней мере первые метры безопасны. Кнут изредка ворчал и приотставал – как понял Хольгер, боролся с неподатливым футляром, и слал тяжеленному прибору в нём всяческие пожелания. Однако когда они прошли уже с пару километров, а в окружающем тоннеле не изменилось ничего, забеспокоился и Хольгер.

– Первая Станция.

– Есть, Вождь. – показалось ли ему, или его спутники вздохнули с облегчением?

Пока устанавливали газоанализатор, подсоединяли провода, и зажигали свечи для микроскопа, Хольгер лично бе-

личьей кисточкой отобрал пробы с пола – на предметное стекло. Яди, водивший в это время вокруг усиками счётчика, порадовал:

– Остаточный фон есть. Втрое выше, чем сейчас у нас в Пещере. Но – ерунда. Жить можно. Единственно, вот что беспокоит...

– Да, Яди?

– Что здесь нет крыс, мокриц и летучих мышей. А ведь пещера – словно создана для них. В меру сухая, пустая, каменная... наверное, не в радиации всё же дело!

– Посмотрим. Ну, Кнут, что там?

– Придётся ждать ещё минуты три. – Кнут, вращавший рукоятку генератора, запыхался. – Здесь прохладно – по колонне идёт медленно.

То, что по ректификационной колонке раствор реагента проходит медленней, не насторожило Хольгера – то же самое бывало и дома, на холоде.

К этому времени и Яди справился с изучением бацилл-микробов:

– Обычный набор. Всё то же, что и в любом месте леса или реки. Только вот... Дохлые они все!

Ух ты!.. Чтобы убить стандартно-смертельный набор болезнетворных микробов и бактерий, к которому жители всех выживших Общин давно обзавелись иммунитетом, нужно действительно – что-то... Очень сильное!

Охотники и Вождь переглянулись. Однако никто выска-

зять пришедшие на ум рассуждения не осмелился, а Хольгер просто кивнул отдышавшемуся Кнуту. Тот сказал:

– Воздух в порядке. Дышать можно смело. Опасных газов или ОВ* нет.

*ОВ – отравляющие вещества.

– Значит, всё в порядке?

– Ну... есть кое-что. Необычное. В семь раз повышена концентрация радона. Это может значить, что там, в глубине, медленно разлагается что-то радиоактивное. Но – хорошо упрятанное. Или – надёжно запечатанное.

– Надо же. А вдохновляет. На продолжение разведки. – буркнул Яди.

– Хватит, Яди. Обследовать всё равно придётся. Пакуйте барахло.

Следующую Станцию сделали ещё на четыре километра дальше от входа, и примерно на полкилометра, по прикидкам Хольгера, ниже поверхности. Здесь радона оказалось ещё вдвое больше. Хорошо хоть, дышать он никак не мешал...

Хольгер понимал, конечно, что капитальные исследования сильно замедляют их продвижение, но не видел смысла в излишней спешке: лучше подстраховаться. И выявить что-либо опасное сразу! Чтобы в будущем избежать возможных осложнений.

Но вот, спустя ещё пару километров (Хольгер уже всерьёз

собирался вернуться!) впереди замаячило нечто серое, гладкое, перекрывающее тоннель поперёк.

Перегородка. Пробка. Стена.

Такая же почти сейчас и у них перекрывает надёжно жерло Пещеры, чтобы не мог вломиться никто посторонний. Только их стена из гранитных кирпичей и замаскирована.

А эта – вся на виду. И – из монолитной броневой стали. Не ржавой.

Это они узнали, постучав по ней костяшками пальцев, а затем и штативом микроскопа. На поверхности, похоже, когда-то что-то было написано, но вот краску время и сырость не пощадили: неряшливо выглядевшие, и свернувшиеся словно осенние листья, ошмётки, лежали под стеной. Хольгер буркнул:

– Делаем Станцию три, и, если всё в порядке – отдыхаем. И едим.

Всё оказалось в порядке. Однако кусок буквально не лез в горло Хольгеру – он заметил, что и Кнут ест, поминутно запивая из фляги. Яди жевал методично и спокойно, уставившись в одну точку – как и всегда. Вот только сегодня эта точка располагалась в тоннеле, в том направлении, откуда они пришли...

Хольгер же за время трапезы пристально всматривался в перегородку: должен быть небольшой проход! Дверь! Потому что иначе смысла нет в этой преграде!

Проход нашёлся не совсем такой, как он думал: тонкая,

буквально ниточная щель в боковинах, вокруг всей сплошной перегородки. Ах, вот как. Она, стало быть, сдвигается...

– По-моему, я знаю, как открыть. – Яди указал рукой на большой штурвал, закреплённый в железной коробке, выступавшей из стены сбоку, – Наверняка они предвидели, что электричество скоро закончится, и всё придётся делать механически, вручную!

Хольгер покивал:

– Думаю, ты прав. Доели? – спутники кивнули, – Приступим!

По часовой повернуть не удалось. А против – пошло довольно свободно. Один поворот штурвала вызывал немислимый скрип-скрежет где-то в глубине скалы, и приоткрывал сдвигавшуюся целиком вбок, в нишу в скале, многотонную перегородку, примерно на миллиметр. Но они не стали сразу лезть внутрь – вначале исследовали воздух, выходящий из предусмотрительно приоткрытой сантиметровой щели.

А ничего необычного. Только радона ещё в полтора раза больше...

Крутили штурвал уже с ругательствами – ни фи́га они на черепашью скорость открытия могучей стены не влияли. Зато успокаивали хоть как-то душу... Когда щель достигла двух ладоней, Хольгер попробовал протиснуться. Получилось. Он снова повесил на спину снятый рюкзак. Кнут передал футляр. Микроскоп и генератор Яди протащил сам.

И вот они стоят внутри огромного гулкого пространства,

пытаясь тремя дохленькими факелами разогнать нависающую словно осязаемой чёрной массой, глухую темноту и тишину... В которой угадывались чернильные пятна трёх узких коридоров.

– Давай-ка ещё три факела. Сейчас не до экономии. Нужно осмотреться.

Яди снял со спины рюкзак с «дровами», и они зажгли от горящих ещё три факела.

Не сильно-то это помогло. Да, вперёд, и в обе стороны уходили три коридора. Стены и потолок этих уже были аккуратно выровнены и даже покрашены. По низу – в голубой, поверху – в белый цвет. Примерно в полукилометре, насколько можно было различить в неверном мерцании, боковые коридоры оканчивались словно бы тупиками. А вдоль них видны были ещё тёмные щели: похоже, поперечные коридоры.

– Яди, Кнут. Станция четыре. После чего оставляем оборудование здесь, у перегородки. Дальше идём налегке.

– Да, Вождь. А можно оставить здесь же оружие? Вряд ли здесь есть кто живой...

– Согласен, что «кто живой» тут вряд ли есть. Но оружие берём с собой. – возражений не последовало. Значит, его люди тоже боятся. Боятся этого места. Где, вроде, подошли даже микробы, и никто наверняка не мог выжить за те столетия, что не открывалась заржавевшим механизмом древняя Перегородка... Так что же она защищала? Или – кого?

То, что здесь надёжно спрятано под почти километровой

толщей скал – от людей?

Или...

Людей снаружи – от *этого*?

Центральный коридор оказался длиной с километр. Двери, имевшиеся по его сторонам, открывались в комнаты, которые Хольгер принял за научные лаборатории: на столах и верстаках стояли разные приборы и компьютеры, в застеклённых шкафах отблёскивали обманчивыми бликами инструменты из нержавеющей стали, и колбы с пробирками.

Приборы попадались знакомые, и почти такие же, как и у них – микроскопы, газоанализаторы, Яди указал на могучий белый тубус: «электронный микроскоп!». Но многие, многие другие оказались совершенно незнакомы – здесь явно исследовали нечто очень... Серьёзное и сложное!

Однако Хольгера научное оборудование не заинтересовало: если что – изучат позже. А сейчас нужно просто осмотреть и выявить всё, что может нести потенциальную угрозу жизни людей его Общины. Поэтому они, открывая все двери, и бросая внутрь лишь короткие взгляды: «Здесь – то же самое!», продвигались вперёд.

Единственное заинтересовавшее устройство нашли в самой большой и сложно оборудованной лаборатории, снабжённой даже потолочным краном-балкой – лифт. Причём – грузовой. Узнал его Кнут:

– Я видел такой. На фотографии в каком-то из наших

Справочников. Точно: это он!

Однако открывать створки или включать устройство без электричества Хольгер возможности не видел. Зато лифт сказал им о том, что глубже, похоже, есть ещё Уровни. И то, что доставлялось туда, или доставалось оттуда, переносить приходилось краном...

В торце центрального коридора оказалась дверь, ведущая в лестничный пролёт. И здесь нижняя часть стен была окрашена в голубой, а верхняя, и потолок – в белый. Правда, лучше видно от этого не становилось. Хольгер принялся: нет, всё то же самое.

– Исследовать и проверять ничего не будем, пока не спустимся.

Яди и Кнут кивнули.

Лестница, насколько мог судить Хольгер, ничем не отличалась от тех, что были когда-то в многоэтажных «бетонных» жилых домах, и, действительно, вела вниз.

Однако когда они посветили в довольно широкий пролёт, обнаружилось, что туда она уходит ну очень глубоко: дна не видно. Хольгер глянул на Кнута, и тот бросил в пролёт свой почти догоревший факел.

Секунды считали вместе. Однако факел начал ударяться о перила, и вскоре засел на каком-то из подземных уровней неопределённым красным пятном, высвечивая всё те же решётчатые перила, и чётко обозначив только то, что пролётов не меньше пятидесяти... Блин. Хольгер удержал руку от че-

сания головы – стыдно. Да и неудобно – в капюшоне-то.

– На сегодня разведка окончена. – решил вдруг Хольгер, – Возвращаемся в Лагерь.

Вотан, оставленный в Лагере за главного, времени не терял: уже были срублены, очищены и установлены в каркасы чумов стволы молодых елей и сосен, и на два уже почти натянули шкуры, прижимая ещё шестами от ветра. Три чума расставили треугольником, словно (Впрочем, почему – словно? Так ведь и было!) защищая от незваных гостей сам овраг. Четвёртый – для них – установили недалеко от жерла пещеры, прямо на дне ложбины. Он был, конечно, поменьше, но полностью готов. Отлично.

Хольгер подозвал Вотана, позволив тому приблизиться не больше, чем на десять шагов. Подробно и чётко рассказал о том, что они увидели и намерили.

– Завтра с утра будем спускаться. Если через два дня не появимся, внутрь уже не лезьте. Можете Лагерь сворачивать, и идти домой. Нас ждите ещё... м-м... дней пять. Если не вернёмся – возвращайтесь, и запечатывайте проход в глубине этой броневой перегородкой. Навсегда. Наружный вход – завалите. Вождём останется Райдер. Ясно?

– Так точно, Вождь! – та небольшая часть лица, что оставалась видна под капюшоном и не была закрыта усами, бородой и солнцезащитными очками, сказала Хольгеру, что не слишком-то его второй заместитель обрадован получить в

начальники мужика на три года моложе себя... Но Хольгер судил по поступкам: Райдер показал себя и инициативным, и умным. Способным принимать Решения, гибко приспособившая их к непредвиденным ситуациям и обстоятельствам. Вотан же – приверженец консерватизма: нового не любит, и уклад жизни Общины, если даже станут вынуждать изменившиеся обстоятельства, не поменяет.

В их чуме уже всюду трещал огонь: Яди стянул рукавицы и парку, и разжёл маленькую буржуйку, труба которой, наращённая запасными секциями, уже выходила в потолочное отверстие. Хольгер прилёг прямо сверху на спальный мешок, брошенный кем-то на охапку сена, покрытую старой и почти вылезшей шкурой оленя: всё верно, использовать нужно всё. До самого конца. Такую «подстилку-одежку» носить, или даже накрываться – невозможно. А сено или камень застелить – отлично.

Вскоре котелок с кашей разогрелся. Согрелся и воздух в чуме, и они, скинув парки и рукавицы, и присев тут же, у раскалившейся почти докрасна печки, поели.

К этому моменту в чуме казалось почти так же тепло и уютно, как в Пещере. Нет, даже лучше: не было того въевшегося всюду и везде запаха прогорклого тюленьего жира, на котором работали их лампы-коптилки, и не свисали сверху, со свода, безобразные буро-чёрные фестоны застарелой пыльной паутины, покрывшейся ещё и копотью и испарениями жира...

Снаружи сгустились сумерки. Так что, поглядывая в темноту за неплотно прикрытым входным отверстием, Хольгер думал о нартах, которые теперь всегда приходится таскать вручную. Чёртовы волко-львы ещё пять поколений назад поймали всех собак – и не только их Общины. Так что теперь особо далеко от Пещеры не отъедешь: оставаться на ночь в лесу, даже разбив Лагерь – чертовски опасно. Хотя бы из-за тех же волко-львов. Но больше – из-за барсуков-мутантов. И не заметишь, как окажешься в подземной воронке, вдруг оказавшейся под тобой, и попадёшь на трёхдюймовые зубки, легко перегрызающие даже корни кедров толщиной с ногу!

Так что правильно он приказал чумы устанавливать на остатках когда-то бетонной площадки, окружающей овраг: здесь не больно-то пороешь. А если начнёшь – это мгновенно станет слышно. Даже потерявший прочность бетон – это, всё-таки, камень, а не мягкая почва.

– Вождь... – Кнут явно мялся. Значит, вопрос будет или личный... Или глупый. И точно, – А, может, не стоит нам спускаться так глубоко? Там, внизу... Всё-таки – владения Хель! Может, ей не понравится, что кто-то нарушает её покой?

Хольгер долго смотрел Кнуту в глаза. Тот не выдержал – опустил свои.

– Кнут. Ты – почти двадцать лет Охотник. Отец троих Охотников. И Будущей Матери. Тебе сорок три года. Скажи,

видел ты – лично ты – хоть когда-нибудь хоть кого-нибудь из тех, кого описывают наши детские сказки?

– Н-нет... Никогда.

– Ну то-то. Вот чего в тебе нет. Реализма. На меня и Яди даже то, что мы забрались так глубоко в недра скал, не произвело впечатления: это же *люди* выкопали и продолжили там все эти пещеры и переходы! И они не боялись никакую Хель. Не убила же она их?

– Но... – глаза Кнута вдруг снова вскинулись и сощурились в сосредоточенно-цепкий взгляд. – Вождь! Так глубоко никто из нас, верно – не лазал! Так что мы не можем точно знать: ну а вдруг Хель всё-таки покарала всех этих... Которые тут копошились?! И забрала их туда, к себе? И теперь их тела там, в пучинах Гиннунгапа?!

Хольгеру стало бы смешно. Если б не сжатые судорожно и буквально побелевшие до синевы кулаки Кнута, и капли пота у него на лбу. Вот оно!

Клаустрофобия. Так, кажется, древние называли боязнь замкнутого пространства. Начинаются истерики, обильный пот, учащённое дыхание – да, он вспомнил, как Кнут задышался, поминутно отдуваясь, там, внизу... Но сдерживался – знал, что нужен.

Ну а сейчас, в момент ослабления опасности, подсознание противилось тому, чтобы снова... И вот – болезнь проявилась в усилении страхов от древних суеверий. Почти до опасных границ. И эти суеверия теперь стали для него, по-

хоже, реальностью...

Хорошо, что они сохранили все эти Справочники и Учебники – особенно медицинские. И зазубрили оттуда наизусть почти все болезни. И пусть до этого ни у кого в его Племени не было клаустрофобии, то, что Кнут – первый, Хольгера не радовало.

Тем более что эта штука, насколько он помнит, ничем не лечится. Только...

Выходом на открытую поверхность. А при попадании в «те же» условия, могут случаться и «рецидивы», как их называл справочник. Хольгер, правда, не представлял, что это будет такое, но попробовать не хотел бы.

Жаль. Кнут – надёжнейший соратник. Был. А теперь...

Если он так подвержен этим, как их... Фобиям – то там, внизу, на него уже нельзя будет полностью положиться в критический (Не приведи Господь!) момент!

Значит, завтра – без Кнута. Тогда... Наверное, Ельм.

Утром Хольгер поручил Кнуту «важнейшее» задание: продиктовать Лири то, что они увидели и разведали: «причём с самыми мельчайшими подробностями!» – это, дескать, *очень* важно для будущего Общины. Потому что снять товарища с похода, указав на его «болезнь» – унизительно. Да и не хотел Хольгер, чтобы хоть кто-нибудь узнал, что у Кнута – болезнь! Ничего, побудет снаружи, постоит в карауле, как следует отоспится, потрахается и поругается с женой – и всё

пройдёт.

Должно пройти!

Ельм от нового назначения в восторге явно не был. Но помалкивал себе в усы, и только сопел где-то там, позади, приотстав от них с Яди на пяток шагов.

Хольгер и второй «ветеран подземелья» шли быстро – зачем останавливаться, когда точно знаешь, что территория обследована, и признана безопасной? Поэтому до Перегородки дошли быстро. Никого. Протиснулись. Подобрали научное барахлишко.

До лестничного пролёта добрались минут за пятнадцать.

Спускались быстро – как только обнаружилось, что ответвлений на другие Уровни на лестнице нет. Ельм, которому это поручили, отсчитывал вслух этажи: «сорок три... сорок четыре...». Хольгер уже и сам беспокоился: если высоту двух лестничных маршей – одного этажа – считать за пять метров, они спустились уже... Чертовски глубоко!

А ведь им ещё подниматься!

На девяносто восьмом этаже лестница кончилась, и перед ними возникли очередные двери. Из металла. Однако они легко открылись, когда Хольгер, переглянувшись с Яди, повернул ручку, торчащую у одной из кромок. Надо же! Простая защёлка!

Комната, в которую они попали, оказалась небольшой. Все стены покрывал иней. (Странно. Раз есть влага – значит где-то здесь, похоже, есть выход для вечной мерзлоты!) По-

этому они не сразу обнаружили, что одна из стен – просто огромная отполированная каменная плита, на которой высечены буквы.

Хольгер кивнул спутникам:

– За работу!

И пока те повторяли манипуляции со счётчиком, хроматографом и газоанализатором, стирал рукавицей иней с плиты. Если не считать лёгкого жужжания переносного генератора хроматографа, который, отдуваясь и пыхтя с непривычки, крутил Ельм, вязкой и гулкой тишины ничто не нарушало.

Хольгер сказал:

– Нам повезло. Надпись на всеязе. Читаю:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

«Приветствуем вас, неизвестные посетители Онколо, и постараемся простыми словами объяснить, что это за место.

Искусственная пещера Онколо вырыта и оборудована как максимально недоступное подземное хранилище для безопасного хранения ядерных радиоактивных отходов. Если не изменятся первоначальные планы, объём этих отходов составит более ста пятидесяти тысяч тонн. Угрозу для жизни людей они перестанут представлять только через сто – сто двадцать тысяч лет с момента их захоронения здесь.

Последний контейнер предполагается разместить здесь, на последнем этаже Онколо, в две тысячи двести десятом году от Рождества Христова. Надеемся, что этот временной

ориентир хоть что-то вам, спустившимся сюда, говорит. Если нет – то на штативе рядом есть шкала, датчик которой указывает, сколько ещё осталось времени до момента полного распада радиоактивных веществ в контейнерах.

Предупреждаем: пока не вышел срок, отсчитываемый датчиком, нахождение вблизи контейнеров, изучение контейнеров, или их вскрытие является **СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫМ** для любых существ на белковой основе.

Поэтому рекомендуем Вам просто уйти отсюда, и запечатать входное отверстие по возможности герметично.

Так же рекомендуем оповестить всех, кто окажется живущим на поверхности планеты в момент вашего ознакомления с этим Предупреждением, о том, что вы сейчас прочли.

Надеемся на ваш реализм и понимание.

Спасибо».

Ельм, повернув лицо после того, как Хольгер замолчал, снова к шкале газоанализатора, буркнул:

– Это мы, что ли, «на белковой основе»?

Яди коротко подтвердил:

– Да.

Хольгер почувствовал, что желание продолжить разведку, и уж тем более, использовать для нужд Племени столь гигантский подземный Лабиринт, испарилось. А ещё бы!..

Радиоактивные отходы!

Уж они-то не понаслышке знают, что такое радиация – а сколько родившихся уродов-мутантов пришлось убить

тем, первым, чудом выжившим, поколениям создателей Общин!..

– Ну, что там?

– Как ни странно, счётчик пока не буйствует... Фон, конечно, выше, чем на поверхности, но всего в шесть раз. Это может говорить... – Яди вздохнул и прикусил ус.

– О том, что строители Онколо очень тщательно защитили это место антирадиационными оболочками, щитами, или другими средствами. И защита пока цела. – закончил эту мысль Хольгер, – Ну, а что там с воздухом и бактериями?

Яди пожал плечами – Хольгер всё понял. Кивнул Ельму на микроскоп.

Ельм, который с микроскопом обращался так, словно с хрустальной вазой (Похоже, во время учёбы не слишком усердствовал, и теперь боялся испортить!), удивился:

– Сроду такого не видывал! Все микробы и бактерии – как мёртвые!

– Они и есть мёртвые. А что там у тебя с радоном?

– Ух ты! Такого тоже не видал. Раз в шестьдесят больше, чем снаружи!

– Отлично, – буркнул Хольгер, хотя ничего отличного тут, конечно, не было. Дышать долго таким воздухом уже опасно. Похоже, пришёл логический конец их продвижению вглубь скал.

Однако что-то не давало ему вот так, сразу, обратиться во-вояси.

– Яди. Посмотри-ка на эту штуку. – они подошли к странному устройству, очевидно, и показывавшему степень разложения отходов, – Что скажешь?

Яди рукавом парки смёл иней и пыль, покрывавшие длинное плоское стекло высокого ящика. Выгравированные на шкале в глубине ящика цифры оказались знакомы.

– Ну, додуматься, как эта штука работает, нетрудно. Вот шкала. Сто тысяч? Да, вот они – Яди указал на последнее деление в вертикальной поверхности, – А вот – метка. Хмм... Получается, прошло не больше... Да, даже меньше тысячи лет из этих самых ста. Значит...

– Значит, лезть дальше – опасно и глупо. Согласен. Однако... – Хольгер понял уже, что должен сделать, как Вождь, как человек, ответственный за безопасность Общины и всех её грядущих поколений, – Однако я всё же пройду по этому коридору, и посмотрю, что там! – он указал рукой вглубь единственного, низкого и тёмного прямого коридора, ведущего куда-то дальше в недра гранитной скалы.

– Но Вождь... А если ты облучишься?

– Не страшно. Облучение не заразно. Идти вдвоём – нет смысла. Ты – увидишь то же, что и я. Ельм же... Произвёл только одного Охотника. А я... Мне уже достаточно лет, чтобы понимать, чем это мне грозит. Но я пойду. – он грозно зыркнул на них из-под кустистых бровей, пресекая жестом шевеления, показывающие, что сейчас ему попытаются возразить, – Я сказал!

Яди снова пожал плечами, отвернувшись к стене, Ельм сглотнул.

Хольгер добавил, убедившись, что оба не собираются нарушать тишину:

– Когда вернусь, проверите меня счётчиком. Если доза будет смертельна, я останусь здесь, вы – подниметесь наверх, и расскажете то, что видели сами, и то, что увижу я. Ждите меня не больше... суток.

Двадцати факелов, которые Хольгер засунул в заплечный рюкзак, конечно, не хватило бы на сутки. Нет – огонь у него есть не больше, чем на пять-шесть часов. Значит, нужно спешить. Не хочет же он в самом деле, стать «смертельно заражённым»!

Примерно под лифтом, находившемся в большой лаборатории там, «наверху», Хольгер и обнаружил двери этого самого лифта, тоже выходящие в огромное помещение, отделённое от коридора массивными дверьми, легко, впрочем, открывшимися поворотом ручки. У входа имелась ниша, с развешенными не то скафандрами, не то – защитными костюмами. Мило. Как говорит Яди – вдохновляет...

Он поднял повыше факел: ага, вон он – потолок. Чуть отблёскивает плоскими поверхностями – облицован, похоже, капитально. Стены тоже оказалось видно хорошо: и их покрывали странные листы, кажется, из нержавеющей стали, посаженные на заклёпках.

Поддёрв край одного из них ножом, Хольгер обнаружил и нижний слой: свинец.

Ага. Умно. Даже если защитная оболочка одного из хранящихся здесь огромных «контейнеров» и разрушится, наружу ничего не проникнет – полуметровая дверь, через которую он вошёл, тоже наверняка имеет свинцовый вкладыш...

Контейнеры.

Высоченные стальные ящики, с основанием примерно метр на метр, и высотой в три. В углу Хольгер обнаружил погрузчик со стрелой маленького ручного крана, судя по всему, использовавшийся для развозки и расстановки контейнеров по пещере.

Контейнеров тут были буквально тысячи. Десятки тысяч. Ровными рядами они уходили вдаль – направо и налево, и в глубину пещеры – насколько хватало взгляда.

Хольгер пошёл вперёд вдоль левого ряда.

Ах, вон в чём дело. Оказывается, тут тоже всё построено по принципу города: прямые коридоры – стрит, и поперечные – авеню. Вот почему ему казалось, что он в огромном помещении – а он просто в недрах огромного лабиринта ровных коридоров, и другие коридоры просто пересекают их под прямыми углами...

Дойдя до конца ряда, он позабыл удивиться:

Там, где должны были стоять последние три контейнера, на месте их чернели квадратные отверстия в полу: примерно метр на метр – как раз по размеру основания!

Да что же это за!..

Провалились они под землю, что ли?!

А – как? Проплавили скалу раскалившимся от содержащихся внутри веществ, дном? А почему тогда целы соседние?..

Хольгер поднял факел повыше, и осторожно нагнулся над одним из отверстий.

СРАНЬ ГОСПОДНЯ!!!

Там, в глубине, неторопливо возникая с одного края ямы, чтобы спустя несколько секунд исчезнуть под другим, на глубине не больше двух шагов, двигалось...

Да, чёрт его задери: это – мимо него с лёгким шуршанием и словно бы шелестом скользят чудовищно огромные, обсидианно-агатом переливающиеся, *чешуйки!!!*

Змея Митгард!!!

Ему пришлось сделать шаг назад, чтобы унять бешено стучащее прямо в уши, сердце. Гос-споди!.. Неужели...

То, что гласят древние Легенды и сказания – ПРАВДА?! Может, зря он так с Кнутом?.. Может, тот *чуял?! Или...*

Но – змея Митгард... Вот уж увидел, так увидел...

Чего ещё наверняка ни один человек в мире не видел!

Он продышался, и зажёг второй факел от первого, использованного даже меньше, чем до половины. Приблизился.

Точно. Чешуйки стало видно получше. Уж они-то явно крепче, чем броневая сталь. И время им не грозит – они ж нарастают изнутри... Конечно, если у Митгард всё так, как

у нормальных змей... Он нервно хмыкнул. Разве Митгард – нормальная змея?!

Он осмотрел ведущие к чешуе колодцы в скале.

Странно. Остекленевшая гладкая поверхность – словно оплавленная. Но чем можно расплавить *скалу*?! Как же сделаны эти дыры?!

– Я проплавил их своим взглядом. – ровный, лишённый эмоций и обертонов внятный голос с отличной дикцией.

Хольгер едва сдержал дикий крик. Но...

В пещере оставалось всё так же тихо.

А Ответ возник у него прямо в мозгу!..

И он оказался чётко и понятен.

Чтобы сохранить ясность рассудка и не грохнутья, подобно глупым истеричным бабам в обморок, Хольгеру пришлось сесть прямо в пыль на полу. И только спустя полминуты он смог чётко сформулировать следующий вопрос:

– Ты – змея Митгард?

– Во-первых, не змея, а змей. Я самец, как и ты. А во-вторых, имя, данное мне при рождении – Йормундгад. Это уже гораздо позже вы, люди, назвали меня Митгард. Однако я откликаюсь и на это имя.

Хольгер пооткрывал рот, пытаясь втянуть в лёгкие побольше воздуха – ледяная атмосфера пещеры вдруг показалась ему обжигающе жаркой. Затем заставил руки прекратить трястись, и кулаки – сжиматься. Голова всё ещё слегка кружилась, но он смог «промыслить» конкретно:

– Значит, твой взгляд... Плавит скалы?

– Да. Именно так я и двигаюсь здесь, под ними и сквозь них.

– А... Правда, что ты настолько велик, что опоясываешь всю землю?

– Да, правда. А вот то, что ты *сейчас* подумал – нет. Я не странствую под океанами – там нет для меня подходящих горных пород. Вы называете их гранитом. Вот под всем большим континентом, в его *гранитной платформе* – я взял это слово из твоей памяти, оно используется в вашем учебнике геологии – я и двигаюсь.

Хольгер снова втянул воздух. И выпустить его не спешил. Они общаются... телепатически. Поэтому и нет языкового барьера. И «змей» – мыслит.

И ещё – «странствует» под Евразией. И «проплавляет» себе тоннели в граните... Взглядом. А что: если ему так удобно жить – почему бы и нет?! Но зачем ему...

– Я ем их содержимое. Ваши радиоактивные отходы для меня – пища. Причём – концентрированная и удобная. А раньше мне приходилось питаться теми рассредоточенными крохами, что я находил в граните и других породах здесь, внизу.

– И те три контейнера...

– Совершенно верно. Я могу долго жить на одном таком контейнере, практически больше ничего не употребляя. Примерно сто ваших лет. К этому моменту я как раз совер-

шаю полный виток.

Хольгер прикинул: три контейнера – триста лет. Значит, Митгард ест контейнеры, когда...

– Да, верно, когда здесь в очередной раз оказывается моя голова. Я не могу долго оставаться на одном месте – я должен всё время ползти. Но – один контейнер в сто лет *пока* вполне меня устраивает. Мне теперь пищи здесь хватит на семьдесят тысяч ваших лет. Однако в конце этого срока придётся есть уже по три-четыре, а то и – десять-двадцать контейнеров. А потом их содержимое станет бесполезным. И мне придётся снова прокладывать новые ходы в граните, и искать новые радиоактивные породы.

– Скажи, Митгард... А сколько тебе вообще лет? Наших, людских.

– Около полумиллиона.

– А... Откуда ты взялся?

– Меня привезли. Детёнышем. Но кто были те, кто привёз меня, и почему они выпустили меня здесь, я не знаю. Мне сказали, что я должен как можно быстрее вырасти, и как можно быстрее съесть все съедобные для меня породы.

– А тебе, значит...

– Да. Мне подходят в пищу только радиоактивные вещества.

Вот, значит, как. Кто-то со Звёзд хотел, чтобы все радиоактивные вещества на планете Земля исчезли.

Но почему им это было нужно?! Или...

Или правильной спросить – для чего?

Чтобы исчезли все ураноподобные вещества? Которые в критической массе могут быть и пищей для электростанций и... Бомбой? Может, такое задание змею дали для того, чтобы никогда не произошло то, что произошло-таки с их Цивилизацией четыреста восемнадцать лет назад?!

Может – вся эта ядерная энергетика и неизбежная гонка ядерных вооружений – *тупиковая и смертельно опасная, провоцирующая*, ветвь в развитии этой самой Цивилизации?! Что они блестяще и доказали...

Значит, подзапоздали «запускатели» змея Митгард! Не полмиллиона, а миллион лет назад надо было запускать!.. Они, человечество, успели развиться до нужной техногенной стадии раньше, чем... Таких темпов их Прогресса создатели поедателя радиоактивных элементов явно не предвидели! Или...

Или раньше у них просто не было Змея Митгард в арсенале.

Впрочем, ему самому, как Человеку, гордиться нечем. В *таком* развитии и итоге существования Цивилизации чести мало. Но...

– Нет. Вы – не первые, кто гибнет в огне ядерного катаклизма. Примерно двенадцать тысяч ваших лет назад погибла цивилизация Атлантов. В Атлантическом океане. Я не мог добраться под водой до их континента. Вернее – острова. И теперь его попросту не существует: он взорван, и раскололся

почти до основания.

А до этого была цивилизация Прагтов – за пятьдесят шесть тысяч лет до теперешнего времени. Возможно, если я не успею доесть то, что осталось здесь, в породах под Евразией, вы, если выживете, повторите Войну. Или даже сделаете это не один раз. Радиоактивных пока хватает и мне и вам.

Хольгер сидел – и хорошо. Потому что в ногах опять проявилась предательская слабость: точно пришлось бы снова садиться. Чтобы не упасть.

– Так ты...

– Да. Я теперь не стану заниматься рассеянными радиоактивными, пока не доем то, что имеется здесь, в концентрированном, и очень удобном для меня виде.

Ах ты паршивец, одновременно и с уважением и с раздражением подумал Хольгер.

– Ты понял верно. Моё первоначальное задание сформулировано чётко: «съесть *все* радиоактивные элементы в пределах *этой* континентальной платформы». За остальные отвечают, насколько я знаю, другие Змеи.

Охренеть!!! Вот это новость! Значит, и под Америками, и под Антарктидой, и...

– ...и под Австралией тоже есть другие подобные мне. Правда, мы не поддерживаем связи. Я просто знаю, что их запустили одновременно со мной.

– А скажи, Митгард... У тебя могут быть дети?

– Нет. Для меня и остальных змеев не предусмотрено са-

мок для размножения.

– А сколько же ещё лет ты сможешь... прожить?

– До тех пор, пока для меня возможно будет находить пищу. А затем, как ты верно подумал, я умру.

Хольгера кольнуло в сердце. Вот бедняга! Что за удовольствие от жизни! Вечно ползать под землёй, не видя света белого, и есть, есть... И даже детей после себя не оставить. А всю жизнь положить на то, чтобы...

– И ты никогда...

– Нет. На поверхности вашей планеты я был лишь один раз. Когда меня привезли, и... Запустили. Излучение солнца вредно для меня.

– А каким ты был, когда был маленьким? – Хольгеру вдруг стало интересно, насколько же вырос змей на такой странной, если не сказать сильней, диете.

– Вначале во мне было всего... Сейчас, подберу размерение из твоих понятий. Два километра. И в толщину я тогда не превышал пяти метров.

Ого-го! И это называется – детёныш?! А какой же он...

– Сейчас во мне побольше сорока тысяч километров. В толщину, правда, всего двадцать метров.

Невероятно. А ведь и правда – «вокруг всего Мира!». Как раз обернуть по экватору... (Если он правильно помнит цифры, написанные на их втором, физическом, глобусе.) Не иначе, как кто-нибудь из составителей Легенд уже сталкивался...

– Да, у меня был контакт с одним человеком семь тысяч триста шестнадцать лет назад. Он, насколько я знаю, приказал потом завалить пещеру, где мы встретились. И основал новую Религию.

Ну, это-то Хольгер понять мог. Очень даже всё понятно. Тут не то, что новую Религию – а и спятить запросто можно!..

– Скажи, Митгард... А когда здесь снова окажется твоя голова?

– Через семьдесят три года, девять месяцев и двадцать два дня.

– Спасибо. А теперь извини, но я должен спросить об этом: твоё... Задание предусматривает какие-либо действия в отношении... Нас, людей?

– Нет.

Вот так. Коротко и ясно. Хозяев Митгард интересовало только уничтожение потенциально опасных пород и элементов. И их совсем не напрягала мысль о том, что цивилизация может развиваться и попытаться поэксплуатировать эти породы и элементы до того, как они окажутся съеденными...

Роботы они, что ли?!

– Нет, ни они, ни я под эту категорию не подходим. Мы – из живых клеток. Хоть и не белковых. – вот это да! *Небелковая Жизнь!!!*

С другой стороны, змей мог и обидеться...

– Прости, Митгард, за этот... э-э... бестактный вопрос.

– Извинения приняты.

Вот это да. А он действительно – живой. И очень разумный. Обладает чувством собственного достоинства. И настойчивостью. Педантичностью. Буквально – редкостной.

Ладно. Пора уходить. Он узнал всё, что хотел. И даже больше.

Вот только поверят ли ему его люди...

А, собственно, почему бы им не поверить?! Он же всегда может привести сюда и показать! И даже дать поговорить...

Хотя *такое* – не для слабонервных.

Нет, никого он сюда приводить, и уж тем более – *показывать* не будет!

– Спасибо тебе, змей Митгард, за интересную... Беседу.

– Пожалуйста. И ты прав – сюда никого приводить не надо. Я излучаю слишком сильно. Даже крепкий и сравнительно молодой организм, вроде твоего, может находиться безопасно в моём присутствии не больше трёх часов. А ты здесь уже полчаса.

– В таком случае... Прощай! И... Ещё раз – спасибо!

В огромной пещере он снова обвёл ироничным взглядом сотни и тысячи контейнеров.

Вот уж *такого* способа их «безопасного захоронения» строители Онколо явно предвидеть не могли!

А он – самый надёжный!..

Двигаясь по коридору к оставленным в комнате своим, Хольгер думал.

Нет, он знал, конечно, (Если искажённым слухам можно верить!) что какое-то племя азиатов, обосновавшееся три с лишним века назад за Уральскими горами, отказалось от Христианства! И теперь верит, и приносит подношения некоей древней Богине – владычице этих самых Гор... И она даже, якобы, им во всём помогает...

Ну – это их дело.

Как знать – может, они и правда, *видели* эту самую Богиню. Как он сейчас – Змея.

А ещё у него в мозгу вертелись тысячи вопросов, которые он словно только сейчас придумал, и хотел бы задать Змею...

Но уже поздно. И Перегородку в тоннеле они обязательно закроют. И запечатают.

И ещё кое-что...

Значит, кое-кто уже пытался предотвратить катастрофы с варварским Ядерным оружием. И превратить факты – в Легенду. В Предупреждение. В Веру. А чтобы Вера работала – нужна и чётко «сформулированная» Религия.

А «Цивилизованные» люди (Ну так – они же самые «умные» и «продвинуто-рациональные»!) решили, что все Скандинавские мифы – просто древние Суеверия. Не имеющие, да и не могущие иметь под собой фактической основы...

Семь, значит, тысяч... А вот «появившийся» две тысячи лет назад Иисус Христос никак человечество от использования радиоактивных элементов не предостерегал. Как и Магомет. Как и Будда, Брама, Ра, Осирис, Дао, и все про-

чие несуществующие Боги, придуманные людьми, которые не видели...

Того, что видел он. И не знающими того, что узнал он. Соответственно – не понимающими того, что, как он надеялся, понял он...

Значит, неплохо бы заменить всех этих недеиствующих, и не туда ведущих лжебогов – одним.

Но – существующим. И самим фактом существования... Предупреждающим.

Впрочем, можно и конкретней сказать – запрещающим: «Использование вот *этого самого* – смертельно опасно!»

Потому что не хочется через, скажем, двенадцать тысяч лет, повторить ошибку Атлантов. Или даже через пятьдесят с чем-то – Прагтов.

И такому Богу, конечно, понадобится... Пророк. Чётко всё объяснивший бы.

А что? Нормальная роль.

Дойдя до лежащих на полу и нагло спящих Ельма и Яди, он огорошил их, растолкав, и воздев руги кверху:

– Возрадуйтесь! Явлено мне было Откровение. Теперь веруем не в Иисуса Христа!

Но в мирового Змея Митгарда, что стоит на страже всего человечества.

И стоять буде вечно!..

4. Чёртов Котёл.

Рассказ. (Глава из романа «Закат чёрной Луны».)

Большую часть посёлка даже с бугра видно не было – всё скрывал мощный частокол из заострённых поверху брёвен, добрых четырёх-пяти сажений высотой. Даже с расстояния в версту он внушал уважение. Серо-жёлтые соломенные крыши домов едва-едва выступали из-за тына.

– Смотри-ка, тут, похоже, есть кого опасаться. – Ратибор сдвинул нашейную кольчугу и сердито пошкреб место укуса – под вечер проклятые комары лезли прямо сквозь кольца.

– Похоже, да. – голос Вадака как всегда звучал равнодушно.

Силы неизвестных врагов деревни, и монументальность оборонительных укреплений если и вызвали в его сердце хоть какие-то эмоции, скрывал он это очень умело.

– Как думаешь, пустят... Переночевать? – Ратибор стал переваливаться и ёрзать в седле, чтобы размять подзатекшую спину.

– Думаю, пустят. – после ещё одной длинной паузы соизволил выдать Вадак, – Им сейчас любая помощь пригодится. От кого угодно – даже чужака...

Ратибор слегка опешил, хоть и быстро взял себя в руки, и постарался скрыть удивление:

– Вадак! О чём ты? Разве они не от врага-чужака и по-

строили частокол? И разве мы – не возможные враги?

– Хороший ты воин, Ратибор... Но пока – только *воин*. – Вадак с нескрываемой иронией глянул на спутника, небрежно направляя коня в объезд канавы, пересекавшей дорогу: на более мелкое место протекавшего по её дну ручейка.

На вопросительный взгляд спутника, сдержавшегося только в последний момент, и решившего всё же выждать, и не спрашивать, кудесник пояснил, проехав, правда, не меньше ста шагов:

– Вот мы с тобой видим вдаль, вроде, почти одинаково – ну, аки соколы... Стояли на бугре рядом, смотрели на одно и то же. А что получается? Я – вижу, а ты – нет. А ведь это ты – будущий полководец. Тебе предстоит взрослеть, да умаразума набираться... Если хочешь всё-таки возглавить своё аника-воинство... Ну-ка, вспомни: чем этот частокол отличался... м-м... необычным?

– Ну... – раздумчиво начал Ратибор, воскрешая в отличной (На что бы там не намекал вредный старик!) зрительной памяти образ деревни-крепости, – Там... Колья немного наклонены наружу, – видя ободряющий кивок кудесника, он продолжил, – Внешняя сторона брёвен явно стёсана – я думаю, чтобы труднее было цепляться за всякие там сучки-неровности тем, кто лезть будет...

А – да! Там почти поверху проходит ещё широкая полоса... жёлтая какая-то... Не меньше косой сажени. И словно чем-то намазана. Наверное, чтобы те, кто долезет до неё –

соскальзывали!

– Неплохо, неплохо. – понять, говорит ли старик серьёзно, или опять иронизирует, казалось делом невозможным, и Ратибор заткнулся, сердито кусая губы. Вадак, видя, что спутник замолчал надолго, решил помочь тому с выводами:

– Сейчас мы в ста саженьях. Сможешь сказать, что это за полоса?

Из-за поворота возникли массивные ворота с квадратными как бы башнями по сторонам – узкая дорога вывела путников, наконец, на поляну, по всему периметру окружавшую странный посёлок. От тайги частокол, вблизи казавшийся ещё неприступней, отделяло не меньше двадцати саженьей тщательно расчищенного от деревьев и кустов пространства. Давешняя полоса в свете последних отблесков зари виднелась плохо. Но напрягши память, Ратибор вспомнил:

– Мать Божия! Да это ж – хекло!

– Верно. Хекло. И это сразу говорит нам о том, что: во-первых, твари, которые не должны влезть на частокол, неразумны. То есть, не имеют ни лестниц, ни осадных помостов, ни верёвок с крючьями... Зато имеют несколько – не менее двух! – лап с острыми когтями.

Ну а во-вторых. – Вадак приветливо помахал настороженно смотревшим на них часовым обеими пустыми руками, после чего поднял их вверх и вперёд ладонями в знак добрых намерений, – Во-вторых, твари эти, к счастью, не крупнее кролика – иначе могли бы перепрыгнуть такую тонкую по-

лосу. Советую тебе тоже сделать, как я.

Ратибор послушался, и показал пустые руки.

– Мир вам! Будьте здоровы и благополучны! – Вадак громко обратился на всеязе к стражникам. Крепкий мужчина, в шлеме и кольчуге совсем как у Ратибора, бывший, похоже, за старшего, ответил:

– И вам – мира, незнакомцы. Почто приехали?

– Нам нужно добраться до Ганича. А к вам приехали просто переночевать. Пустите? Незадаром, конечно... Назовите цену.

– Цену... Ха! Да, я назову нашу цену – если она вас устроит. Вы можете переночевать внутри Ограды, в любом пустом доме! Но – при одном условии... – Ратибор скривился, как от зубной боли – нутром почувал неприятности. И – точно! – Если сегодня в ночь случится набег боккрыс, вы будете сражаться плечом к плечу с нашими мужчинами!.. И – не отступите до команды Бориса!

– Кто это – Борис?

– Борис – наш князь и воевода.

– Он позволит нам ночевать здесь на этих условиях?

– Конечно! Это он их и придумал!

Вадак коротко глянул на Ратибора. Тот еле заметно кивнул.

– Мы согласны!

– Даёте Слово?

– Клянусь Именем! Клянусь Именем! – два голоса зву-

чали уже почти в полной темноте. Солнце село, и на тайгу мгновенно опустилась ночь. Редкие точки звёзд не давали света, даже чтобы найти ворота – но когда одна из створок со страшным скрежетом распахнулась, внутри ждали с факелами два мальчика – повыше, и совсем ребёнок. Сверху крикнули:

– Отдайте коней Зосиме. Он позаботится... И идите за Евпатием. Он проведёт вас к Борису.

Посёлок поражал теснотой застройки. Многие дома словно подталкивали друг друга стенами – чтобы не то поиграть, кто кого перетолкает, не то удержать от падения... Некоторые имели второй этаж, некоторые – словно вросли в землю. Внизу угадывались огромные и капитальные подвалы. Кровли из соломы кое-где сгнили и провалились – давно не чинены...

По прикидкам Ратибора, не больше половины из встретившихся им по дороге домов были обитаемы: в узких и затянутых пузырями коровьих кишок бойницах (Назвать такие окнами – и язык не поворачивался!) многих не светило ничего – даже отсвета от масляных коптилок. Не то, что в тех, что смотрелись куда веселей, освещаемые снаружи факелом провожатого, а изнутри – мерцающими сполохами.

– Скажи, Евпатий, – мягко начал Вадак. – А князь Борис давно... на княжении?

– Ну... года два. – оглянувшись, ответил отрок. Вблизи оказалось, что ему не более семи-восьми лет. Однако

страшный шрам пересекал его лицо – от уха до подбородка шёл через щеку прямой, и явно когда-то глубокий, а сейчас заживший, разрез.

– А кто был до него?

– Ну... князь Рогволод, его старший брат.

– А до него? Ты его помнишь?

– Не-е-ет... Князя Пересвета я не помню – мал был.

– Понятно. Мир их праху! – Вадак перекрестился, Ратибор и Евпатий последовали его примеру. – А кто это тебя – так? Бокрысы?

– Да, будь они неладны! Мне ещё повезло... – Евпатий потрогал щеку, и сплюнул. – Пришли! Подождите, странники, я доложу князю.

– Да уж ему доложили.

– Да, Старшой уже посылал Михаила... Но теперь – вы же согласились. И пришли!..

– Верно. Ну, давай! Мы подождём! – тон Вадака казался вполне доброжелательным.

Ратибор и кудесник остались перед дверью, присев на широкую и длинную скамью, явно и поставленную здесь для таких вот ожидающих, да дружинников. Мальчик прошёл внутрь дома.

– Для чего ты спрашивал об именах князей? – не удержался Ратибор.

– Хм. – Вадак даже не взглянул в его сторону, но так повёл плечом, что Ратибору снова стало стыдно. – Выяснил кое-

что. Но – не в лоб, а как бы косвенным путём: через догадки. И додумки.

Вот, например, теперь я знаю, поглядев на посёлок, что он – вымирает. Пустых домов больше, чем жилых. И раз уж такой малец, как наш Евпатий вынужден биться с бокрысами, значит – защитников не хватает. Причём – катастрофически. (Ну, это-то я понял ещё из того, что князь Борис рад любой подмоге – здесь не *люди* главные враги...) А то, что за несколько лет сменилось несколько князей, причём брат сменил брата, а не – сын отца, говорит о... – о чём же это говорило, Ратибор так и не услышал – вернулся Евпатий.

– Князь Борис просит гостей пожаловать.

Князь Борис выглядел ещё моложе Ратибора – ему было не более двадцати. И левая рука у него плетью висела вдоль туловища – словно перерубленная ветвь. Лицо же выражало только одно: сосредоточенную решимость стоять до конца! Сам князь и двое парней-телохранителей настороженно – а четверо дружинников в кольчугах ещё и устало, словно через силу, поднялись навстречу вошедшим.

– Здрав будь, князь Борис и все люди твои! – Вадак поклонился, Ратибор тоже, – Спасибо, что пустили путников переночевать!

Мигающий свет трёх масляных лампадок не скрывал того, что волосы князя, несмотря на молодость, совсем седы. Лоб прочертили глубокие шрамы-царапины – словно кто-то провёл когтистой лапой. Лица парней тоже покрывали шра-

мы – у первого напрочь отсутствовало левое ухо, у второго багровая полоса пересекала лоб и висок.

– Мир и здравие и вам, путники! – князь жестом пригласил приблизиться, и крепко пожал руки, – присаживайтесь! Прошу разделить с нами трапезу. К сожалению – скромную. Чем богаты, тем и рады.

– Благодарим, за честь и уважение, князь. – Вадак отвечал за них обоих, Ратибор просто ещё раз поклонился, – Ничего, что трапеза скромна. Предложенное от всей души куда слаще, чем даже роскошное блюдо, поданное свысока...

Борис подумал, сверкнул умным глазом. Покивал:

– Ты умён, путник. Да, я предложил вам кров и пищу – от души. И, конечно, как ты давно понял – от безысходности. Мы здесь, на пограничьи, еле держимся. Любая помощь нам сейчас нужнее, чем вода в пустыне за Вилюем. Присаживайтесь же. – он показал здоровой рукой на лавки.

Они сели за стол, оказавшись напротив друг друга – девять озабоченных и угрюмых мужчин в боевом облачении.

Из соседней комнаты вышла пожилая – скорее, даже, старая – женщина с большим дымящимся блюдом. Поставив его в центр стола, она поклонилась.

– Благодарю, Клавдия, – Борис чуть кивнул, – На сегодня вы с Лизой свободны. Можете идти спать.

– Храни господь вашу милость. – старушка перекрестилась, и снова поклонилась. Вышла.

– Прошу, странники. Надеюсь, вы присоединитесь к на-

шей молитве?

Они снова встали. Князь Борис начал:

– Благослови Господь эту трапезу, что ты нам... – Ратибор тихо повторял со всеми слова, впитанные с молоком матери, отметив, что Вадак не держит, как все, руки на груди. А, сложив их лодочкой, чуть вытягивает вперёд. Однако слова он повторяет со всеми:

– ... да пребудет с нами бесконечная милость твоя! Аминь!..

Все снова уселись, разобрали грубые деревянные ложки, лежавшие уже на столе, и приступили к трапезе. Каша оказалась из полбы – Ратибору после дичи, жаренной на костре, она казалась безвкусной и жёсткой – словно недоваренной, и без соли – но ел он с жадностью изголодавшегося волка. Впрочем, как и все.

Пока блюдо не опустело, никто не проронил ни слова.

И только когда все облизали ложки и положили в знак окончания трапезы на стол, Вадак сказал:

– Благослови Господь дом сей и хозяев его не оставь милостию своей... Благодарим, князь.

– Спасибо на добром слове, путник. Жаль, нет хлеба – рожь ещё не собирали. А запасы закончились. Но – у нас ещё хоть что-то осталось, а вот соседи уже варят крапиву и белену...

– Прости, князь за неуместное любопытство. Кто это – бокрысы? И почему ваши соседи остались без припасов?

– Хм-м-м... – князь забарабанил пальцами руки по столу, – Назови мне твоё имя, путник. То, что ты спросил, я могу доверить только другу и союзнику.

Вадак почтительно склонил голову:

– Ты прав, князь. Секреты лучше держать при себе – или раскрывать только тем, на кого можешь рассчитывать в битве... Моё имя – Вадак, сын Соммара. И я уже поклялся помочь тебе, буде возникнет нужда – да ты уж знаешь.

Борис кивнул, взглянув на Ратибора. Тот преувеличенно спокойно произнёс:

– Я – Ратибор, сын Клёна, внук Давида. Я тоже поклялся помочь вам. И тоже помогу, буде надо.

– Благодарю, Вадак, сын Соммара, благодарю, Ратибор, сын Клёна. Ну а меня вы уже знаете. Так вот, чтобы ответить на твои вопросы так, как должно, Вадак, я должен буду рассказывать до полуночи. А всем нам сегодня лучше успеть отдохнуть... Мало ли – луна подоспела.

Но, раз вы согласились, должны, разумеется, знать, с чем нам всем предстоит биться.

Князь взглянул на столешницу прямо перед собой, и чело его затуманилось – словно там, прямо перед его взором, проходила кровавая и отнюдь не победная сеча...

– Боккрысы – это хищные, невеликие собой твари. Видом очень похожи на обычных крыс. Только больших. Но когти у них – твёрже стали, а зубы – словно у волка! И уж больно велики эти зубы и когти для таких мелких созданий. А

размером они сами, наверное, с доброго зайца. И весят примерно так же...

Однако вот есть их нельзя – мясо жёсткое, чёрное, воняет мертвечиной и... мочой. В трудные годы, когда зерно не успевало вызреть, или мы – собрать его, мы пытались... Но так и не смогли приспособиться есть их. Они, аки вороны, или сороки – несъедобны. Может, ядовиты – тех, кто попробовал всё же проглотить, почти тут же выворачивало наизнанку – не к столу буде сказано.

Так что приходится убивать их, и сплавлять вниз, по Лане – это наша река. Потому что закопать всех убитых – невозможно. – Князь вздохнул, словно вспомнив горы трупов бокрыс, уничтоженных за долгие годы набегов, и уже бодрее поднял взор:

– Зато мы нашли средство, что надёжно убивает их. Все наши стрелы и лезвия мечей обмазаны соком папоротника... Мы называем его Иванов куст. Так вот – одной капли его довольно, чтобы даже большая бокрыса сдохла. Так что вопрос к вам, Вадак и Ратибор – стрелять умеете?

Ратибор подбоченясь глянул на Вадака, тот усмехнулся:

– Изрядно, князь! Ратибор так вообще – сойку бьёт влёт с сорока шагов...

– Отменно! Если... э-э... Ладно. Дадим вам хорошие луки и полные колчаны. А уж если дойдёт дело до ближнего боя – рубите, как никогда! Убить бокрысу так, чтоб уж не очухалась, можно только двумя способами: или соком, или – от-

рубив голову!..

В тесной каморке, что выбрал Вадак, на полатах лежали два отличных тюфяка, набитых старой, но ещё не сгнившей соломой. В свете крохотной масляной коптилки, что оставил им Евпатий, Ратибор придирчиво осмотрел давно нетопленную печь в полкомнаты, затянутые паутиной прокопчённые углы, и низкий, просевший в середине потолок с почерневшими балками:

– Вадак! Почему мы – здесь? Ведь те три первые комнаты были уютней и больше!

Вадак тяжело вздохнул, как делал всегда, когда был недоволен спутником, или его сообразительностью. Затем спросил:

– Может, заметил, нет ли в крепости ещё выходов?

– Заметил, конечно! Кроме ворот, через кои вошли – ни единого!

– Ну и какое же из жилищ мы выбрали?..

– А-а!.. Вон оно что... Я понял – ближайшее к выходу. А заодно – с тюфяками.

– Точно. Здесь мы и подремлем, пока... – он неодобрительно глянул на Ратибора, собиравшегося было стащить кольчугу с тела, – Пока, говорю, нас не разбудят!

Ратибор вернул кольчужную рубаху на место. Помянул всех святых. Спросил:

– Почему ты так уверен, что нас разбудят?

– Парень... Если ты до сих пор не понял – в моих словах тебе пользы не будет. Ложись и спи! Нужно, чтобы глаза отдохнули, и привыкли к сумраку...

Ночь будет лихая!

Набат разбудил их ближе к рассвету.

То, что скоро рассветёт, Ратибор понял, выскочив наружу – в воздухе уже стоял тот неповторимый предрассветный запах, который нельзя описать, а можно только почувствовать.

По всему посёлку шло быстрое целеустремлённое движение: мужчины бежали к воротам, женщины – на стены по лестницам, занимая места на широких помостах. Что взрослые женщины, что девочки одеты были как мужчины – в широкие прочные штаны и толстые сапоги, но вот кольчуги заменяли рубахи из кожи. Наверху уже стояли малыши с факелами, и лежали брёвна, валуны и связки стрел.

– Скорее, чужеземцы! Может, успеем до того, как они выберутся!.. – давешний Старшой страж ворот подбежал к их дому.

Ратибор и Вадак уже были готовы, и прихватили оставленные им мощные луки с костяными накладками, и по огромной запасной вязанке стрел – в дополнение к туго набитым колчанам.

Бежали быстро. Впереди – Борис с самыми крепкими ребятами-дружинниками. Вадак с Ратибором оказались в середине, за ними бежали совсем мальчишки – лет девяти-де-

сяти. Но – тоже с луками и колчанами. Факелы, которые несли многие, давали странные отсветы на широкую и ровную, явно давно и капитально расчищенную, дорогу, и тайгу, превращая всё в какое-то мистическое действо: словно вернулись гролды, и свершают ритуальный бег перед очередным жертвоприношением...

Бежать оказалось недалеко: меньше, чем через пять минут они оказались на месте.

Ратибор раскрыл рот. И – снова закрыл.

Грандиозность открывшейся взору картины потрясала воображение.

Они стояли на кромке гигантского карьера. Здесь, как и у тына, широкую полосу земли вокруг чудовищной ямы расчистили от деревьев и кустов. По четырём сторонам почти полуверстового кратера горели огромные костры – их зажгли на высоких помостах, сложенных явно специально для таких целей. Горели огромные смолистые стволы, горели ветви, политые – Ратибор чуял знакомые запахи! – смолой и маслом. Высота пламени кое-где достигала пяти-шести метров.

В свете костров неплохо были видны стены и дно огромной, круто уходящей в недра земли, воронки. По краям её шли словно уступы – титанической спиральной лестницей они огибали весь периметр. А высота «ступеней», как прикинул Ратибор, достигала двадцати, и поболее, саженей.

И вот по этим «ступеням», кипя внизу, словно бурное

штормовое море, двигалось, текло, пытаясь выплеснуться вверх, что-то чёрное. Злобное. Чужое. Готовое крушить, кусать, рвать всё, что встретиться живого...

Убивать.

Уж это-то он чуял – как, наверное, и Вадак, молчаливо взиравший, как хищные и блестящие в багряных отблесках костров белизной зубов и зловеще посверкивающей чернотой глаз твари, лезут на спины друг другу, чтобы образовать живые пирамиды, и выбраться из тесноты чаши наружу – к тайге, и всему, что лежало за ней.

Не к месту Ратибор подумал, какой страшный и великий подвиг молчаливо творят тут Борис и его люди – охраняя остальной Край от чёрной напасти!..

Бокрысы всё прибывали! Они потоком лились из чёрного провала на самом дне гигантской воронки, и упорно строили в пяти-шести местах живые полуконусы, плоской частью прислонённые к наиболее покатым местам откосов, стараясь по телам соплеменников преодолеть высокие и, похоже, человеческой рукой подправленные, неприступные скалы, что оказались под тонким – не более десятисаженным – слоем земли с корнями и глиной, что находился над скальными уступами.

Тут к людям Бориса прибыло подкрепление – ещё с двух сторон кратера набежали такие же сосредоточенные и грозно выглядевшие люди с оружием и факелами. Злобные выкрики и чёткие действия указывали на фанатичное желание

сражаться, и защитить селения с родными-близкими...

Бокрысы двигались молча – но было в их целеустремлённости и быстроте что-то неотвратимое, мерзкое, нечеловеческое: жажда уничтожать, разрывать на части, впиваться когтями и клыками в чужую плоть!.. Это ощущалось наверняка и всеми людьми.

Только теперь Ратибор обратил внимание на шесть высоких вышек с горящими наверху кострами, и выставленными на окружающих эти башни чуть пониже помостах, постами. Яму явно всё время стерегли, и чуть что – будили всех окрестных жителей. Несколько помостов из могучих стволов, обшитых сверху тёсом нависали и прямо над ямой, выдаваясь над пустотой вперёд саженей на пять-шесть – очевидно, чтобы удобней стрелять.

Однако больше в подробностях ему рассмотреть ничего не удалось: бокрысы добрались до предпоследнего уступа в сотне шагов от них, и Борис громовым голосом отдал команду.

Ратибор побежал вместе со всеми. Не добегая шагов тридцать до пирамиды, приостановился, забравшись ещё с тремя лучниками на выступающий помост – позиция отличная, видно неплохо. Прибежавшие сунули факелы под ещё несколько ближайших помостов с ветками и валежником, несколько факелов полетело прямо на ближайший уступ, где тоже были навалены груды веток и валежника: вскоре пламя занялось, и масло и смола, треща и застилая ночное небо

чёрной копотью, отлично осветило стену карьера, и стремительно поднимающуюся по ней массу живых тел.

Бокрысы строили живую пирамиду споро и согласованно – словно их вёл инстинкт. Или – руководил кто...

Решив, что лучше не будет, Ратибор, до предела выгнув тугой лук, метнул стрелу в самую середину основания живой лестницы. Он мог бы поспорить, что пронзит не одно чёрное тело!..

Там, куда злой осой вошла стрела, сразу что-то подалось, и почти достигшие верхней кромки твари на самом пике живой насыпи резко съехали вниз шага на два, и покатались с верхушки живыми осколками.

Однако пока Ратибор накладывал новую стрелу и целился, верхушка с карабкавшимися телами снова отвоевала потерянные было сажени высоты. Он выстрелил снова. И снова.

Теперь стрелял не только он – стреляли все воины, равномерно вставшие по периметру штурмуемой кромки. Но снизу всё прибывали и прибывали чёрные тела – Ратибор краем глаза заметил другие пирамиды: первую – в ещё сотне шагов, вторую – в трёх сотнях. Туда побежала часть людей Бориса, и ещё кто-то из прибывших соседей. Пирамиды начали проседать, но всё равно упорно продолжали расти...

Затем Ратибор заметил Вадака. С помощью ещё троих воинов тот подкатил к краю уступа огромный, почти круглый валун. Когда его перевалили через край, он со скрежетом

и омерзительным шелестом пронзил ближайший конус бокрыс, с глухим чмоканьем достигнув дна уступа, и совершенно развалив саму пирамиду. Люди заорали, радуясь и только что не прыгая... Пирамида стала вновь расти. Ратибор продолжил стрельбу – в колчане ещё оставалось стрел двадцать.

Затем он увидел, что на верхушку почти готовой пирамиды Борис и его люди скинули горящие брёвна, облитые смолой и маслом. Эта пирамида тоже проосела до основания, но тоже – снова стала быстро расти, чуть сдвинувшись в сторону от бушующего пламени...

Затем одна из пирамид достигла-таки места, с которого можно было лезть по корням и земле. Пришлось побежать туда – и стрелять, стрелять! Пирамида зашаталась, и снова осела.

Подспела подмога – скатили ещё один валун. Однако к этому времени бокрысы, успевшие залезть на откос с землёй, пользуясь когтями, добрались по корням до кромки кратера. Несколько дружинников Бориса рубили их мечами, Ратибор, вздохнув поглубже, и сощутив глаз, снял пару особо больших меткими выстрелами. Оскалась в предсмертной агонии, твари полетели вниз – на своих всё прибывавших собратьев.

К этому времени число врагов, штурмующих нижние ступени вдруг упало: они перестали вытекать из чёрной бездонной дыры на самом дне. Борис что-то закричал – как понял Ратибор, как раз и сообщал о том, что подмога у врага закончилась.

Поэтому Ратибор, даже не останавливаясь утереть обильный застилающий глаза пот, продолжил выпускать стрелы туда, где враги теснились особенно плотно – в основания громоздящихся конусов, и с удовольствием понял, что те больше не растут.

Вскоре враги применили другую тактику: теперь они не строили шесть-семь конусов по всему огромному периметру карьера, а пытались перегруппировать силы и прорваться только в трёх-четырёх местах – где число их было побольше, и можно было рассчитывать достичь верха уступов. Похоже, кто-то всё же руководил ими!..

Теперь скатывать на головы врага брёвна стало легче.

Ратибору пришлось ещё два раза перебежать на другую позицию – в ста шагах, и в полуверсте от первой, откуда бокрысы отхлынули, и снова – стрелять, стрелять...

Наконец стало видно куда лучше – занялась заря. Да и конусов осталось всего три... Они уверенно таяли под выстрелами сбегавшихся людей, и брёвнами. Затем конусов стало два... Один.

Затем пирамиды остались лишь на нижних уступах, и стрелять туда стало неудобно. Да и бессмысленно – полчища чёрных тел по мере восхода солнца вдруг кинулись вниз – к спасительной темноте. И скрылись в дыре, откуда только недавно изливались, словно лавина.

Однако теперь от них, убежавших, остались лишь жалкие струйки – несколько сотен!..

Ратибор прекратил стрелять – впрочем, как и все. От рассыпанной горкой под ногами связки стрел оставалось еле-еле штук тридцать...

Победный клич огласил окрестности. С восходом солнца стало видно: поле боя – за ними!

Подошёл Борис.

– Благодарю за доблесть и отвагу! – князь своей здоровой рукой крепко прижал Вадака, а затем и Ратибора к груди, – Сегодня ночью вы показали, что отличные бойцы! Эх, нам бы ещё сотни две таких... Не хотите остаться, и помочь в следующий набег? Мы бы... – он тяжело вздохнул. – Впрочем, простите. Ведь вы – путники. А нам и заплатить-то, кроме гостеприимства, нечем...

– Большой платы с тех, кто с нами поделился последним хлебом-солью, и вообразить нельзя. – раздумчиво сказал Вадак, – Но князь... Если ты расскажешь, откуда взялась здесь этакая напасть, мы, быть может, останемся. И даже – постараемся помочь избавиться от лиха.

– О! – Борис действительно был поражён странным, но смелым решением, – Благодарю, Вадак и Ратибор! Вы – настоящие бойцы и мы вам благодарны... Но вот насчёт – избавиться...

Впрочем, чего нам терять – расскажу, коль вам интересно. Авось и правда – что придумаете. Как говорится, одна голова хорошо, а две... Или даже три – лучше!

Правда, предлагаю вначале всем позавтракать!

На завтрак Клавдия сварила всё ту же полбу. Но теперь к ней была и отварная репа, и квашенная капуста. Однако Ратибор, поглощавший пищу так, что за ушами трещало, всё равно чувствовал нехватку хлеба: без него, родного и привычного, насыщения как-то не ощущалось.

Пятнадцать дружинников, принимавшие сегодня участие в завтраке, свободно помещались за длинным столом. Теперь, в свете вставшего солнца, длинная комната из нетёсаных брёвен и закопчённый до черноты потолок уже не вызывали чувства беспросветной тоски и безысходности.

Да, с сожалением подумал Ратибор – раньше-то, видать, княжеского войска было поболее... И состояло оно не из сопливых мальчишек, и стариков-полуинвалидов.

Взрослых и крепких воинов Ратибор насчитал только четверых, тех, что и сидели с ними в первый вечер. Видать, остальные ночные бойцы – обычные крестьяне-пахари. Вынужденные отстаивать свой кров и жизни близких.

Закончили трапезу вместе. Князь встал:

– Благодарим Господа за хлеб-соль наши... Уборку начнём через час.

Дружинники разошлись. Клавдия собрала опустевшие блюда, и протёрла столы тряпкой.

– Прошу сюда, – князь указал на места справа и слева от себя, – Вот и пришло время беседы...

Ратибор с Вадаком приблизились, и снова сели на почер-

невшие от времени засаленные лавки.

– Первые бокрысы начали появляться в наших краях лет десять назад, – князь сложил руки перед собой на столе, правой подвинув левую. Выглядело это страшно. Ратибора пробрала дрожь.

– К счастью, появляться они могут, похоже, только из пещеры в Чёртовом Котле. Наш Род, да и Родимичи, и Кривичи, обосновались в этих лесах лет... э-э... восемьдесят назад. Это значит, при моём пра-прадеде Жнивко. Ну а Котёл-то этот и раньше существовал – он стоит так с незапамятных времён. Его, кажется, и время не трогает... – князь помолчал, отведя взгляд от лица Вадака, и снова вперив его в столешницу.

– Первые бокрысы не могли выбираться из воронки – скальные уступы очень отвесные... Ну, вы видели! – оба странника покивали, – И мы тогда не слишком обеспокоились. Нечисти здесь хватает – что гарпий, что волкольников... Да и водянки. А тут, вроде, мелкая напасть. Да ещё – в яме.

Так что когда лет восемь назад они хлынули лавиной, и стали громоздиться вот как сегодня – друг на друга, мы вначале растерялись... Хорошо, хоть большая часть оставалась в Котле – не успевали вылезть до восхода солнца. Солнца они боятся – оно их слепит. Так что если не спрячутся в лесу в какой-нибудь норе – бери их хоть голыми руками: почти ничего не видят.

Зато ночью – спасу нет! Лезут во все щели! Кусают и гры-

зут всё, что движется! Вот поэтому у нас ни кур, ни коров, ни даже коз нет – поели. Так что пришлось нам завезти собачек, да повыкурить тех гадов, что повылазали-таки, да попрятались, из всех берлог-щелей. Как раз к очередному набегу и управились. А тут – нате! Начинай всё с начала!..

Дед мой, Хорпаха, созвал на Совет соседей, и предложил сделать так, как вы сегодня видели – то есть, к каждому нападению готовиться, и не выпускать бокрыс из Котла.

Соседи ещё три луны кобенились – дескать, много возни, да кто тогда пахать-сеять будет... Вот когда пахать-сеять бокрысы стали мешать, тогда за ум и взялись только!..

А бокрысы – они как волкодьвы. Нападают из укрытия. Правда, только ночью. И – большой толпой. Чтобы численный перевес, значит... Так что приходилось пахать-сеять только засветло, а на ночь не оставаться в поле, как мы всегда делали раньше, а укрываться за стенами. А поля у нас – далеко. И расчищать тайгу трудно.

А когда бокрыс стало много, они и у тына городищ стали громоздить пирамиды! Кривичи пострадали от такого штурма больше всех – у них съели не только всю скотину и живность, а и человек сорок...

Вот тогда – то мы и начали строить сторожевые башни и помосты. Запасать к очередному набегу дрова. Стрелы готовить – штук по двести на воина. А главное – снова перебили всех, кто выбрался из ямы. Жаль только собачек... Их не уберегли – сдержать, если уж учуяли, невозможно: уж боль-

но они бокрыс-то... – князь глянул на свою руку, и замолчал надолго. Видно, не мог равнодушно вспоминать лихое время. И горечь от потери близких.

Вадак вздохнул. Затем поднял взгляд с руки Бориса на его лицо:

– Скажи, князь... Почему бокрысы не двинулись дальше – в тёплые земли?

– Хм... Вот уж не знаю – никогда об этом не думал. Они, вроде бы, не могут жить долго. Мы даже находили их сдохшими, вроде как от старости. Десятками. Но – не дальше двух-трёх вёрст от Котла. Словно бы они не могут отойти от него далеко. А если отойдут дальше какого-то расстояния – умирают. Сами.

Вадак как будто удовольствовался этим объяснением. И задал другой вопрос:

– Бокрысы плодятся там, в пещере Котла?

– И этого тоже – не знаю. Но то, что их с каждым разом всё больше – точно! Скольких бы мы не убили, их словно не уменьшается там, в этом чёртовом пекле!.. – князь закусил губу.

– А... Вы сами туда не пробовали спуститься? Посмотреть – что и как?

От таких слов князь даже вздрогнул – хотя усомниться в его храбрости было невозможно!

– Не-е-ет! Вниз-то мы спускаемся: ну, когда трупы тварей убираем... А если не убрать – так умереть можно: вонища

страшная! Как в преисподней! Да и бокрысы тогда... Лезут прямо по трупам – им так легче пирамиды свои проклятые громоздить!

Но вот в пещеру... Нет – точно никто не совался! Ни мы, ни соседи. Просто... – князь покачал головой, и глянул снова Вадаку в глаза, – Страшно. Да и не для человека такая смерть – сгинуть от когтей и зубов поганых в пещере адовой!.. Утащат внутрь – даже похоронить по обрядам нечего будет. – ненадолго воцарилось молчание.

Нарушил его Вадак:

– И что князь, говоришь, каждую полную луну?..

– Да, Вадак, сын Соммара, каждое полнолуние – снова лезут! Только-только успеваем приготовить дров и новых стрел – а твари тут как тут!..

– А... От яда папоротника они быстро умирают?

– Да, почти мгновенно. Впрочем, если попасть обычной, несмазанной стрелой в сердце – тоже. Мгновенно. А так – ран они почти не боятся. Могут бегать с отрубленными лапами, рваными ранами... Вот поэтому-то мы и стараемся – отрубить сразу голову. Или уж – разрубить пополам!..

– Благодарим, князь. Мы узнали всё, что хотели. – Вадак выразительно глянул на Ратибора, и тот, хотя и не понял того, что в ответах удовлетворило интерес кудесника, согласно кивнул.

Работа по уборке трупов могла кого угодно привести в

ярость. Да что там ярость – омерзение! Дохлые бокрысы противно скользили в руках податливым скользким тестом – словно в их телах и костей-то не было!.. А уж методично и аккуратно вынимать из них стрелы, так, чтобы не повредить столь ценные орудия... Б-р-р-р!..

Вот когда Ратибор и Вадак смогли вдоволь «налюбоваться» на чёртовых тварей. Оно и верно: на взгляд Ратибора бокрыса оказалась... Просто большой крысой! Вот только зубы – с добрый ноготь его пальца. Да когти – словно не от крысы, а от рыси!

Воняли трупы тоже омерзительно! И это – на первый день!

Однако сдерживая тошноту, Ратибор продолжал таскать их по уступам, и укладывать в огромные бадьи, которые на верёвках спускали сверху. Далее – следующая команда передавала полную бадью выше и выше: до самого верха, где её ставили на двухколёсную тачку и везли к Лане.

На реку Дреговичей – так назывался Род Бориса – Ратибор посмотрел на следующий день – когда пришёл его черёд возить телегу. Поскольку лошадей тоже съели, пахали, боронили, и возили поклажу тут только люди. Так что пришлось влезать на поросшую соснами и елями грядку, толкая и тягая тяжеленную телегу, и сдерживать её, спускаясь, в мокрых штанах: затаскивать тележку по ось в воду можно было только в них. Не снимать же каждый раз!..

Зато уж дорога была широка – саженей десять! Вот на ней

следы присутствия людей и частой езды были отлично видны – не то что на той, по которой они прибыли в посёлок...

Только на третий день удалось убрать трупы со всех ярусов, кроме того, на который непосредственно выходило жерло пещеры. Но там бокрыс почти и не было: только раненные – сдохшие, так и не добежав до Логова.

Но спускаться туда отказывались даже самые лихие бойцы.

Вечером, после очередной совместной трапезы, Вадак и Ратибор остались, а не пошли отдыхать от непосильной работы, как все члены дружины и остальные мужчины посёлка.

Борис, уже всё понявший, сделал приглашающий жест. Они опять остались втроём.

– Скажи, князь. – в голосе Вадака не проскальзывало ни крошки удивления, или любопытства, – Вы знали, что среди нападавших в этот раз не было самок – а только самцы?

Голова князя вскинулась – он явно не ждал такого вопроса. Но отозвался сразу:

– Гос-с-поди! – тут он истово перекрестился. – Прости, что поминул всеу!.. Нет, конечно! А... почему ты решил, что там – одни самцы?!

– Потому что я не брезглив. И люблю находить верные ответы... А если конкретно – я проверил *всех* бокрыс, что прошли через мои руки, пока собирал, грузил и отвозил их.

Воцарившуюся тишину нарушало только шкворчание одной из масляных лампадок. Затем князь выдохнул и спросил:

– Так получается, что они – тоже – воины? Ну, то есть – идут захватывать и убивать?..

– Нет, князь. Получается другая картина. Но она... Может тебе и твоим людям не понравиться. – Вадак глядел князю прямо в глаза тяжёлым взглядом. Но Борис этот взгляд выдержал, и взора не опустил.

Тогда Вадак раздумчиво, со значением, сказал:

– Кто-то там, внизу, специально сотворил этих бокрыс – для вашего уничтожения.

И поэтому – Не знаю уж, как! – увеличивает всё время их число. Чтобы наконец выбрались наружу, и штурмовали ваши посёлки. И убили *всех* людей. *Люди* – главная цель этого... Кого-то!

– Но ведь мы живём здесь восемьдесят лет!.. И до этого... Ну, то есть... – князь умолк.

– Вот именно. Откуда вы знаете, *что* жило здесь, в Котле, все долгие века, пока не пришли дреговичи... И остальные. Быть может, оно изучало вас, и думало долгие годы... Как же извести. И вот – придумало!

– Знаешь, Вадак... Твои слова – словно стрелы. Разят прямо в сердце!.. Нет, не то, чтобы мы совсем не думали, откуда берутся бокрысы, и что им надо... Но ты... Сказал жёстко.

– Да, князь. И жёстко, и жестоко. Но – главный Враг, похоже, там. В пещере. И если не разобраться с ним, бокрысы так и будут множиться, и лезть. Пока однажды... Да ты и сам видишь – ваша оборона не может быть вечной. Силы и ре-

сурсы людей тают. – снова воцарилось молчание.

– Ты прав, странник. Нас стало куда меньше, чем когда мы даже пришли в эти места... – лицо Бориса пошло бурыми пятнами, – И с... Пищей у нас куда хуже. Да и видно это лучше тебе – человеку со стороны.

Но мы не можем *просто уйти!* Здесь – наши поля, деревни... Здесь – наш Дом!

– Верно, здесь ваш дом. – тон Вадака резко контрастировал своим спокойствием с гневно-взволнованной речью князя. – Так почему же никто до сих пор не попытался проникнуть в логово главного Врага – в пещеру? Чтобы узнать этого Врага, встретиться с ним лицом к лицу?!

Попытаться... Уничтожить?! Раздавить Зло в его Зародыше?!

– Мы... Когда ты так говоришь, я понимаю. Но всё же – даже я не смогу пойти туда! А уж мои-то... Все мы боимся Чёртова Котла... Ну ладно – бокрысы! Их можно убить!

Но вековечное незнакомое Зло... Нет, кудесник, нам это не по зубам!

– Ну а если я найду, кому это по зубам, ты и твои люди... Поможете – хотя бы снаружи?

– Конечно! До последнего уступа мы спускаться... Не боимся. Но... Где же ты найдёшь смельчаков – или правильной назвать их самоубийцами, согласных на?..

Вадак, что случилось с ним нечасто, криво усмехнулся:

– Здесь!

– Здесь?!..

– Да, здесь. Это я... И Ратибор!

Ратибор, до этого с некоторой отрешённостью слушавший разговор, невольно замер, забыв даже выдохнуть. Хорошо, что не трапезничал – точно поперхнулся бы!..

Вот это новости! Оказывается, он решился лезть в Чёртов Котёл! А сам и не знал этого!.. Когда бы это?..

Он повернулся было к кудеснику, однако тот быстро зыркнул на него, и Ратибор сразу закрыл рот, не дав слову сорваться с губ. Раз Вадак сказал – значит, так надо. Значит, что-то понял. И про Котёл, и про него.

Да разве ж Ратибор и сам не думал об этом сотню раз? Что – врага надо!.. Встречать лицом. И разить – прямо в Логове!.. А не строить вокруг трудоёмкую, сложную, но вскоре явно ставшую бы бесполезной, систему оборонительных укреплений! Не говоря уже о ежемесячной отвратительной уборке трупов...

Ему самому казалось разумней перекрыть поток плотной, чем бороться каждый раз с наводнением. То есть ясно же: истоки лавины неумолимых крыс-убийц – там, внизу. Там им, истокам этим, и надо ставить заслон!

Так что взглянув ещё раз на Вадака, которого Борис тщетно пытался отговорить от опасной и дерзкой затеи, он поймал взгляд кудесника, и кивнул.

Вадак, как ни в чём не бывало, продолжавший что-то отвечать князю, тоже чуть кивнул.

Лестницы стали спускать сразу с восходом солнца.

Но на последний ярус Ратибору и кудеснику пришлось слезть по верёвке с узлами – лестницу Борис спустить туда поопасался – Ратибор не мог его в этом винить. Он и сам чувствовал близко затаившееся Зло...

Зато Вадак, казалось, ничего не чувствовал. Хотя Ратибор знал – его инстинкты и способность к предвидению в десятки раз сильнее, чем у простого человека.

Ступив на дно, Вадак почти сразу двинулся к пещере, высоко неся факел в правой руке.

Ратибор закинул лук на плечо, поднял свой факел, и двинулся следом. Чутью кудесника можно довериться: раз тот не вынул оружия, непосредственно им никто пока не угрожает.

Последний уступ, вернее, дно карьера, на которое открывался зев пещеры, оказался невелик – не больше пятидесяти шагов в диаметре и десяти – в высоту. Скалы громоздились почти отвесно – без посторонней помощи никому не выбраться... Интересно – мелькнула на краю сознания мысль – кто, и для чего понаделал тут таких уступов?!

Само жерло пещеры позволяло свободно войти в полный рост, но куда больше оно тянулось в ширину: на добрый десяток сажень.

У входа никто их не встречал. Как ни странно, Ратибор этому не удивился.

Вадак постоял, взглядываясь во тьму зева, и давая глазам

привыкнуть к сумраку. Затем обернулся к Ратибору:

– Я не думаю, что до следующего новолуния нам что-то здесь угрожает. Но – на всякий случай! Если со мной что-нибудь случится – беги, словно за тобой черти гонятся, и лезь вверх!

– А... как же ты?

– Обо мне не думай! Старый кудесник уж как-нибудь, с горем пополам, сумеет за себя постоять!

– Знаешь что, Вадак... Никуда я без тебя не побегу! У меня есть меч и факел! Так что...

– Хватит. Молодец. Я доволен твоим ответом. Он достоин храброго воина и боевого товарища. – увидев, что Ратибор открыл рот поблагодарить за похвалу, Вадак оборвал его, – А сейчас – замолкни, и тихо иди сзади! Не мешай мне работать!

Ратибор почувал, как краска залила его лицо ото лба и до шеи, но промолчал. Хотя уже не сердился на кудесника – знал, что тот всегда говорит то, что думает. Тем и ценней его похвала.

Так что ему было и приятно... И неудобно: с одной стороны его, вроде, признали достойным воином... Но с другой – он, получается, сейчас не столько помогает, сколько – путается под ногами... Вскоре, впрочем, он понял – и улыбнулся. Вадак, как всегда, прав и в этом! В магических штучках он кудеснику – не подмога!

Стараясь не шуметь, и повыше держать факел, он двинул-

ся вглубь пещеры, держась позади напарника шагах в пяти. Свою задачу – прикрывать тыл! – он понял чётко.

Оружия он никакого не достал – раз не достал его кудесник, смысла в нём, значит, нет!

Как нет его и в дурацком стремлении лезть вперёд там, где ещё не созрел...

Сразу от входа каменный неровный пол чуть поднимался, но затем шёл ровно. Они прошли не меньше ста шагов вглубь чёрно-коричневых скальных стен, прежде чем пещера повернула.

Впрочем, поворотом это всё же не было – скорее, просто небольшой изгиб. Но ещё через сто шагов светлое пятно входа скрылось за поворотом. Пещера теперь шла вниз, вначале с небольшим наклоном, но дальше он увеличивался. Своды пещеры стали выше, а стены разошлись шире.

Странно, подумал Ратибор, почему нет боковых ходов? И – почему почти ничем, кроме плесени и сырости не пахнет? Может, бокрысы здесь... Не живут?!

Пещера чуть повернула ещё раз – теперь в другую сторону.

Ещё шагов через сто они, наконец, пришли. Во-всяком случае, так сказал Вадак:

– Мы на месте.

Ратибор огляделся. Хм...

Почти круглый грот. Шагов шестьдесят в поперечнике. Над ним – конусом уходит вверх потолок с натёками и стран-

ными жёлто-зелёными сосульками... Кое-где снизу, как бы им навстречу, растут из пола такие же – но перевёрнутые. Вадак зажёл и второй факел – видно стало лучше.

Пока Ратибор с интересом оглядывался, и ходил вдоль стен, (Правда, ни к чему не прикасаясь!) сам кудесник словно прирос к месту, молча глядя прямо перед собой. Подойдя к нему, Ратибор понял, на что тот смотрит.

В центре пещеры, на очень ровном – словно его выровняли специально! – полу, отчётливо выделялось огромное кольцо из жёлто-серого тусклого металла, лежащее вровень с полом.

Наружный его размах доходил, наверное, до десяти шагов, а толщина самого полотна – до метра. Ратибор двинулся было вперёд, но Вадак резко схватил его за руку:

– Стой, где стоишь! – голос кудесника даже охрип от напряжения.

Юноша привык полагаться на чувства и знания спутника: уж если тот встал, словно врытый, ему-то лезть вперёд и во все!..

Спустя минуту Вадак дал в руки Ратибору и свои два факела:

– Держи выше! И – молчи, что бы не увидел!.. – после чего прошёл медленно вперёд, и остановился в двух шагах от кромки кольца.

Ратибор замер, опасаясь даже вздохнуть полной грудью: Вадак... Боялся?!

Или, вернее, он не боялся – он *не мог понять!* А это для кудесника – куда хуже! Когда неясно, что за разновидность Зла перед тобой – и как с ней бороться!.. Ратибор оглянулся на выход.

Там всё было спокойно. Взглянул на Вадака – тот как раз полез в свою суму, и что-то вынул, зажав в ладони. Затем – резко выбросил руку вперёд, что-то гортанное на чужом языке выкрикнув.

Вперёд полетел какой-то порошок: Ратибор увидел, как его клубы взмывают над странным кольцом, и медленно опадают, касаясь пола и металла...

Ничего не произошло.

Вадак выдохнул: словно его отпустило страшное предчувствие.

Затем, уже хмыкнув, кудесник прошёл вперёд, и опустил-ся перед полосой на колени. Вытянув руку, осторожно, пальцем, а затем – и всей ладонью коснулся металла. И снова – ничего!

– Ну, повезло нам, парень! – Вадак обернулся, и кивком пригласил Ратибора приблизиться, – Эта штука... Выключена!

– Что ты сказал? Я не понял: как это – выключена? – Ратибор тоже нагнулся потрогать. Надо же – холодный. Не шершавый, но и не гладкий. И – явно металл. Может, золото?..

– Выключена – значит, пока, – Вадак подчеркнул это слово, – не работает. А заработает в очередное полнолуние. Это

– не магическое устройство. Это – машина.

– Что?!!!

– Да, я уверен в том, что говорю. Это – именно машина! Древняя, и очень сильная машина. Не знаю, кто, и когда её построил, и каким чудом она сохранилась... Но – нам невероятно повезло! Машина – не крестраж и не Охранное Заклятье. Её можно выключить. Или – испортить. И тогда – всё! Набеги прекратятся!

– Вадак... Прости за тупость, но... Я ничего не понял! – Ратибору было обидно до слёз. Всё лежало перед глазами – но он опять, похоже, ничего не увидел. И – главное! – не понял!

– А-а-а... Извини, парень. Не казни себя – ты вовсе не глуп. Это я – старый придурок, – Ратибор впервые услышал, как Вадак назвал себя так. – Просто... Теперь таких вещей здесь, на нашей планете, почти не осталось. Наверное эта – последняя. Впрочем – нет! Должна быть ещё одна – парная. Там, где выращивают бокрыс. Входная.

Ладно, я объясню. – кудесник поднялся на ноги, забрав у Ратибора один из факелов, – Вот это – наследие Древних. До того, как произошёл Великий Раскол, и люди почти уничтожили друг друга в Последней Войне, существовали такие... устройства. Машины.

Их строили люди – ну, как строят мосты, дома, телеги... Чтобы облегчить себе жизнь. Машины могли и перевозить тяжести, и строить дома. И пахать-сеять. И даже собирать,

молоть и печь хлеб. *Сами.*

Мы победили в Войне, и машины были уничтожены... Мы против них, собственно, и воевали – и победа досталась, ох, нелегко... Впрочем, ты наверняка, об этом слышал, – Ратибор кивнул: да, он слышал древние предания.

– Здесь нет магии в её обычном виде. Здесь – механизм, пересылающий тела и предметы мгновенно. Из одного места – в другое! Хоть за тысячу, хоть за сто тысяч вёрст! Да хоть с другой планеты!

– Вадак!!! Что ты такое говоришь! Ведь на свете есть только одна планета – наша!.. – у Ратибора перехватило дыхание от такого вопиющего кощунства.

– Да-а? А, ну да, ну да. – закивал Вадак, – Если тебе так проще, и ты привык, считай и дальше наш Орлан – Центром Вселенной!.. Хм-м... Однако – вот оно! Древнее... Могущество *Науки*, (Тьфу-тьфу!) воплощённое в металле. Устройство переноса. Врата.

– Врата? – Ратибора не поразило кощунственное ругательство – он сейчас пытался *понять*.

– Да, насколько я помню, так их и называют – Врата. Потому что они ведут... И, похоже, здесь они служили для переноса добытой в карьере руды к... Неважно.

А важно – вот что. Как нам теперь их... Испортить! – Вадак глянул себе под ноги.

Ратибор хмыкнул, и сунул теперь уже свой факел в руки кудесника:

– Подержи-ка теперь *ты*, а я попробую... – он давно знал, что золото – мягкий металл, и легко мнётся, и рубится даже железом! Взяв меч в обе руки, он поднял их вверх, и со всего размаха с выдохом молотобойца вертикально вонзил лезвие – в полосу под ногами!

Вернее – попытался вонзить!

Меч жалобно зазвенел, вырвавшись из рук, и отлетев к стене. Ратибор чуть не упал, и не вывернул кисти! Полосе же не сделалось... *Ничего!*

В этом он убедился, опустившись на колени, и потрогав место удара пальцами – даже крошечной зарубки не ощущалось на равнодушной матовой полосе!

Вадак хмыкнул:

– Повезло, что меч не сломал... Ладно, не расстраивайся, парень. Если бы машины древних было легко уничтожить, может... и Войны-то не было. Вставай – пошли. Нам здесь больше нечего делать!

– То есть – как?! Мы... вот так и уйдём?!

– Ну да. Или ты хочешь попробовать ещё раз?

Ратибор со стыдом оглянулся на неколебимую полосу. Нет, повторять он не желал. Да и меч, когда он подобрал его... Нуждался в заточке. Будь она неладна, эта Машина...

Снаружи Вадак с удовольствием подставил лицо солнцу и ветру, отбросив в сторону факел, сразу зашипевший: тот упал в лужу, оставшуюся от вчерашнего дождя. Вадак с ин-

тересом посмотрел на факел.

Брови кудесника приподнялись.

Ратибор, всё ещё расстроенный неудачей, оглядывался на зев пещеры.

На приветственные облегчённые крики, встретившие их, они ободряюще помахали.

Верёвки с ними быстро втянули наверх. На лице Бориса, как и всех, участвовавших в рискованном действе, читалось огромное любопытство:

– Ну, что... Там?!

– Там – Древняя могучая Магия. – с чувством собственного достоинства у Вадака всегда был полный порядок, и уж если он врал – то врал солидно. – Но её можно победить!

Все радостно заорали – Вадак произвёл на Дреговичей только самое хорошее впечатление. Вот уж это он умел.

Однако он поспешил несколько охладить их пыл:

– Но – поработать для этого придётся много! Да ещё так, как вы до сих пор не работали! Так что слушайте внимательно: мне понадобится...

Ближе к полуночи Ратибор чувствовал себя идиотом. В начале ему казалось, что тесное общение с кудесником многому его научит... Теперь же он понимал, что вопросов только становится больше – что, как, почему... Хотя, с другой стороны, раньше он себе таких вопросов и не задал бы – просто не знал бы, что о *таком* можно спрашивать: всё, каза-

лось, разумелось само-собой... Ветер – дует. Солнышко каждое утро – встаёт. Реки текут, а леса – растут. Сами. Испокон времён.

Ан – не-е-ет! Оказывается – не испокон. И не сами...

Кудесник уже третий час сидел, странно сложив ноги, и глядя невидящим оком в костёр, куда Ратибор иногда подбрасывал веток, чтобы тот не погас.

Однако юноша отлично помнил приказ, и молчал, словно рыба, лишь оглядывая окрестности поляны: с мечом и луком он чувствовал, что справится с любым врагом. Из плоти.

Наконец Вадак встал. Повернулся спиной к огню. Медленно двинулся прямо в чашу, высоко подняв руки, и что-то напевное басовито не то напевая, не то выкрикивая... Ратибор, обнажив меч, двинулся следом, держась как и прежде – в пяти шагах позади.

Когда костёр остался шагах в ста позади, кудесник остановился, и перестал петь. Зато что-то громко выкрикнул, и взмахнул по-особому руками. Ратибор ощутил и на себе: словно тугая волна ударила в лицо! На мгновение вокруг воцарилась полная тишина – замолкли даже сверчки, комары и цикады.

Затем лес наполнился странными звуками – шорохами, скрипами, будто бы вздохами...

Ратибор оглядывался, сжимая меч во вспотевшей почему-то ладони. Нет, такого раньше он точно не видал: из-под всех кустов, корней деревьев, да прямо из-под дёрна и опав-

шей хвои к ним что-то начало двигаться!.. Словно сам лес – вековая тайга! – откликнулся на странный зов!

Вскоре стало видно – кто это.

Впереди ползли кроты – Ратибор нечасто видел этих маленьких тружеников, но узнал сразу. За ними, узкими струйками, отсвечивающими бликами от пёстрой шерсти в свете костра и лун, двигались мыши, землеройки, бурундуки... Чуть дальше держались звери покрупней: лисы, барсуки, волки. Как ни странно, рядом двигались и зайцы, и несколько исконных врагов не опасались. Слева возник и встал в тени разлапистой ели могучий силуэт – медведь. Появилась и рысь.

Кудесник не шевелился.

Наконец движение замерло. Теперь люди стояли как бы в центре огромного круга, а группы разных зверьков располагались вокруг концентрическими кольцами.

Вадак молча поклонился разношёрстному воинству. Подождал несколько секунд.

Затем заговорил.

Такого языка Ратибор никогда прежде не слышал – в нём слышалось и завывание – не то ветра, не то – волка, и щёлканье белок, писк мышей, пофыркивание и басовитый рык...

Минут пять Вадак «держал речь». Затем внезапно (как показалось Ратибору) оборвал её и снова поклонился. С минуту животные, казалось, переговаривались друг с другом... Затем что-то рыкнул медведь. Вадак отозвался. И – всё.

Все стали разбегаться, и уползать – в кусты и норы...

Ещё через пару минут на прогалине никого не осталось, кроме застывшего с мечом в похолодевшей руке Ратибора, и молчаливо глядевшего себе под ноги кудесника.

Затем Вадак развернулся к спутнику и сказал:

– Всё! Мы можем смело идти спать!

– Вадак! – Ратибор маялся от непонимания и любопытства, – Что это было?!

– Это был... Хм-м... Скажем так: совет Старейшин.

– И... что решили?

– Назовём это так: результат благоприятен для нас! И – всё. Больше ни о чём не спрашивай, и никому ничего...

– Да-да, я помню обещание... Не буду. Вадак?

– Ну что ещё?

– А... Откуда ты знаешь язык зверей?!

Вадак снова посмотрел на него.

Ратибор вздохнул.

От своего догоревшего костра до тына городища они дошли за полчаса.

– То есть, ты хочешь, чтобы в ту сторону мои люди просто не ходили? – Борис если и был удивлён, особо этого не показывал. Вадаку теперь все доверяли – как это произошло, Ратибор не понимал, но и сам осознавал – что доверяет молчаливому, ворчливому, а иногда и просто – вредному старику больше, чем родному брату. Да и все здесь готовы слушать-

ся, и делать всё, что кудесник прикажет...

– Да. И – по крайней мере – не меньше пяти дней!

– Хорошо. Пусть будет так. Никита! – так звали старшего по охране ворот, главного помощника князя, – Скажи всем нашим! Особенно женщинам! Уж больно они любят туда шагать за грибами да ягодами. Ничего, скажи – пять-то дней пусть потерпят! – Борис побарабанил пальцами по столешнице, кивнул кудеснику, – Всё в порядке. Мои к дисциплине приучены. Нельзя – значит нельзя.

Клавдия, как раз зашедшая долить масла в лампадки, только фыркнула. На кудесника она почему-то поглядывала с хитринкой. Ратибор даже подумал было, что они когда-то были знакомы. Потом отогнал эту мысль – Вадак сказал ему ещё тогда, в начале пути, что в этих краях пока не бывал... Да оно и верно: неужто он проглядел бы такую историю с бокрысами!..

– Теперь вот ещё что, – тон Вадака как всегда был спокойным. Но такого человека, что бы он ни изрекал, не перебьёшь, и с его словами не поспоришь! Уж это-то Ратибор понял давно, – Пусть все мужчины... И кто может из женщин – восстанавливают заготовки для костров и камни. Да и вообще – всё, что вы обычно заготавливаете. Причём – как можно быстрее. Предупредите и соседей – за пять дней всё должно быть закончено.

Видя недоумённые взгляды, кудесник счёл нужным пояснить:

– Времени у нас очень мало! Я не уверен, что мы сможем всё, что нужно – закончить за один лунный месяц! А должны! Поэтому после восстановления запасов топлива работать придётся как проклятым! И – быстро и много!

– Понятно, кудесник... Но скажи хоть – что делать-то придётся?!

– Скажу, конечно. Копать!

Копать действительно пришлось как проклятым!

На шестой день, придя с ещё сорока мужчинами и тридцатью женщинами к поросшей тайгой и кустарником гряде, что отгораживала Лану от Чёртова Котла, Ратибор поразился, хоть и был готов к чему-то такому – он же видел и слышал...

А вот остальные – не видели. Поэтому теперь с удивлением и восторженно рассматривали небольшой лаз, прокопанный кем-то (Уж он-то ни за что не скажет – кем!..) по прямой – до самого берега реки! Здесь же небольшими кучами лежали груды земли, камни, коренья и валуны, вывороченные из недр холма. Длина тоннеля достигала саженьей ста, ширина и высота – не превышали сажени. Свет в дальнем конце чётко показывал – лаз прямой, словно стрела!

Вадак влез на один из насыпанных холмиков и поднял руки. Все сразу замолчали и подошли, обступив кругом.

– Добрые люди! – голос Вадака, оказавшийся сейчас, когда понадобилось, и неожиданно звонким, и выразительным,

легко достигал, наверное, и до посёлка, оставшегося в двух верстах позади, – Вы видите, что нам уже очень помогли! Послушайте же, зачем всё это.

Древнее Зло в Чёртовом Котле нужно *у-то-нить!*

Справиться с ним иначе – невозможно! Поэтому работать придётся быстро: так, чтобы за три-четыре дня мы расширили и углубили этот водовод, и пустили воду прямо в Котёл! Тогда за оставшуюся неделю тот наполнится хотя бы до половины! А если больше – то ещё лучше! И лихо никогда больше не придёт оттуда!

Тишина стояла такая, что упали листок с дерева – и то, наверное, было бы слышно.

Похоже, все осознали, сколь мощные силы противостоят им. Но с другой стороны – сколь могучие – помогают! Кто-то же помог, прокопал огромный тоннель в вековой гряде?!.. И теперь уничтожение логова Врага – действительно в их руках!

Вадак... Казалось несколько удивился тому, что все молчат. Однако нашёлся быстро:

– Вы хотите избавиться от бокрыс навсегда?

Ну, тут уж все заорали, да так, что, наверняка слышно было у соседей:

– Да! Ура! Скорее!.. Вперёд – вначале те, кто с кирками!.. – однако мгновенно смолкли, когда руку поднял Борис.

Князь, посверкивая довольно глазами, скомандовал:

– Делимся пополам! И работать начинаем с обеих сторон.

Те, у кого кирки – идут впереди! Кто с лопатами и тачками – не мешайте махать! Сменяться на лопатах и кирках – через каждый час. Женщины – на тачках! Варрава и Никон – бегом к Родимичам и Кривичам! Скажите – мы начали!..

Через два часа заступили отряды соседей. Ещё через два – всё снова поменялись.

Борис и князя соседей организовали приготовление еды и ночёвку прямо на месте – чтобы не уходить от тоннеля, и не останавливать работу ни на миг.

Ратибор, намахавшийся тяжелой киркой, понял – это ещё похлеще, чем мечом!..

Заодно понял, почему женщины одеты точно как мужчины: в сарафанах не больно-то наработаешь, и насражаешься!

Устраиваясь спать тут же, на принесённых соломенных тюфяках, с другими сменившимися, он порадовался: с обеих сторон лаз расширен, и углублён в тело гряды уже до десяти шагов...

Отлично. Если так пойдёт и дальше – за пять дней они успеют!

Вадак и Борис ещё раз осмотрели жерло прямого, а теперь и широкого, трёхсаженного, тоннеля. Вадак похлопал по земляным сводам, клином сходящимся вверху – такие будут держать и без крепи... Они вернулись ко входу. Дружинники подали им руки, помогли забраться наверх.

Драгомил и Бышовец, князя соседей, открыто выражали

восторг: один смеялся, крутил ус, другой поглаживал затылок, хитро щурясь. Борис высказал общее мнение:

– Никогда бы не подумал, что такое возможно. Да ещё как быстро... Ну что, можно вскрывать?

– Нет ещё, нужно дождаться полудня. – отозвался Вадак, поглядывавший на солнце. Солнце сегодня пряталось в облаках, просвечивая туманно-белым пятном, – Впрочем, вот он и наступил...

Воздев обе руки кверху, Вадак, державший в правой посох, а в левой – камень, громовым голосом выкрикнул неизвестные никому слова. От них сводило низ живота, и мурашки бежали по телу... Но тишины не нарушил никто. Люди ждали молча, плотной стеной обступив тонкую дамбу. Большинство смотрело на небо и на эту самую дамбу. Ратибор же не отрывал взора от кудесника.

Наконец Вадак бросил камень в Лану, что-то ещё прокричав. Ратибор почему-то понял – он просил разрешения у Реки воспользоваться частью её вод...

И ответ пришёл.

На месте падения камня образовался водоворот... Большой – шагов в десять. Затем воды словно вспучились горкой... И снова осели. Теперь ничто не нарушало ровного течения.

– Можно! – радостно (Чего Ратибор никогда от него не слыхивал!) крикнул кудесник. – Начинайте!

Два десятка кирок и лопат вгрызлись в тонкую перемыч-

ку с двух сторон – и из свежей канавы, и из русла реки, где люди стояли по пояс в чистой воде. Вскоре глиняная стена, ставшая совсем тонкой, угрожающе прогнулась...

– Вылезайте! – крикнул Вадак.

Люди только успели убраться со дна траншеи, как вода, словно напрягшись, смыла последнюю преграду, и хлынула вперёд!

Уклон оказался как раз таким, как надо: скоро люди и потоки воды расчистили от обломков и выступов место врезки, и вода теперь шла слоем, поглубже, чем по пояс. Поток быстро посветлел – всю муть унесло вниз по течению.

– Валите! – крикнул Борис. Двое с топорами быстро ударили по засечкам, и огромная сосна с шумом рухнула в поток, перегородив его пониже места врезки. Хорошо, что её верхушка и комель были надёжно привязаны толстыми канатами к другим стволам – иначе бурный поток сразу утащил бы её вниз. А так – уровень воды в траншее сразу поднялся почти на четверть сажени...

– Варлаам! – окрикнул князь мальчишку, – Сбегай проверь: течёт куда надо?

– Слушаю, князь! – отрок славился быстрыми ногами, и почти мгновенно скрылся за кромкой гряды. Основная часть людей, впрочем, не торопилась покидать голову нового канала. В-основном потому, что никуда не шёл Вадак.

Вода резво бежала в пятисаженное новое русло, затем уходила вглубь горы, в подземный тоннель, уже сильно сузив

поток. Зато там её глубина была больше.

Вадак крикнул, что можно сесть. Все так и сделали. Но – ненадолго. Прибежал Варлаам:

– Течёт, князь! Отлично течёт! Прямо по уступам: дошла до самого низа!

– Отлично! Молодец! – отозвался Борис, вопросительно глянув на кудесника.

– Отлично. – куда спокойней отозвался тот, – Ну вот и всё. Теперь – только ждать!.. Все могут отдыхать, и заниматься своими делами. А я... присмотрю за водой.

Трое князей дали команды. Люди, вроде как бы нехотя, поминутно оглядываясь, двинулись назад – к селениям и обычным повседневным хлопотам. Но Ратибор был уверен: такого чуда, как дыра в горе, возникшая как бы сама по себе, и могучий водоворот от крохотного камушка, они уж точно – никогда не забудут... И детям, и внукам передадут.

Сам он никуда не пошёл, так и стоя позади Вадака.

Тот, лишь окончательно убедившись, что все скрылись за кромкой гряды, подошёл к своей суме, и что-то там нашарил. Глянул, нахмурившись, на «напарника»:

– Надеюсь, напоминать не надо?..

– Не надо. Молчу, не мешаю, никому ничего не... – под движением бровей он умолк.

Вадак прошёл к устью. Встал над ним. Что-то распевно сказал на уже людском, старосытинском – Ратибор научил-

ся отличать эти языки! – наречии, и сыпанул на берег ещё какого-то порошка. Перешёл по двум переброшенным через поток брёвнам на другой берег. Снова попел и сыпанул.

Спустился к реке, и погладил воду. Впрочем, может, и не погладил... А сполоснул ладони. Снова перешёл к Ратибору. Тот молчал, даже не двинулся с места – и так отлично всё видел.

– Молодец. Терпишь. Для воина плохо... Но для будущего Вождя – хорошо.

Ладно, объясню. Это я укрепил берега Ланы – чтобы помочь ей не размывать русло. Иначе – перегородить потом не сможем. Вон: видишь камни? – Ратибор оглядел крупные валуны, лежащие по сторонам русла наготове, – Ими и перегородим... После всего. Так, на всякий случай. А иначе – затопит и всю долину! Наши друзья тогда будут жить на болоте.

А это им понравится вряд ли... Так что пусть русло – пока не расширяется. Понял?

Ратибор кивнул.

– Ну а теперь уже можем и мы сходить взглянуть – как там...

«Там» наполнялось довольно быстро.

Вода серым пока – видать, от земли – водопадом быстро спускалась по уступам вниз, к зеву пещеры. И уровень её уже был настолько велик, что она шумным потоком затекала внутрь.

Ратибор с кудесником неторопливо прошли вдоль русла нового потока, следуя всему его пути по тайге. Вода, резво обегая замшелые стволы и кусты ежевики, текла быстро – расчёт Вадака оказался верным.

Теперь тот с нескрываемым удовлетворением поглядел, как оказался затоплен первый уступ – правда, на это ушёл почти час. Кудесник молчал, Ратибор тоже помалкивал. Иногда на затопление Котла прибегали посмотреть разведчики из всех трёх посёлков – обычно молодые, совсем дети...

Вадаку и Ратибору они приветливо махали – те тоже вежливо кивали и махали.

– Ты, наверное, ломаешь голову, зачем мне нужны были звери... – наверняка Вадак даже не поворачивая головы, чувствовал, как напрягся от любопытства, подойдя ближе, юноша.

– Тоже объясню. Ты терпеливо ждал. И заслуживаешь правды... Так вот: ни один человек не может проложить канал так, чтобы уклон в нём был нужной величины, а дно – ровным, и без ям и бугров. А вот обычные мыши, да и барсуки – могут. У них это – в крови. Ощущение земли, воды, направления и уклона. – Вадак наконец повернулся лицом к Ратибору.

Того поразило одухотворённое выражение в глазах старца – словно тот говорил о всех этих мышках-бурундуках как о братьях – в том смысле, что и правда – *братьях*...

Правда, наученный, вслух высказать вопрос он не решился.

Чуть сощурившись, Вадак кивнул:

– Верно. В вековечном противостоянии с Силами Зла звери – те, которых мы привезли с собой – наши друзья и союзники. А вот волкодьвы или чернушники – никогда ими не станут. Они – аборигены. То есть – исконные обитатели этого Мира. Мы же пока – гости. Да, так и знай – сорока, и даже пятидесяти поколений недостаточно, чтобы эта земля стала – нашей. Вошла в плоть и кровь. Стала родной...

Но – так будет. Пусть не мы – но дети и внуки... Вростут сюда. Плотью и кровью. Как эти сосны – корнями. Ты понял?

Ратибор никогда прежде не слышал такой длинной речи от кудесника. Да ещё – о таком важном... Поэтому так и не раскрыв рта, просто кивнул.

– Молодец. – кивнул Вадак. – Вижу: понял! Так, глядишь, и толк из тебя выйдет...

К исходу седьмого дня затопления Котёл оказался полон лишь на две трети. Да оно и понятно: чем шире затапливаемый уступ, тем больше воды для него нужно. Так что к вечеру полнолуния вода стояла ещё на добрых сорок саженей ниже кромки огромной чаши.

Борис подошёл к кудеснику, уже второй час сидевшему на одном из помостов с дровами, вновь уже политыми смолой, и спросил:

– Вадак! Может быть, оставить хоть по одному человеку от посёлка – мало ли?..

– Хорошо. – внезапно уступил кудесник, – Но тогда скажите им, что как только я дам сигнал, пусть бегут от Котла – да так, словно за ними черти гонятся!

– Понял. Так всё и сделаем... – князь отошёл, и разослал людей сообщить соседям.

Через полчаса на берегу нового озера остались только Ратибор с Вадаком, да трое особенно крепких дружинников – таких приказал оставить кудесник. Воины сидели или стояли у костров, разложенных в десяти-пятнадцати шагах от края карьера. Вадак же с Ратибором – на помосте, у самой кромки. Ратибор, вначале легкомысленно болтавший ногами, вскоре проникся серьёзностью момента: мало ли... Проверил лук и колчан. Меч. Прихлопнул очередного комара.

– Знаешь что... Ложись-ка ты, да спи. Я разбуду, когда... Начнётся. – Вадак явно не шутил, как подумал было юноша, – А вот сторожевые – пусть их смотрят.

Поняв, что кудесник прав, и смысла глядеть на чёрную воду, отражавшую лишь одинокий круг луны, нет, Ратибор прилёг – тут же, под помостом.

То ли сказаласть усталость, то ли – привычка к походным условиям, но заснул он почти мгновенно: он ведь знал, что его сон надёжно охраняют. Друг и соратники.

– Вставай! Да вставай же!.. Здоров же ты спать! – Ратибора

трясли за оба плеча. Он рывком сел:

– Началось?!

– Да, сейчас начнётся! Нашего-то... Помощника – я уже отослал! – глаза Вадака были широко открыты, и словно горели, отражая огненные сполохи: он уже поджёг дрова на помосте, на котором они до этого сидели. Ещё два костра на противоположном берегу освещали чёрную воду, создавая странные оранжево-золотые, дрожащие от ряби воды, дорожки.

Ратибор встал. Подошёл к берегу.

По ощущениям время было самое подходящее – до рассвета часа два. Они и в прошлый раз встречали врагов в такое же. Однако никаких тревожных признаков Ратибор не увидел, сколько не напрягал зрения. Однако опыт научил его кое-чему: если кудесник говорит: «Началось!», значит – началось!.. Он снова проверил лук, колчан и меч.

Минут пять ничего не происходило.

Затем земля под ногами слегка вздрогнула.

А в центре озера...

Да – в центре озера возникла рябь куда сильнее, чем случалась от ветра! Затем...

Затем внезапно – совсем внезапно! – вода по всему озеру как бы просела. И начала быстро убывать – по направлению к центру побежали настоящие волны!

А вот в центре образовалась и гигантская воронка! Водоворот! О-о! Как он завыл – протяжно и звонко: словно стая

волков! В бешеной злобной круговерти, казалось, сейчас исчезнут и всосанные чудовищной силой берега, со всем вековечным лесом! Да и вообще – всё, что окружает ревушее чудовище на многие мили вокруг!..

Глубина воронки потрясала: казалось, загнутые и бешено вращающиеся стенки спускаются напрямик в Ад!..

И если бы Ратибор не знал, что до дна Котла всего-то триста саженей, он бы так и подумал! Гул теперь стоял оглушительный – несущаяся по кругу неудержимой лавиной вода в Котле, казалось, взбесилась, и действительно хочет что-то сварить!..

Вдруг дно воронки выровнялось, и уровень воды остановился – теперь она не утекала вниз, в неизведанные пучины Врат, а как бы замерла на полпути...

Поверхность озера снова выположилась и почти успокоилась – но теперь его уровень стоял на добрых сто саженей ниже! В наступившей тишине громовой голос Вадака прозвучал, словно тревожный набат:

– Бегите! Назад, назад! Быстро!

Сам он поспешил показать пример, ринувшись в чашу – но не в сторону посёлка, что показалось Ратибору странным, а на ближайший холм! Однако отставать от него Ратибор не собирался! Меньше, чем за полминуты они взбежали по пологим склонам, и припустили вниз.

Вернее, попытались припустить...

Могучая рука словно приподняла Ратибора, и швырнула

прямо лицом в кусты – он еле успел защитить рукой глаза!

Кудеснику повезло меньше – он пролетел добрых десять шагов, прежде чем проехал животом по склону с корнями и камнями... Даже если они и кричали – услышать их не смог бы никто.

Там, за их спинами, стоял такой гул, рёв и грохот, какого ни до, ни после Ратибору услышать не привелось!

Да и слава Господу!..

Чтобы не оглохнуть, ему пришлось открыть рот! А чтобы не сдуло жутким ураганом – вцепиться в чёртовы кусты, и наплевав на ободранные руки, держаться за толстые ветви у самого основания, и терпеть!

Кудесник, как стало видно Ратибору в странном багрово-фиолетовом зареве, ещё пытался что-то рассмотреть там, сзади, одной рукой вцепившись в ствол молодой сосны, другой же прикрывая глаза...

Затем на Ратибора свалилось всё Небо, и он потерял сознание.

– Вставай. Всё кончено. – Ратибор открыл глаза.

Странно – но небо всё ещё было там – наверху... И – всё ещё чёрное.

Повернув затёкшую шею, он увидел Вадака – тот сидел рядом, пряча фляжку в чехол на поясе. А, верно – вот он и ощутил вкус пряно-горького бодрящего зелья на губах и во рту...

А ещё... Ратибор понял, что на нём места сухого нет: вся одежда пропиталась водой – хоть выжимай.

Вокруг вся земля и трава были мокрышеньки. И везде валялись камни – вроде бы обломки скалы.

Юноша попробовал было встать... Какое там! Все кости болели так, словно его долго били оглоблями – как на празднике воскрешения Ярилы-солнца...

Впрочем, через несколько минут он смог всё же прийти в себя и подняться на ноги.

– Вадак! Извини, что спрашиваю – а можно уже... Пойти посмотреть?!

– Можно. Идём.

Впрочем, идти далеко не пришлось: всё отлично видно было и с верхушки холма, на которую они поднялись.

Весь лес, что отстоял от кромки Котла меньше, чем на двести-триста шагов, оказался повален. Огромные сосны и вековые ели лежали рядами, словно уложенные по линейке – верхушками от Котла. Чтобы пройти к краю самой ямы, пришлось карабкаться и перелезать, оскользаясь на замшелых стволах – вода была везде...

От озера почти ничего не осталось. Похоже, вся вода была выброшена из котлована ужасным взрывом.

Однако поток – он видел отсветы на дальнем краю – продолжал методично сочиться из проложенного ими канала, и в яме уже снова набралось: до третьего уступа.

Сама яма изменилась почти до неузнаваемости: теперь

она была не круглой, а сильно вытянутой в длину – поболее, чем на версту... Ратибор без подсказки понял, что выломана и выброшена наружу часть скалы, что находилась прямо над Вратами. Причём выломана так, что и следа не осталось!..

Теперь озеро, похоже, достигнет в длину версты полторы...

– Пошли, попробуем найти наших горе-сторожей!.. – буркнул Вадак.

Странно – но оба сторожа от соседей остались живы. И даже почти не пострадали!

Один, правда, всё время тряс головой – похоже, оглох на одно ухо. Но после того, как кудесник намазал ему ухо какой-то мазью и завязал чистой тряпицей, ему явно полегчало.

Второй отделался ссадинами и ушибами: его, как и Ратибора, забросило в кусты.

Звать никого из посёлков не пришлось – все пришли, и даже прибежали сами, с первыми лучами солнца: приходиться раньше без его сигнала Вадак запретил.

– Как там избы? – Вадак так приветствовал подошедшего Бориса.

Борис широко улыбался:

– Порядок! Разворотило только пару... Ну, и несколько крыш снесло. Но ты приказал сидеть в подвалах – все и сидели! И – все живы. Зато уж обломков!.. Ничего, до зимы

уберём...

Люди молча стояли, пытаясь понять – что же за силы противостояли им, и *что* противопоставил им разум кудесника. Так, что Чёртово Логово вырвано с корнем. Да как вырвано!..

– Похоже, рыба здесь будет ловиться знатная. – усмехнулся Борис, – Вон, глубина какая! Как раз для сомов!

– Да, года через три-четыре, когда вырастут. – спокойно как всегда отвечивал кудесник. – Не забудь же, княже, перемычку загородить вовремя, да канал, что наметили вчера – прокопать. Иначе затопит все ваши поля!

– Понял. Уж за это можешь быть спокоен, почтенный Вадак! И поля, и новое озеро будут в полном порядке! Сделаем, как ты говорил, проточным...

Мы теперь с этих мест – ни ногой!

– Ну вот и славно. А мы теперь – отобедаем с вами... Да и в путь! Дела ждут... Верно, Ратибор?

Ратибор, всё ещё глядевший, как и сотни людей, стоявших на краю Котла, вниз, только кивнул.

5. Янтарные капли.

Повесть.

Заострённый клюв молотка только высек искры из неподатливого камня. Выругавшись про себя, Брендон пересту-

пил, встав поудобней. Ударил чётко в трещину, вложив в удар всю силу. На этот раз удалось отколоть вполне приличный кусок.

– Видишь, Дэйв, – он осветил налобным фонарём свежий скол, довольно пыхтя, – Я вот про эти штуки говорил. Посмотри: зёрна словно прозрачные, но всё же цвет... скорее, розоватый.

Дэйвид взял камень из руки Брендона, и поколупал несколько зёрен ногтем, словно так лучше мог прочувствовать их. Он недоверчиво покачал головой:

– И что, это из-за этих фигнюшек мы здесь?

– Да, из-за них. Хотя, конечно, промышленные в десять раз дешевле и крупнее, но только из натуральных получают по-настоящему хорошие, надёжные сердечники. Которые служат практически вечно. А не пару месяцев...

– Надо же... Никогда бы не поверил, что что-то природное может быть лучше искусственного.

– И тем не менее. Не всегда же мы умели изготавливать искусственные кристаллы. И металлы не всегда плавил. А если копнуть ещё поглубже, за каждым из нас стоит всё та же волосатая обезьяна с каменным топором в лапе.

Дэйвид, оглянувшийся на молоток в руке Брендона, только хмыкнул. Покачав головой, вернул камень. Мужчина не глядя спрятал его в ближайшее отделение рюкзака. Итак, образец номер один отобран. Он вдруг чертыхнулся, прижав пальцем наушник.

– Дик! Ты где там?

В ухе немедленно прозвучал звонкий, но слегка искажённый помехами голос:

– Я здесь, пап, сзади вас.

– И чего ты там застрял? Ну-ка, давай сюда. Мы должны держаться вместе, иначе мама съест меня с потрохами. И даже без кетчупа.

– Это уж точно... – вспыльчивый характер мамы часто был предметом обсуждений. Но мама – она мама и есть. Куда же от неё денешься! – Ладно, сейчас иду!

Однако здесь у Дика слова с делом сильно расходились – никуда он не пошёл.

Причина же, побудившая Ричарда задержаться, как раз очень удачно подалась под лезвием его складного карманного ножа, и оказалась в ладони. Клейкие полупрозрачные нити, крепившие её к потолку боковой пещеры перерезать оказалось не так-то просто.

Зато теперь три минуты усилий были вполне вознаграждены: странную штучковину можно было рассмотреть со всех сторон. Размером она оказалась с крупный грейпфрут. Тяжёлая. Непривычная – словно бумажно-картонная на ощупь.

Наружная корка оказалась мягкой, и слегка подавалась под маленьким пальчиком, но прощупать, что там внутри, не удавалось. Тогда Ричард стал ощупывать и рассматривать странный, плавно суживающийся к концу, как бы рукав, которым заканчивалась верхняя часть непонятной «груши».

Выяснилось, что рукав гораздо более гибок, и позволяет, расправив его, заглянуть вовнутрь.

Ух ты! Классная штука!

Внутри находилась гладкая и блестящая янтарная капля. Размером она была, пожалуй, с шарик для пинг-понга. И сидела всего в паре дюймов от горловины, полуутопленная в такую же беловато-серую бумагообразную массу, как и наружная оболочка.

Ричард попробовал остриём ножа вырезать каплю из волокнистой оболочки.

Это получилось не слишком хорошо: туповатый кончик не мог разрезать странную субстанцию вокруг шарика, а лишь чуть сдвигал его из центра. Запыхавшись от усилий, рассерженный мальчик попробовал пролезть в отверстие рукава пальцем, а затем и всей рукой, и выковырнуть красиво блестящую штукювину ногтями...

Брендон и Дэйв ещё не успели отобрать следующий образец, как обеих совершенно оглушил ужасный крик, перешедший в вой. Причудливо отражаясь и преломляясь сводами, он наполнял пещеру оглушительным гомоном и причудливым эхом. И говорил о такой чудовищной боли, что волосы действительно вставали дыбом!

Не сговариваясь, мужчина и мальчик ринулись назад, вверх по мрачному и сырому коридору, туда, где буквально пять минут назад Дик приотстал от них.

– Дик! Дик!– все попытки докричаться пресекал жуткий непрекращающийся вопль, не позволяя вставить буквально ни слова.

Наконец они добежали до развилки, где расстались.

Картина, открывшаяся им, сразу многое сказала Брендону.

По полу, на спине, перекатывался Дик.

Одну руку он поднял вверх над собой, придерживая её другой. Глаза выпучены, а рот раскрыт так широко, словно мальчик хотел проглотить странный шар, валяющийся рядом. Реакция Брендона сказала об отличном самообладании и трезвом мышлении.

– Дэйв! Быстрее! Ампулу с антитоксином, и обезболивающее!

Пока Дэйв расстёгивал карман на колене, и вытаскивал аптечку, Брендон выдернул нейлоновый шнур, стягивающий горловину его рюкзака.

Зажав полутораметровый шнур в зубах, он выхватил мажете из ножен, и в три движения вспорол рукав на укушенной руке до плеча. Он знал, что речь идёт о секундах, поэтому промедление может означать только одно: смерть!

Кровь по капиллярам пальцев движется со скоростью миллиметров в секунду, но стоит ей дойти до крупного кровотока!..

Яд не должен попасть в организм! Поэтому мотать надо здесь: повыше локтя.

Обнажённую руку он перетягивал так туго, словно швартовал пятидесятитонный баркас. Малыш заорал ещё громче – больно! Брендон, стиснув зубы, продолжал.

– Коли – вот сюда! – он ткнул пальцем в мягкую ткань руки у локтя. Дэйв не заставил себя долго просить, и сходу вкатил полную дозу антидота в указанное место, потратив не больше секунды на то, чтобы отбросить первый шприц, и вкатить туда же второй – с обезболивающим.

Крики не смолкали ни на минуту. Крупные слёзы градом катились по перекошенному лицу. Но мальчик ничего не говорил – хорошо хоть, не мешал работать...

– Давай скорее на поверхность! Вызови Лагерь, и скажи Керку, что нам срочно нужен коптер! У нас раненный! Вернее – укушенный! – Брендону тоже пришлось кричать.

Дэйв, кивнув, кинулся к входному тоннелю. Сообразительностью и немногословностью он всегда импонировал Брендону. Ему часто хотелось быть и его отцом... Но Джима Тимански уже не вернёшь. Так что роль отчима пока единственная, на которую он может претендовать по отношению к Дэйву.

Утерев обильный пот, он достал аптечку уже из своего кармана, и впрыснул Ричарду ещё обезболивающего, уже выше перетяжки.

Конечно, такая доза анестетика может усыпить и лошадь, но будет только лучше, если сейчас малыш как раз и уснёт.

Наконец крики почти прекратились, и теперь тело самодет-

ательного ксенозоолога сотрясали лишь конвульсии и дрожь от пережитого стресса, боли и холода – в пещере было куда прохладней, чем снаружи. Покачав головой, Брендон вытянул шнур и из рюкзака Ричарда. Им он обмотал тоненькую ручку не менее туго, повыше первой перетяжки.

Шайна точно убьёт его...

Не надо было брать малыша с собой! Восемь лет, конечно, не слишком подходящий возраст для начинающего геолога. Это Дэйва, в его пятнадцать, можно смело брать в любые походы и поручать любые дела.

С другой стороны, уж больно Ричард просился. Да и кто не просился бы, просидев десять месяцев фактически взаперти?! Он сам ощущал буквально счастье, когда стало наконец возможно хотя бы *пройти* по поверхности, а не проехать в утеплённом вездеходе.

Ну вот и прошёлся...

Взвалив заснувшего, наконец, или потерявшего сознание мальчика на плечо, он бросил взгляд на беловато-серый шар, откатившийся на метр. Нет, так не пойдёт.

Вдруг доку понадобится более подробная информация о том, что ужалило мальчика, чтобы помочь ему. И найти противоядие. Значит, надо как-то обезопасить эту дрянь, но обязательно взять её с собой!

Положив Дика обратно на пол пещеры, он осторожно взял в руки тяжёлый шар.

Размером тот был с хороший грейпфрут, и чуть суживал-

ся к верхней части, постепенно переходя в изогнутый рукав. Материал сильно напоминал бумагу, но оказался явно толще – словно низкосортный картон.

Отверстие выглядело достаточно большим, чтобы ребёнок мог просунуть руку.

Всё более-менее понятно: что-то там, в глубине, заинтересовало Ричарда, и он...

Теперь надо перекрыть этой твари выход, если она ещё там.

Пришлось вынуть шнурок из ботинка Ричарда, и тщательно перетянуть горловину, так, чтобы даже дрозofiла не пролезла. Благо, края рукава оказались достаточно эластичными.

Теперь Брендон запихал чёртов шарик в толстостенный пластиковый пакет, в котором обычно хранил НЗ пищи, когда планировал пару дней не посещать Лагерь, вытряхнув бутерброды и кексы прямо на землю – ничего, проклятая тварь сейчас важнее всего!

Он засунул пакет к себе в рюкзак, и со вздохом снова поднял Ричарда на плечо...

Телефон коптера уже горел крохотным экраном, когда Сезар Родригес посадил его возле Вебстеров. Брендон тут же подошёл, знаками показав, что нужно открыть багажное отделение. Сезар сунул Брендону шлем, показав, как надеть, хотя тот знал это и сам. Теперь они могли переговариваться

в гуде винта.

– Открой кормовой отсек, я с Ричардом полечу там!

Сезар кивнул:

– Что с ним? Он без сознания? – им всё равно приходилось практически кричать.

– Я вкатил ему двойную дозу обезболивающего, и он отключился. Дышит, вроде, нормально... Рука вот только мне не нравится – видишь, ниже жгута уже вся багровая!

– Да, выглядит паршиво! Залезайте! – Сезар открыл и откинул люк, – Постараюсь побыстрее! Пристегни его... И сам!

Дэйв уже залез в кабину, на место второго пилота. Молодец. Всё сделал, как надо.

Не паниковал, не задавал ненужных вопросов. Настоящий сын морпеха.

Брендон снова пощупал пульс Ричарда. Учащённый, несмотря на укол, но наполненный. Видать, всё же зараза не успела дойти до перетяжки.

– Готовы? – вопрос совпал с повышением тона мотора. Сезар собирался взлететь.

– Да! Мы... уже пристёгнуты! Давай!

Винтокрылая машина приподняла корму, и стремительно взмыла в небо, оставив позади чернеющее жерло карстовой пещеры. Сезар, обожавший скорость и перегрузки, старался не переусердствовать – на борту пациент! – но и не мешкать.

Долорес (для друзей – Дорис) Пауэлл привстала на нос-

ки, подняв руками кверху длинные шелковистые локоны, и став вполоборота к зеркалу. Лукавый взгляд из-под густых бровей, заманчиво-загадочная, словно приглашающая к более серьёзным действиям, полуулыбка...

Нет, такая причёска не смотрится. Лучше, когда чёрные, словно пространство Вселенной, густые и выющиеся от природы волосы мягкими волнами обтекают её маленькую головку, и струятся по плечам и спине.

Зеркало, её лучший друг, подтвердило, что – да, она неотразима!

Отлично. Билли не спасись!

Сегодня в Лагере танцы, и уж она не забудет надеть лучшее платье. (Да, платье! А не эти, уродующие её фигуру в нижней части, дурацкие джинсы, и дебильный топчик, не столько скрывающий, сколько выставляющий грудь... Именно этим приёмом без зазрения совести пользовалась её «лучшая» подруга и конкурентка Мария, тоже положившая глаз на самого симпатичного парня.)

Грудь у Марии и вправду, черти её задери, выдающаяся... Не то, что у неё. Хм.

Ну и наплевать – недаром же Билли сам сказал ей дня три назад, что грудь – это нечто, помещающееся в руке. А всё остальное – вымя!

Она тогда так смеялась, представив, как Марию доят... Но потом, когда представила, что Марию доит Билли, смех несколько поутих.

Нет, без всякого сомненья, её фигуру лучше подчёркивает именно платье! Оно придаёт... э-э... женственности (а проще говоря – сексапильности!) её бесподобно округлой попе!

То, что не выставлено напоказ, а как бы слегка запрятано, всегда заставляет работать мужское воображение! Поэтому идиотка эта Мария, носящаяся со своими сиськами, как дурень с писаной торбой, и трясущая ими перед парнями с шахты. Хотелось бы посмотреть на предметы её гордости, когда их хозяйке будет за пятьдесят! И-хи-хи!..

Нет, платье сидит хорошо. Правильно она сделала, что не стала ушивать его. Свободная талия выглядит загадочней, и тоньше, чем обтянутая. Да и потеть так она будет не столь сильно.

Очередной полуоборот перед зеркалом был прерван диким криком.

Кричал ребёнок. Причём так, словно ему *жутко* больно!

Долорес как была, босиком, подскочила к окну.

Господи!..

Кажется маленькую Дину кто-то укусил – вон, эта дрянь летает над малышкой, корчащейся в пыли! Да что же это такое!..

Ах, наверное, оттаяли и повывлетали местные пчёлы и осы, и прочая мерзкая летучая гадость! Ну ничего – её папочка как раз против таких кое-что припас! Сейчас...

Всунув ноги в шлёпки, и с огромным баллончиком аэро-

золя в руке она отважно выбежала на главную дорогу Лагеря, и в две секунды домчалась до всё ещё бившейся и кричавшей девочки.

Мерзкую тварюгу, всё ещё кружившую над ней, Дорис сходу обдала мощным облаком пестицида из баллончика.

Ага, не нравится!

Здоровенный шмель шлёпнулся на землю, и принялся в корчах извиваться – на краю сознания мелькнула мысль, что вот теперь он с Диной в расчёте. Нет, в расчёте они будут, когда... Во избежание дальнейших неприятностей, она с омерзением наступила на насекомое. Раздался противный хруст – словно треснул по шву пакет с мусором...

Внезапно со стороны шахты донеслись ещё крики боли и отчаяния – от их пронизанного ужасом тембра и невероятной дикости случившегося просто сжималось сердце!

Неужели укусили ещё кого-то?! Похоже, что так! И – не одного!..

Но что же с девочкой?! Почему она до сих пор продолжает извиваться в пыли и кричать так, что даже непонятно, когда она вдыхает для очередного раздирающего слух и душу, вопля?! Чёрт! Надо было захватить аптечку! Но куда же её укусило? Может, возможно яд как-то... высосать?

Дорис опустила на колени, и попробовала приподнять и осмотреть крохотное тельце. К ним уже бежали и другие женщины, бросившие все дела, и поражённые дикими криками, раздававшимися теперь из разных концов Лагеря...

И это было последнее, что Дорис запомнила.

С неба словно пошёл янтарный дождь.

Дождь из насекомых!

Первое же ужалило её в шею.

После этого в её голове не осталось ничего, кроме мысли о том, как же убрать эту невыносимую, поистине адскую, жгучую боль!..

– Так, говоришь, существа, которое его ужалило, ты сам не видел? – голос Керка Ригана, официального начальника Лагеря, звучал традиционно спокойно. Злые языки утверждали, что точно так же он выглядел и говорил даже после крушения Корабля, в котором летела его тридцатилетняя дочь с мужем и внучкой...

Что в глазах Брендона, да и всей мужской половины Лагеря являлось не показателем бессердечия, а признаком сильной воли и отличного самообладания. И только повышало их уважение к Керку. На мнение же женской половины суровым и неразговорчивым пионерам-колонизаторам было практически наплевать: не домохозяйки отвечали за выживание и нормальную работу Колонии на планете.

– Нет. Я посчитал опасным соваться туда самому. Поэтому просто перетянул горловину, и засунул в пластиковый мешок. Он из кевлита, так что выдержит любой укус.

– Хорошо. – хорошего в этом ничего не было, но Керк был доволен тем, что Брендон везёт опасного врага обезврежен-

ным. На этой планете таких найдётся наверняка ещё немало, и способы борьбы и противоядия только предстоит ещё разработать. И чем быстрее они начнут, тем лучше. – Ничего больше малышу не вкалывай, и следи за пульсом и дыханием. А то автодоктор у Сезара сломан. А Гарри и Чед сейчас у Гряды, так что послать за вами было некого.

– Понял. – лица Керка Брендон не видел, так как видеомонитор имелся только в кабине, но он и так знал, что никаких эмоций там всё равно не проступило бы. Слышимость через шлем была хорошей: ещё бы! До лагеря – уже не больше километра! – Дышит он нормально, спит крепко. Пульс такой же: восемьдесят пять – девяносто... А вот рука выглядит всё хуже. Уже почти фиолетовая. – Брэндон, ощущая, как подступает тошнота, сглотнул. Стал дышать чаще, отведя взгляд.

Сейчас, когда шок и необходимость быстрых и чётких действий осталась позади, происшедшее сказалось на нём не лучшим образом.

Сердце словно сжимала чья-то холодная рука. Липкий пот струился по спине, шее, лицу, и капал с подбородка. Самые же страшные эмоции вызывала картина предстоящей разборки с женой.

Шайна никогда не простит ему, что он оставил их маленького сына одного...

Умеет она подавлять его способности к оправданию! Разумеется: ведь он – не Тимански. Тот, небось, на все выпад

Шайны мог позволить себе только посмеиваться в усы, а все дискуссии заканчивать шлепком по симпатичному задку.

Вот на этот-то задок...

Эх, да что говорить – знал, на что шёл!..

Док Леонель Надаль закусил губу. Что само по себе было плохим признаком.

Они вчетвером стояли вокруг прозрачного отсека автодоктора, отделённые от неподвижного обнажённого Ричарда могучим бронестеклом. Сканнеры и манипуляторы уже вернулись в свои ниши, и тело от этого казалось ещё меньше и беззащитней.

Бледный Брендон всё так же обливался потом, наполняя помещение медотсека его острым запахом. Керк Риган сосредоточенно рассматривал снимки, сделанные сканнером: по долгу службы он часто сталкивался с травмами людей и поломками машин, так что был вполне компетентен в ремонте и того и другого.

Учёный-биолог Лагеря, Натан Гильденштерн, молодой парень лет двадцати пяти, только-только из университета, волновался так, что руки заметно дрожали. Ещё бы – ему предстояло дать заключение по той твари, что нанесла столь тяжкие повреждения всего одним укусом, и сейчас находилась в холодильнике, в металлическом контейнере.

Затянувшееся молчание прервал док:

– Брендон, прости. Боюсь, руку нужно ампутировать. И

как можно скорее.

– Что?! – теперь, когда подтвердились самые худшие опасения, Брендон, как ни странно, вздохнул как-то свободнее.

Пусть без руки – но сын будет жить. Биомеханический протез позволит ему остаться полноценным членом общества. Подумаешь, размер придётся пару раз поменять на больший – под вырост.

Но это – не роковой приговор, которого он так боялся! Они успели! Яд не прошёл к сердцу.

Его следующий вопрос был уже чисто риторическим. Док слишком опытен. Раз говорит что нужно – значит, нужно:

– И... Сделать ничего нельзя?

– Нет. Анализы показывают, что нейротоксин, поступивший в тело, настолько силён, что наш антидот практически никак его не ослабил. Вот, взгляните, – он обратился ко всем, – Последний снимок ясно показывает, что внутри руки практически уже нет ни мышц, ни сухожилий, ни жира... Только разжижённая в однородную кашу плоть. Извини, Брендон. – Брендон опять еле сдержал позыв к рвоте, прикрыв рот рукой.

– И даже при всей технике и лекарствах, которые есть на Корабле, – док кивнул наверх, в сторону орбитального модуля, – ничего с этим сделать практически невозможно.

– То есть... рука всё равно бы пропала?

– Да. И ещё. Предлагаю не тянуть, проводя дополнительные исследования, а ампутировать прямо сейчас. Иначе... Я

не поручусь за безопасность... остального тела. По микрокапиллярам всё же возможна молекулярная диффузия... э-э... Извини ещё раз – я просто хочу сказать, что боюсь, как бы эта дрянь не прошла дальше!

Брендон автоматически снова утёр пот со лба. Стиснул кулаки. Вот чёрт...

Что-то ещё в самом начале сказала его подсознанию, что так и будет – и вот, словно сбылся худший из кошмаров... Шайна... Бог с ней, он переживёт: лишь бы с Ричардом всё было в порядке!

– Ладно. Как его отец я разрешаю операцию.

– А что скажет Шайна?..

– Плевать три раза на то, что она скажет. Чем быстрее мы всё сделаем, тем меньше... Опасность, что мой сын умрёт. Я правильно понял ситуацию?

– Абсолютно. Керк, – быстрый взгляд на начальника, – Может, вам всем пока уйти, потому что видеть такое...

Керк переглянулся с Натаном, и сказал:

– Брендон. Тебе действительно лучше подождать в лаборатории. Мы с доктором Натаном останемся.

Когда манипуляторы с лазером и иглами отодвинулись, док Леонель внимательно осмотрел переходные трубки, соединившие вены с артериями, и псевдоплоть, наложенную на чистый аккуратный разрез. Рентгеновский, УЗИ и МВЧ снимки показывали, что всё в порядке.

– Забирайте, доктор. – из-под старинных очков во взгляде Надаля проглядывала печаль и... страх.

Керк знал об этом страхе дока, как и о страхе молодого учёного, который, сопя, вытащил отрезанную руку и поместил в контейнер.

Сколько раз за свою непростую жизнь сталкивался Керк с людским страхом. И горем. Однако, хоть Шайна, без сомнения, будет кричать на мужа и рыдать, как начальник колонии он был доволен и действиями дока, и действиями Брендона, и, если уж на то пошло, и действиями Дэйва.

С другой стороны, иного и не ждёшь от профессионалов. – Как он, док? – в тоне привычно не было ни напряжения, ни сочувствия. Но доктор знал, что это – не от чёрствости. Просто начальник у них – практик. Отлично понимает, что большего для малыша не сделал бы и лучший хирург. В лучшем госпитале Земли. А сейчас они обеспечили малышу главное – жизнь.

– В-принципе, неплохо. Брендон молодец. Если бы он не удалил рубашку с её швами, или затянул не столь сильно... Лучше об этом не думать. Не знаю – хватило бы у меня нервов, если бы такое случилось с моим сыном... – Лионель снова закусил губу.

– Сколько он ещё... будет спать?

– Ну, думаю, часов десять ему хватит. Я ввёл ему ещё снотворного, чтобы за это время успела прижиться псевдокожа, и спала опухоль. Ну и как всегда, антибиотики. Протекторы.

Антидепрессанты. Мало ли...

– Понятно. Хорошо. Спасибо за чёткое прояснение ситуации с... однородной массой. Как думаешь, если бы не жгут – стало бы таким всё тело?

– Вне всякого сомнения. Чёртов токсин и ещё какие-то неизвестные нам ферменты действуют очень быстро. Легко разносятся кровью. Вот: взгляни. – док вывел на экраны мониторов несколько снимков, – Кости пока целы... Это – пока. Но по моим расчётам, часа через два частично растворились бы и они. Эта дрянь заставляет саму человеческую кровь, вернее – её плазму, вырабатывать вещество, проникающее в мембраны клеток, и растворяющее эти самые мембраны. Это – как лавина...

Одна крохотная снежинка вызывает многотонный поток.

Так что, если бы был укушен даже взрослый, через пару часов от него остался бы только кожаный мешок с... мясной пастой. – док дёрнул плечом, – На земле такие хищники, впрочем, давно известны.

Это – почти все ядовитые змеи. С ядом они вводят в тело жертвы ещё и универсальные ферменты, служащие наискорейшему превращению плоти в... Вот *такое*. Ведь змея не имеет зубов для пережёвывания. Поэтому она начинает переваривание, если можно так сказать, заранее... До заглатывания... э-э... тела.

– Значит, эта штука... чем бы она ни была, питается вот такой... мясной пастой?

– Ну... да. Скорее всего. Позволю себе, предвосхитив, так сказать, Натана, высказать предположение, что у нас в холодильнике гнездо большой осы. Или шершня. Материал уж больно похож на тот, из которого земные осы строят свои колонии.

Но эта оса, похоже, одиночка. Если сканнер показывает верно, – док вывел на экраны новые снимки, – Вот она, в центре. Охраняет кладку. А вот это, – он показал пальцем на правильные ряды внутренних перегородок, – соты. И в них созревающие молодые особи. Вот их-то, судя по аналогии с земными насекомыми, эта оса и откармливает... пастой. А всего, как нетрудно подсчитать, таких юных ос здесь двенадцать.

Керк молча рассматривал чёткий тёмный силуэт, расположенный вверху, в центре.

В самой осе, формой тела действительно очень напоминавшей земного шершня, было на меньше трёх дюймов длины. Правда, на снимке она сидела, свернувшись в компактный плотный шар, выставив ближе к поверхности толстенькое брюшко с силуэтом огромного жала на заострённом заднем торце, и обхватив себя шестью лапами-члениками.

Двенадцать камер, имевших вид шестигранных сот, занимали всю внутреннюю полость «грейпфрута». Между внутренней камерой и наружной стенкой располагалась толстая пористая прослойка. «Как в термосе» – подумалось Керку.

– Лайонель. – раз начальник назвал его по имени, а не как

бывало обычно «док», последует серьёзный вопрос. И точно. – Как думаешь, нашим поселениям на остальной части планеты такая же опасность может угрожать?

Надаль не стал мяться, или протирать очки, или раздумчиво мычать. А сказал то, что давно собирался сказать:

– Да, Керк. И опасность очень серьёзная. И – немедленная.

Осы – сезонные насекомые. И раз они приспособились переживать одиннадцатимесячную зиму, значит, они здесь живут по всей планете. И чем скорее мы предупредим Корабль и остальные поселения, тем... безопасней для всех будет.

– Думаю, ты прав. Пусть Натан поработает с рукой и... Хм. Осинником. Сможешь помочь ему?

– Да, смогу. Всё-таки – сорок четыре года практики... – док печально улыбнулся.

– Действуй. Скажи ему, чтоб не обижался – я приказал. Для *ускорения* работы. Под угрозой – и наше, и остальные поселения. Я – в радиорубку.

Все худшие предположения Брендона оправдались: Шайна была вне себя.

Крик, плач, слёзы истерики... «Как ты мог?! Дерьмо ты, а не отец!...»

Уж в чём-чем, а искусстве унижать и браниться Шайне точно не было равных во всём их Лагере: «Беззаботная скотина! Сволочной геолог, раззява! Испоганил мальчику всю

жизнь! И где мои глаза были, когда я согласилась выйти за тебя!...»

Он не пытался оправдываться – так было бы только хуже. Расстраивали его такие скандалы всегда. Однако сейчас – хоть было за что. Он отлично сознавал, что виноват.

Да, не уследил. Планета, конечно, чужая. Рано он позволил себе расслабиться – они ещё не всех опасных обитателей обнаружили. Может, здесь и более страшные виды есть – и сейчас оттаивают...

С другой стороны, разве он не спас малыша? Плевать на руку – чуть ли не четверть жителей почти каждой земной колонии имеют протезы. Такова цена за риск и каторжную работу... На чужих Мирах. Хоть никто и не отрицает огромных зарплат пионеров.

Но – никто не отрицает и действительно колоссальный риск и огромное напряжение, с которыми неизменно связаны первые этапы освоения.

Поэтому, осознавая свою ответственность и вину за потерю руки сына, Брендон молча сносил и самые жестокие упрёки, и пощёчины. И самое страшное – слёзы и стоны бессилья и отчаяния...

Когда через полчаса самый опасный период шторма несколько поутих, он долго гладил вздрагивающую головку, пристроенную у него на могучей груди, и думал не над тем, как Ричард будет осваивать протез, а над тем, что же теперь будет с их Лагерем. Да и всей Колонией.

Если такие штуковины тут во всех пещерах, похоже, на спокойные весну и лето рассчитывать не приходится.

Определить выражение лица за маской было практически невозможно, но пот на лбу дока Натана показывал, что волнуется он куда сильнее, чем хочет показать.

Ещё бы. Производить вскрытие убитого формальдегидом насекомого не слишком-то приятно. Особенно такого опасного. Даже несмотря на замораживание для дополнительной подстраховки, он чувствовал огромное, всё нарастающее беспокойство.

А вот док Нададь собран и спокоен. Да, уж он-то повидал на своём веку...

Для него этот мир – третий. На предыдущих двух уже построены капитальные поселения, и число колонистов настолько выросло, что нужен не один доктор, а целый штат. В Центральном Госпитале. Причём – со всем возможным стационарным оборудованием. Натан только с трудом мог поверить, что несмотря на свой огромный стаж и пенсионный возраст док сам вызвался. Добровольцем.

Ну ладно, он – вчерашний выпускник. Молодость, амбиции, перспективы, деньги... и всё такое. А док?..

Между тем вскрытие подходило к концу. Натан диктовал в свисающий с потолка микрофон то, что он видит и делает, док Лайонель не вмешивался. Даже слова за весь полутора-часовой методично-педантичный процесс не вставил.

Зато помощь его в проведении собственно вскрытия трудно было переоценить.

Ножницы в сильных пальцах уверенно разрезали и ломали мощный хитин кутикулы, то есть – наружного твёрдого покрова, скальпель чётко отделял слои и резал органы. Где не хватало сил, они пользовались лазером.

Наконец всё оказалось закончено, и осталось только законсервировать препарированный экземпляр, и гнездовье. Натан не удержался, чтобы не спросить:

– Скажите... доктор Надаль, как вы считаете, наше описание достаточно полное?

– Да, доктор Натан. Вы всё проделали и описали вполне профессионально. Мне было приятно помогать вам. Всё же...

– Да, доктор? – юный учёный почувствовал, что матёрый специалист уже понял что-то важное. Большое и обобщающее, то, что сам он, очевидно, упустил, чересчур увлёкшись скрупулёзным описанием органов и строения тела насекомого.

Да, наверняка он за деревьями проглядел лес. А вот Лайонель – нет.

Ну, у дока Надаля не стыдно и поучиться.

– Всё же я дополнил бы ваш отчёт, если вы позволите, парочкой замечаний.

– Разумеется, доктор! Наверняка я, увлёкшись самим процессом... с выводами...

– Да нет. С выводами и я бы не спешил. Их можно будет сделать, только проведя сравнительный анализ ДНК этой осы с... Местными видами.

– Вы... – Чёрт возьми! Вот уж этого он бы сам никогда... Доктор Гильденштерн остановил руку на полпути к затылку, – Вы имеете в виду, что оса может быть... э-э... *не* местной?!

– Да, на эндемика она не похожа. – видя вскинутые брови и расширенные глаза, док не спеша пояснил, – Во-первых, посмотрите на жало. Оно *очень* крупное и прочное. Похоже на жало земных шершней, но... Вот именно – мы же проверили его прочность. По шкале Мооса она приближается к семи. А-а, – извините, вижу, вы не в курсе геологических тонкостей. Твёрдость семь соответствует закалённой стали!

То есть таким жалом наша «приятельница» могла бы пробить даже тонкую жёсть, не говоря уже о такой мелочи, как брезент наших комбинезонов. Семь – это, повторяю, *очень* много.

Далее. Яд чрезвычайно сильный. И специализированный. Вы когда-нибудь слышали о насекомом с ядом как у пресмыкающегося, то есть, змеи? Нет? Вот и я не слышал.

Ну, и наконец – размер. В атмосфере с восемнадцатью процентами кислорода размер насекомых не может составлять больше двух... ну, трёх, сантиметров. Это обусловлено спецификой их дыхалец и трахей. А тут – восемь! Именно поэтому я и настаиваю на анализе ДНК. Ну и ещё...

Ещё я хочу отметить, что уже разведочная экспедиция указала на странную аномалию.

Здесь ни они, ни мы не встретили практически ни одного крупного млекопитающего. Да что там: вообще никаких форм животных, крупнее всё тех же ежей.

Да, ежи тут есть, а травоядных – ну, там, оленей, баранов, свиней, коз, сусликов, мышей, наконец – нет.

И хищников, которые на них охотились бы, соответственно, тоже. Нет ни пернатых, (То есть – птиц типа сов или соколов. Или – хотя бы воробьёв.) ни больших грызунов. Так, несколько видов кротов, лягушки, землеройки... – док умолк, не глядя в глаза Натану.

Тот, впрочем, не оплошал:

– Вы хотите сказать... что эти осы – выведены кем-то искусственно, или... или завезены на эту планету. Чтобы расчистить её от крупных животных и... млекопитающих?!

Теперь док довольно улыбался – коллега не подкачал:

– Именно это я и имел в виду. И теперь с помощью анализа ДНК мы выясним, насколько чужероден организм-агрессор эндемичным формам, чтобы точно знать: он *абсолютно* чужероден, или создавался всё же на базе какого-нибудь местного вида, и улучшены только частности – вроде прочности и размера жала, и яда!..

Натан покивал. Он уже понял, что матёрый специалист с огромной практикой видит куда глубже, чем он.

Значит, надо тянуться... Расти. Профессионально.

Он кивнул, и приступил к делу.

На изготовлением препаратов ушло не больше пятнадцати минут.

Когда все схемы, графики содержания элементов и аминокислот, и расшифровка хромосом оказались на экранах медицинского компьютера, Натан с нескрываемым восхищением покачал головой:

– Док, не обижайтесь, но вы – гений! Откуда вы так хорошо знаете насекомых? И как догадались?!..

В улыбке Надаля не было удовлетворения. Только самоирония.

– Ах, молодой человек... Если бы через ваши руки прошло *столько* укушенных... И укушенных *столькими* тварями... Вы бы смело защитили Докторскую Диссертацию по внеземной токсикологии и сравнительной генетике! Ничего, даст Бог, ещё успеете.

Хотя, впрочем, будем всё же надеяться на лучшее: чтоб *ваших* укушенных оказалось поменьше.

Командир корабля, полковник Джон Мур, выслушал второй доклад Керка не перебивая.

Он знал, что на выдержку и компетентность начальника Лагеря номер три вполне можно положиться. Как, впрочем, и на всех остальных подчинённых. Труссы, слабаки или глупцы в колонисты не попадают. А уж в руководители отбирают только лучших. И это грамотно: иначе невозможно окажется

качественно выполнить ту работу, которой они заняты здесь, и во всех других колониях. Да и попросту – выжить.

Видеоизображения, переданные через спутник связи, полковник тоже рассмотрел внимательно. После чего вздохнул. Голос его, однако, оставался спокойным:

– Значит, эта пещера в четырёх милях от Лагеря?

– Да, не более. Поэтому всё и было сделано так быстро. Мальчик останется, конечно, без руки, но проблема не в этом. Худшее – это результаты исследований.

Они, разумеется, предварительные. И, возможно, я преувеличиваю опасность, но как мне кажется, в данном случае лучше преувеличить, чем недооценить!

– Согласен. – полковник уже просчитал все возможные варианты, и выбрал, как всегда, наиболее безопасный.

Ему, в отличие от гражданских начальников, было плевать на то, во сколько обойдётся любое его действие. Его главной задачей было обеспечить *безопасность жизни людей* колонии «Нью-Вашингтон», или, по-другому, Краб КР – 3/239.

Поэтому он отдал распоряжение спокойно:

– Отправьте туда двоих наиболее подготовленных, в скафандрах повышенной защиты. Лучше всего – термических. Пусть обследуют пещеру досконально. Если обнаружат ещё гнёзда, пусть уничтожают на месте, из огнемётов. Второе.

Все наружные работы на три дня приказываю свернуть. Те, что невозможно отложить, выполнять с помощью везде-

ходов, из которых выходить только в скафандрах, или выпускать для работ дроидов. Я собираюсь отдать аналогичные распоряжения начальникам всех Лагерей.

Больше того. Подготовьте всё необходимое на случай экстренной эвакуации. Не хочу никого пугать, но у нас, возможно, более серьёзные неприятности с этими... осами. – полковник сделал паузу, чуть кивнув. Лицо на мониторе перед ним чуть повернулось – так Керк обычно выражал вопрос.

– Да, Керк. Но – пока неофициально: у нас пропала связь с Лагерем пять.

Правда, они предупреждали, что связи не будет три дня. Дело в том, что их фундамент их антенны погрузился в оттаявшее болото, и они собирались перенести её на более сухое место. Однако связи нет уже не три, а четыре дня.

А поскольку они располагаются много южнее, и там полная... Хм... Весна, возможно... Сам понимаешь – конечно, могут быть и обычные проблемы и накладки, но!

Поэтому я через час отправляю туда челнок с командой спасателей, и сообщу сразу, как получу результаты. – полковник повернулся к кому-то в рубке, и что-то сердито сказал. Затем вновь развернулся к Керку, – А ты пока на всякий случай готовься.

Да – не забудь объявить благодарность своему... Вебстеру. Мальчишку, конечно, жаль, но как знать... Может, он такой ценой спасает всех остальных от чего-то похуже.

И вот ещё что, Керк. Конечно, твой док Натан молодец. Да

и Лайонелю я вполне доверяю. Но я пришлю к вам Маккаффи. Всё-таки он профессиональный ксенозоолог. С большим стажем и опытом.

Думаю, нам не помешает знать то, что он сможет выяснить.

Натан отодвинулся от стола, и прикрыл рукой рот в маске.

Нет, то, что произошло с рукой бедного Дика, описать для диктофона было явно выше его сил... Спас его от очередного позыва оклик дока Лайонеля.

– Доктор, можно вас на минуту?

Глядя в экран, Натан довольно долго не мог сосредоточиться на том, что тот показывает.

Когда же смысл дошёл до него, он только сказал:

– Гос-с-поди...

Док Лайонель закончил эту мудрую мысль за него:

– Вот именно. Ни следа присутствия фагоцитов. Как нет и ни одного вируса, бактерии, или любых других микроорганизмов, всегда имеющихся в крови... То есть теперь эта тварь действительно сможет съесть... э-э... продукт переработки. И её жизни ничто не будет угрожать! Этот яд, так сказать, универсальный растворитель и дезинфектор... и... И чёрт его знает, что ещё.

– То есть... Если бы эта тварь попала на землю, она смогла бы... Жить и питаться?!

– Да. И смерть от несовместимости с нашими микроорга-

низмами ей не угрожала бы уж точно. Как и от разницы в составе атмосферы и прочих милых мелочах, обычно смертельных для чужаков-ксеноморфов. И про которые изящно «забывают» чёртовы создатели фильмов-ужасов со всеми этими злобно-плотоядными «чужими» и «циклопами».

Оба помолчали, обдумывая ситуацию. Очевидно, мысли им пришли почти одинаковые.

– Я в такой ситуации... Хм-м... Не слишком уповал бы на консервацию в формальдегиде. Кто знает: если просушить...

– Доктор, вы безусловно правы! Если вы не против... Под мою ответственность, как представителя от биологии. Я предлагаю отделить головы от остального туловища.

Если будет разрушена нервная цепочка от головного мозга, эти двенадцать монстров уж точно не оживут!

– Согласен.

После того, как всё было сделано, доктор Лайонель прямо рукавом утёр пот, проступивший на лбу:

– Об этом тоже нужно быстрее доложить. Это – настоящее универсальное биологическое оружие. И, вероятно, попадания на землю всего одной живой особи будет достаточно...

– Да. Полностью с вами согласен, доктор! И чем скорее...

– И чем скорее там, на земле, начнут разрабатывать противоядие, тем лучше! Всё-таки к инопланетному разуму неприменимы нормы нашей морали. Вдруг им приглянутся и наши тёпленькие уютные планетки!

Доктор Гильденштерн схватился за консоль микрофона

экстренной связи, и щёлкнул тумблером:

– Внимание! Вызываю руководителя Колонии номер три!
Экстренное сообщение...

Майк Мэнсон и Рупперт Хейнеман весьма деловито спу-
скались по широкому коридору.

Портативные огнемёты приятной тяжестью придавали
уверенности, а скафандры с бронелистами и термозащитой
хоть и весили немало, зато дышать в них было одно удоволь-
ствие: они подавали смесь с двадцатью процентами люби-
мого кислорода, а не восемнадцатью, как приходилось до-
вольствоваться здесь. И хотя, разумеется, всем сделали все
нужные прививки, дыхание на Нью-Вашингтоне вызывало
затруднения практически у каждого – от детей до пожилых
ветеранов.

От входа они удалились уже на добрых сто шагов, когда
Рупперт указал перчаткой:

– Смотри! Рюкзак мальчика! Продукты. Значит, это гнез-
до висело где-то здесь...

– Не обязательно. Просто здесь проход шире, и пере-
крёсток, – Майк кивнул в сторону бокового ответвления, –
Брендон мог его перенести сюда, чтобы обработать руку.

– Да нет, вряд ли. Помнишь – он сказал, что очень спе-
шил перетянуть предплечье до того, как яд дойдёт... Так что
можно начинать.

– Хорошо, согласен. Ну что, поделимся?

– Разделимся. Только смотри всё же – поосторожней. Док сказал, что глубина укуса может доходить до сантиметра. А скафандр – всего сантиметр и есть...

И ещё – постарайся не заблудиться.

– Ага, очень смешно. В таком случае и я тебе посоветую: встретишь какую-нибудь пещерную нимфочку, зови меня – так уж и быть, я подержу фонарь. – оба нервничали, стараясь спрятать страх за традиционными шуточками.

Оставив у развилки пакет с промежуточным усилителем, оба двинулись вглубь ходов.

Сезар Родригес, оставшийся у коптера с запасным скафандром, слушал их неудачные попытки острить, без комментариев. Понимал, что отвлекать – опасно.

Он был, как и док, матёрый ветеран: двадцать лет на Промежии ЛД – 2/171. А ещё он сейчас внимательно следил за изображением, поступающим с наплечных мониторов. Пока ничего подозрительного. Пещера как пещера. Осиных гнёзд не видно.

Инженеры-технологи нервничали неспроста. Док Лайонель лично пришёл проводить их к коптеру, а советы его никогда не бывали неуместными. Да они и сами понимали – лучше подстраховаться, чем быть... Представление о том, что может произойти, они имели чёткое.

Керк посчитал необходимым сразу после происшествия ознакомить всех членов Лагеря номер три со всем случившимся, заодно объявив при всех благодарность Брендону за

мужество и профессионализм – так что опасность, с которой можно столкнуться, не явилась бы теперь неожиданностью.

Коридор, широкий и достаточно удобный для прохода вначале, после развилки стал куда уже и круче. Спуск проходил не так гладко, как вначале – даже ребристые подошвы не спасали. На слизистой плесени, покрывавшей пол и стены, они часто спотыкались и даже падали.

Майк, которому достался центральный проход, вскоре обнаружил место, откуда Брендон отбирал образцы: свежий скол ярко блестел в свете мощных налобных и наплечных фонарей, по сравнению с остальной тусклой и как бы матовой поверхностью стен.

Сообщив об этом напарнику, Майк двинулся дальше. Ход сильно сузился, так, что пришлось протискиваться. Огнемёт постоянно застревал, и приходилось то нагибаться, то приседать. Пыхтение его заглушил возглас Рупперта:

– Эй, Майк, Сезар! Кажется, я нашёл то что надо! Не хочу никого пугать, но здесь... минутку... Не меньше шестидесяти-семидесяти осинников! Сама пещерка почти как комната, и они – на потолке.

– Подожди, ничего пока не делай. – отозвался Майк, – Может, там есть ещё ходы?

– Нет, у меня тупик. А как там у тебя?

– Пока пусто. Я уже спустился метров на сто. Лаз уж больно крутой. Нет, дальше точно, чёрт его дери, в скафандре, да ещё с ранцем, не пролезть! Да и сыро здесь – как в брюхе

у кита! Вряд ли будут гнездовья даже мокриц... – пыхтение недвусмысленно сказало слушателям, что достаточно плотный Майк дальше не продвинется, – Всё. Дальше – никак. Руп, подожди, я сейчас выберусь, и приду к тебе. Пока не жги их!

В течении десяти минут Рупперт описывал словами колонию белых грушеобразных ёмкостей со смертоносной начинкой, измерял по приказу Керка температуру и влажность в пещере, и всё снимал на видео.

Когда до него добрался, наконец, Майк, всё было закончено.

Теперь два огнемёта заполнили пространство пещеры, действительно напоминавшей комнату, яркими шарами и языками оранжевого пламени.

Температура сразу подскочила до ста с лишним градусов – если бы не скафандры, дышать точно было бы нечем. Басовитый гул климатизаторов перекрывался только гулом рвущихся из сопел огненных струй. Вскоре не то что потолок – даже пол почернел.

Тем не менее оба поливали морщившиеся серые шары кипящими струями ещё добрых пять минут. Как профессионалы, они привыкли всё делать добросовестно.

Керк как раз слушал доклад Сезара о том, что происходит в пещере, когда Лагерь вызвали с Корабля. Лицо полковника ничем не отличалось от обычного, но Риган сразу понял –

случилось.

– Внимание, начальник третьего Лагеря. Это официальный Приказ. Экстренная Эвакуация.

Керк, на сборы и консервацию оборудования у вас два часа. Потом придёт челнок. Сейчас я отправил его за колонистами второго Лагеря. Он пока не пострадал, но он южнее вашего, и я считаю, что риска сейчас для них больше.

– Вас понял. Приказ ясен. Начинаю экстренную эвакуацию. – слова Керк произносил автоматически, с отчаянием думая, что, похоже, спасти из Лагеря номер пять не удалось никого.

Тихая и мирная планета, как в кошмаре, на глазах превращалась в смертельно опасную ловушку.

Шайна теперь только молчала.

Благодарность, высказанная Брендону, похоже, превратилась для неё в то же, что и красная тряпка для быка.

В пощёчину. В личное оскорбление.

Брендон тоже не слишком усердствовал в налаживании отношений. Он знал более-менее полно весь набор «программ поведения» своей сексапильной жены. Понять и его, и Джима Тимански, выбор, было нетрудно... Трудно было понять, как первому мужу удалось не бросить её после трёх лет брака, а Брендону – после восьми.

В тесноте челнока, где все шестьдесят восемь человек Лагеря номер три поневоле лежали прямо на полу, обитом мяг-

кой губкой, на наспех набросанных матрацах, разговаривать оказалось вполне возможно – рёв двигателей почти не про-никал в отсек.

Но все предпочитали помалкивать. Плакала только Норман – пятилетняя дочь Майка и Вайолет Мэнсон. У неё там, внизу, остался недостроенный старшим братом Бобби замок из песка, и парк для кукол-принцесс...

Остальные почти спокойно перенесли расставание с него-теприимной планетой.

Да и то сказать – десять месяцев зимы с её метелями и со-рокаградусными морозами доконают кого угодно. Досадно только, что вот – казалось бы, наконец пришла долгождан-ная весна, живи, работай, отдыхай в выходные на просторах девственной природы...

Ан – нет. Природа защищена. Причём – защищена от лю-бого вторжения теплокровных существ. Сколько придётся теперь ждать в тесноте страшующего Корабля, ответить ни-кто не может.

И если Комиссия, запрошенная полковником Муром из Администрации метрополии не сможет решить вопрос с гло-бальным уничтожением дьявольских насекомых, планету, как ни жаль, придётся оставить.

Это понимали все. В том числе и Шайна. Глотая слёзы, она прижимала к груди маленького Дика, сознавая своё пол-ное бессилие, и беспочвенную (как оказалось), но от этого не менее свирепую ненависть (О-о!.. Она была в этом уверена!)

к этой подлой свинье Брендону.

Если бы кто мог забраться в мозг Уэбстера-младшего, там он не без удивления обнаружил бы огромную любовь и теплоту к отцу. И... весьма сложные и противоречивые чувства к матери. Не последним из которых был страх.

Совещание проходило в кабинете полковника. Поэтому в небольшой комнате все вызванные лица разместились не без труда. Кому не хватило кресел и дивана, сидели на позаимствованных из других кают стульях, или даже стояли.

Здесь были все, отвечающие за нормальное функционирование Корабля, начальники всех восьми ЛагереЙ, их заместители, и штатные учёные – биологи, химики и врачи.

Курить не разрешалось, так что многие тихо переговаривались и почёсывались, пока не пришёл сам полковник. Все встали.

– Садитесь, садитесь. – полковник быстро прошёл за свой стол, и сел сам. – Я только что разговаривал с заместителем Председателя Совета Директоров. Комиссия вылетает завтра. Значит, у нас они будут... не раньше чем через сорок дней. Если будет принято решение закрыть Колонию, обратно полетим на двух кораблях – нашем, и том, на котором прилетит Комиссия.

Если же Колонию решат оставить, вероятней всего будет принят какой-то план по глобальной зачистке Краб КР-3/239 от насекомых, названных «Оса Нью-Вашингтона».

Другие варианты действий пока не рассматриваются.

Генетические материалы, которые мы отослали, позволят выработать пестициды, поражающие только данный вид. Остальные виды, если я правильно выражаюсь научным жаргоном, эндемичны. И опасности не представляют. – вопро- сительный взгляд в сторону Алана Маккаффи.

Пожилой учёный кивком подтвердил, не спеша, впрочем, что-либо добавить.

Полковник, свирепо посмотрев на поверхность стола перед собой, и не найдя там ничего утешительного, продолжил:

– Столь длительное совместное проживание на корабле такого класса более семиста человек, инструкциями, насколько я помню, не оговорено. Ещё ни одна Колония не сталкивалась с реальной необходимостью всеобщей эвакуации. Даже на Роханне удалось предотвратить... Хм.

Поэтому приказываю. Начальникам ЛагереЙ – обеспечить равномерное размещение людей в выделенных помещениях. Мы не должны допустить: А. Возникновения эпидемий из-за тесноты, и – Б. Возникновения конфликтов из-за этого же. Господин майор! – Мур повернулся к Посейдону Дарра, своему первому заместителю, – вам поручаю оборудование второй столовой, расширение штата камбуза и составление графика приёмов пищи так, чтобы исключить пересечение этих приёмов для членов всех ЛагереЙ.

Далее. Лейтенант Смитсон, ваш взвод займётся очисткой подсобных помещений палубы «Ц» от законсервированного

оборудования и запчастей, для последующего размещения там беженцев из ЛагереЙ... – распоряжения командира Корабля были подробны и рациональны, поскольку отработывались многими поколениями Администраторов Министерства Колоний, и Армейского руководства Флота.

Каждый получил свою долю положенных указаний. Записал, или запомнил, в соответствии со своими привычками, и подтвердил, что задача ясна. В любом случае – забывшие, или что-либо недопонявшие всегда могли обратиться к записи: согласно правилам, все Совещания записывались оборудованием «чёрного ящика» корабля, и хранились вечно. Когда же Корабль списывали – дубликат записи передавался во флотский Архив.

Через час с небольшим полковник в последний раз обвёл всех нарочито спокойным взглядом, и получил последний утвердительный ответ.

– Теперь о главном. Я знаю, в связи со спешкой и неразберихой экстренной эвакуации многие не совсем в курсе произошедших событий. Меньше всего мы хотим здесь распространения преувеличенных слухов и глупых домыслов. Такое... недопонимание ситуации иногда ведёт... скажем так: к непредвиденным ситуациям.

Поэтому я хочу, чтобы вы в... э-э... неформальной обстановке провели общие собрания всех своих людей, и довели до них информацию о том, что, собственно, на планете произошло. И почему мы были вынуждены эвакуироваться. –

полковник помолчал, ещё раз обведя всех жёстким взглядом. Затем сказав только – «Прошу вас, профессор», откинулся на спинку кресла.

Профессора Алана Маккаффи представлять совершенно не было нужды – присутствие крупнейшего авторитета по внеземным формам жизни на новой планете было его, так сказать, почти «почётной обязанностью».

Неторопливо распрямив согнутую годами и благоприобретённым в десятках экспедиций сколеозом спину, он прошёл к доске, на которой висел старомодный плакат из бумаги, повернутый чистой стороной наружу.

Профессор развернул его.

Ручкой он указал на самое на его взгляд, важное из нарисованного:

– Это – жало «Осы Нью-Вашингтона». К счастью, с ним из присутствующих практически никто не сталкивался лично, кроме доктора Надаля, – вежливый кивок в сторону сухопарого ветерана, – и доктора Гильденштерна, – снова вежливый кивок.

– Поясню, почему – к счастью. Прочность стержня этого жала такова, что позволяет довольно легко пробить почти миллиметровую пластину из алюминия, карболита, ситалла, не говоря уже о жести или толстом брезенте.

Поэтому люди, даже облачённые в стандартный скафандр, не могут считаться защищёнными: все четыре слоя легко пронзаются на глубину до одиннадцати миллиметров. А как

вы знаете, толщина обычного скафандра не превышает восьми.

Теперь о яде. Нейротоксины, содержащиеся помимо всего прочего в весьма обширном мешке, – Маккаффи показал этот самый мешок, – вызывают чрезвычайно сильную боль. Фактически шок от этой боли полностью обездвиживает ужаленного, делая какие-либо конструктивные оборонительные, или нейтрализующие яд действия, невозможными.

Я имею в виду, – поспешил пояснить своё высказывание профессор, – что тот, кого укусили, не сможет не то, что убить осу, но даже самостоятельно ввести антидот, не говоря уже о том, чтобы наложить жгут на атакованную конечность. Если же укус будет произведён в туловище или голову, спасение...

Не представляется возможным. Во всяком случае, при наших теперешних антидотах, и... Всем прочем.

Помолчав, чтобы слушатели оценили подчёркнуто спокойным тоном сказанные последние слова, Маккаффи продолжил:

– Ферменты, содержащиеся в составе яда, позволяют в считанные минуты растворить всю клеточную структуру вокруг укуса. Наиболее активно эти энзимы воздействуют именно на клеточную мембрану. При этом поражённые клетки и плазма крови сами начинают продуцировать во всё возрастающем количестве эти ферменты и энзимы.

И таким образом поражение распространяется дальше –

на всё тело, со средней скоростью около сантиметра в минуту. То есть, менее чем за два часа всё тело жертвы превратится... Простите... В полужидкое пюре, полностью готовое к потреблению в пищу личинкам и самими осам.

Профессор говорил, вроде, спокойно, однако бледность выдавала его волнение. Все остальные сидели молча, не желая прерывать страшную лекцию обычными в таких случаях вопросами. Положение оказывалось настолько серьёзным, что вынужденное поспешное бегство уже не казалось глупым и позорным.

– О том, что мы потеряли всех, кто жил в пятом Лагере, вы все уже знаете. Мы с господином полковником обсудили ситуацию, и пришли... К решению, что всё же лучше, несмотря на все негативные эмоции, которые неизбежно возникнут, показать вам непосредственно видеоматериалы. Пожалуйста. – Маккаффи кивнул своему помощнику, и включился большой монитор на стене за спиной Мура. Свет погас.

На экране появилось изображение Лагеря номер пять, снятое с довольно большой высоты.

– Это видеозапись с камеры, установленной на новой антенне пятого Лагеря. – пояснил профессор, – Она лучше всего зафиксировала произведённое... нападение.

Камера оказалась ориентирована точно на юг.

Мирную картину обычной работы ничто пока не нарушало. Солнце стояло почти вертикально – вероятно, наступил полдень.

У ворот ангара трое механиков возились в моторном отделении большого гусеничного вездехода. Одна из женщин развешивала бельё на тросах, растянутых между двух столбов с поперечными перекладинами. На пространстве песочницы, укрытой тентом, возились пятеро малышей не старше четырёх-пяти лет, под присмотром девочки-подростка, читавшей книгу, сидя рядом на складном стуле. Остальных женщин видно не было.

Мужчины же Лагеря, вероятней всего, ещё находились в шахте. Её горловина зияла привычно широким чёрным квадратом. Мощные вентиляторы гнали огромные массы свежего воздуха по толстым воздуховодам вниз. Качаясь и вибрируя, бежал транспортёр размельчённой вынудой породы. Здание перерабатывающей её в концентрат фабрики, и терриконы отвалов оставались вне поля зрения камеры.

Внезапно откуда-то сверху, почти отвесно, спикировали несколько сотен словно бы янтарных капель. Профессор, поджидавший этого с пультом в руке, быстро нажал кнопку.

Изображение замерло. Потыкав пульт, Маккаффи укрупнил один из участков.

Капли зазолотились на солнце.

– Атака началась почти точно в полдень. Поскольку нападавшие двигались сверху, да ещё со стороны солнца, заметить их с поверхности до непосредственно момента атаки невооружённым глазом, без приборов, абсолютно невозможно. И не только нам, а вообще – любому существу с нормаль-

ным зрением. Поскольку радар Лагеря был отключён, я не могу сказать сейчас, помогли бы тут приборы... Теперь посмотрите вот сюда. – профессор вновь вернул общий план, – Видно, что нападающие придерживаются некоего подобия плана, если мне позволительно высказаться так о насекомых, ведомых «тупым» инстинктом.

Они разделили свои силы весьма грамотно. Не летят, так сказать, всей кучей на самый крупный тепловой объект – подойдя, Маккаффи ткнул ручкой в шахту, – А атакуют пропорциональными силами одновременно *все* объекты Лагеря. Что это такое – инстинкт, или благоприобретённый опыт, или... Да, я допускаю мысль о возможном дистанционном управлении – в том случае, если удастся найти управляющий Центр, или запеленговать подаваемые извне сигналы.

Пока, во всяком случае, ни органов для приёма таких сигналов, ни самих сигналов не запеленговано. Следовательно, эта гипотеза пока остаётся... недоказанной. Впрочем, на наши действия это никакого влияния не должно оказывать: разумней считать противника способным на принятие самостоятельных решений, отвечающих вопросам оптимальной тактики. Если сравнить с земными видами ос, живущих семьями... Э-э... Впрочем, извините, об этом – позже.

Профессор нажал кнопку, и изображение вновь оживо.

Первыми пострадали мужчины у вездехода. Звука не было, но по судорожным машущим движениям и искажённым страданиям лицам было видно, что «цели поражены». Ме-

ханики очень быстро оказались буквально облеплены жёлто-золотистыми наростами, и теперь только в отчаянии катались по земле. Широко открытые в немом крике рты заставили всех зрителей заёрзгать и судорожно задыхаться – картина поражала дикой жестокостью: словно тела бьются в пламени, а не от боли укусов!..

Почти одновременно оказались атакованы и облеплены и все дети – кто-то из присутствующих поспешно встал и выбежал, зажимая рот. Зрелище мучений несчастных детей, передаваемое бесстрастным монитором, даже на полковника, уже в третий раз видевшего запись, всё ещё действовало ужасно.

Однако всё это продолжалось недолго: буквально несколько секунд.

Янтарные капли внезапно оставили свои жертвы, и ринулись на выбежавших из домов и вагончиков, очевидно, на дикие крики жертв атаки, женщин, и остававшихся на поверхности мужчин.

Теперь корчащимися на земле телами было покрыто почти всё поле зрения камеры. Спустя опять-таки буквально несколько секунд весь поток солнечно искрящихся и отблёскивающих золотом насекомых, ринулся к жерлу шахты, и исчез в ней.

Однако действие на этом не закончилось.

Из дальнего домика выбежал невысокий мужчина в скафандре, и со всей возможной скоростью кинулся к зданию,

в котором располагался пункт связи. Не успел он сделать несколько шагов, как снова сверху, из-за пределов обзора, ринулся ещё поток янтарных капель, и облепил всего человека. Несколько шагов тот ещё бежал. Очевидно, скафандр неплотно прилегал к телу, и жала не могли достать до плоти. Однако атака продолжалась.

Насекомые, которых бегущий мужчина пытался стряхнуть руками перед тем, как войти в дверь, ползали по всей поверхности скафандра. Наконец, судя по тому, как конвульсивно изогнулось тело несчастного, одной или несколькими осам удалось прокусить ткань в области спины.

Конец ужаленного был столь же мучительным, как и у остальных атакованных. Дверь в пункт связи осталась неоткрытой...

Маккаффи выключил монитор. Повисшее гнетущее молчание прервал полковник.

– Этот мужчина в скафандре – доктор лагеря, Дин Федорс, единственный не растерявшийся, и не выскочивший сразу на крики. Однако теперь вам понятно, что и стандартный скафандр не является защитой. Впрочем, извините. Профессор, прошу вас – продолжайте.

– Э-э... Да. – Маккаффи прочистил горло, – Собственно... мне бы не хотелось показывать сцену... э-э... питания ос. Она довольно... специфична. И я бы сказал – омерзительна!

Так что давайте сразу перейдём к видеодоказательству, полученному отрядом спасателей.

На мониторе вновь задвигалось изображение. Съёмка теперь велась с чьей-то камеры, расположенной на плече. Мощные налобные прожектора выхватывали из окружавшей темноты то чьи-то ноги, то кусок почвы, то кусты. Перед оператором шагало несколько человек в скафандрах – свет прожектора камеры отблёскивал от баллонов и бело-серых поверхностей защитных костюмов. Было слышно, как люди переговариваются между собой и с командиром челнока: «Как у вас?», «Пока ничего, подходим к зданиям». «Господи!..», «Да это же Кармак!», и далее всё это заглушил приказ лейтенанта: «Всем замолчать! Приказываю – снимать всё! Руками пока ничего не трогать! Повторяю – не трогать!..»

После этого было слышно только несколько отрывочных возгласов, брань, вздохи, да звуки рвоты – кого-то выворачивало прямо в скафандр.

Зрелище на экране казалось нереальным. Диким. Невроятным. Словно воплотившийся в реальность кошмар из фантастического фильма...

Хоть присутствующие попали на свои должности отнюдь не из-за неустойчивой психики, а как раз наоборот, и были подготовлены к тому, что предстоит увидеть, многие из оставшихся в кабинете и сами еле сдерживались.

Вместо тел на земле лежали плоские и растёкшиеся мешки из плоти. В высоту ни один «блин» не превышал пяти

сантиметров, разлившись по площади более двух квадратных метров.

Лица некоторых, обращённые кверху, ещё можно было узнать, так как череп ещё не совсем растворился, и кожа обтягивала его тонкой плёнкой. Через особенно большие отверстия – очевидно, укусы – часть плоти вытекла прямо на почву, и блестела жуткой розовой жижей...

Затем, очевидно, профессор вырезал часть записи, так как на мониторах уже была полость шахты.

Теперь перед ними были лужи розовой плоти, заключённые в комбинезоны. Все комментарии заглушал рёв работавших как ни в чём не бывало циклопических машин: проходческие комбайны не нуждались во вмешательстве в свою автоматизированную работу, веером удаляясь от центрального ствола в горизонтальные штреки, и три ручейка добытой породы так и продолжали течь по ленточным транспортёрам к общему конвейеру, тянущемуся наверх.

Поклодовав ещё над пультом, Маккаффи наконец отключил звук. Наступившая тишина повисла почти зримой угрозой.

Тела буквально устилали пол. Камера переместилась.

Над бригадиром, лежащим рядом с центральным пультом внутри застеклённой каморки, бессмысленной куклой застыл склонённый дроид. Эта картина наверняка надолго впечатается в мозг всех – как спасателей, так и тех, кто смотрел в монитор.

Профессор, сам всё ещё под сильным впечатлением от «объекта исследования», поспешил выключить изображение.

– Выживших не осталось. – сообщил он снова, будто остальные этого и так не знали, – Все тела... эвакуированы и заморожены. Вероятнее всего, мы кремируем их после всех... э-э... исследований.

Далее. По поводу ваших... Э-э... сообщений своим людям. Не знаю, какими словами тактичней передать *такое*. Материалы моего рапорта можете получить непосредственно у меня, в лаборатории. Там я описал всё... Произошедшее. У меня всё. – он внезапно поклонился и прошёл на место. Встал полковник.

– Теперь вы сами всё увидели. И лучше понимаете, почему я приказал провести экстренную эвакуацию. Профессор указал, что диапауза, то есть, период спячки этих... Ос... Позволяет им великолепно перенести в состоянии сна все десять месяцев местной зимы. И теперь они повсеместно... э-э... будут вылетать. В своих гнёздах они ожидают только повышения среднесуточной температуры, уже полностью сформировавшимися.

В-принципе, всё как у земных видов. Но эти куда выносливей. И опасней.

Вероятнее всего предположить, что их отличное зрение и большие крылья позволяют им барражировать, так сказать, в режиме дежурства на значительной высоте, в восходящих

потоках тёплого воздуха, ведя активный образ жизни в светлое время всего летнего периода. Только этим и можно, вероятно, объяснить, что отряд спасателей не подвергся нападению – стояла глубокая ночь.

Так что в известном смысле нам повезло. Пятый лагерь был расположен южнее всех, и весна в нём наступила раньше всех.

С другой стороны, если бы не несчастный Дик Вэбстер, и не оперативные и мужественные действия его отца Брендона, я бы, возможно, выжидал ещё день-другой, думая, что перерыв в связи вызван обычными техническими причинами. Это меня ни в коей мере не извиняет, и я уже послал рапорт, с просьбой о моей отставке. Пока она не принята.

Значит, пока я остаюсь вашим формальным руководителем. Поэтому пока вам придётся выполнять мои приказы и распоряжения.

И помните – мы должны обеспечить... Выживание людей.

Оставшись наедине, после того как разошлись потрясённые люди, Мур и Маккаффи неторопливо уселись друг напротив друга за показавшимся теперь таким огромным столом.

Сосредоточенный взгляд полковника внезапно стал ироничным:

– Док. Я смотрю, общение с военными идёт вам на пользу – вы так лихо употребляете термины «нападение», «так-

тика», «рассредоточение»...

– Уж не без этого... Впрочем, ваше замечание имеет и обратную силу. Вы тоже весьма профессионально отметили «эндемичные виды», «диапаузу», и прочую дребедень из научного жаргона. Так что думаю, и в дальнейшем наше общение будет приносить обоюдную пользу – хотя бы в смысле обогащения словаря.

Полковник, блеснув глазами исподлобья, криво улыбнулся:

– А я надеюсь, что столь плодотворное сотрудничество поможет всё же придумать что-то реально полезное для наших людей быстрее, чем это сделают умники и чиновники из чёртовой «Комиссии»...

Джимми Магвайер, высунувшись из-за угла, подал сигнал. Прижимаясь к стенкам полутёмного коридора, Кайл Вентура и Хэл Барлок прокрались к нему.

– Чисто! – заговорческий шёпот Джимми звучал слишком нарочито даже для него самого. Быстро и по возможности тихо они прошли ещё один коридор. Следующий угол был за Тони.

Однако, хотя он и сказал, что «чисто», это не помешало двери, мимо которой они прокрались, открыться, выпустив мальчика лет девяти-десяти. И надо же было случиться такому, что этим мальчиком оказался Сэмюэл Престон!..

Личность, в-общем-то, уникальная, и в своём роде даже

легендарная.

Во всяком случае, о том, что его любимая игра, превратившаяся в настоящую манию, («Космический суперагент Джеймс Бонд сто семнадцатый снова спасает Мир людей от Заговора злобных Врагов!») перессорила его со всеми несовершеннолетними членами даже своей колонии, знали все дети Корабля. И сейчас чёртов убудок, похоже, вычислил-таки их миссию!..

Джимми выпрямился, понимая, что терять уже нечего, и вразвалочку подошёл к Сэму.

– Эй, малец! – в голосе его сквозили неприкрытые злость и желчь, – Ну-ка, быстро! Пошёл назад – к себе!

«Малец», лицо которого расплылось в довольной ухмылке, подленько захихикал:

– Хе-хе-хе... Ага... Спешу и падаю. Идите себе, куда вам надо было, и забудьте про меня! Я здесь, типа, не был! В своём комбинезоне невидимости...

Тут он замолчал, потому что получил маленьким, но жёстким кулаком прямо в солнечное сплетение. Однако если отряд заговорщиков надеялся таким образом звукоизолировать юного проныру, они жестоко ошиблись.

Согнувшись в три погибели, Сэм выдал такой писк, что, казалось, он сорвёт с петель двери кают.

Ну, и конечно, по закону подлости первым на его зов выскочил его старший брат, Энтони Престон.

Энтони на Корабле тоже знали все – уже не только дети, но

и взрослые. Досужие кумушки любили повторять, что будь они на земле, первый кандидат в детскую колонию для малолетних преступников – это Энтони.

Поэтому сходу сориентировавшись в ситуации, Тони врезал ближайшему к нему сопляку ногой в живот, а с остальными вступил в очередную упоительную драку, ругаясь пощипывая большинство матёрых космонавтов и уголовников.

– Это уже четвёртый случай с ним за последние тридцать дней. Поэтому, не скажу, что он социально опасен... Но! Я бы, как психолог колонии, рекомендовал его на время изолировать. Хотя бы в виде домашнего ареста. Пусть в его каюте с ним и живут девять взрослых, это всё равно лучше, чем если он будет избивать и дальше всех подростков, «забравшихся на его территорию»!

– Да нет же, док, вы не поняли! – отец Сэма и Тони, Говард Престон, лучший буровой мастер колонии, потел от волнения, но за детей стоял насмерть, даже брызжа слюной в азарте защиты, – Говорю же: те сопляки напали на них первыми! И когда Тони увидел, что бьют его младшего брата, конечно, он вступился! А вы бы не вступились, если бы вашего брата мутызили трое парней, на голову выше, и на пять лет старше?!

– Да, я в курсе, что он «заступился за брата и только оборонялся»!

Я говорю сейчас не о данном конкретном происшествии.

Пусть даже он и заступился. Но ведь у этих сопляков, как вы их назвали, есть свои отцы и даже матери... И как вы думаете, какие чувства они сейчас испытывают по отношению к вам и вашему сыну? – Лин Швайгерт, психолог колонии, оставался спокоен. Психология больших коллективов была его профилем ещё при защите диплома, – Вы бы хотели, например, лично с их отцами прояснить вопросы, почему у Джимми сломано ребро, а у Хэла сотрясение мозга второй степени? Или, вот, скажем, сломанный хрящ носа Кайла?.. Им бы вы тоже объясняли, что ваш сын – который, кстати, не получил ни царапины – был во всём прав? А если бы они вам не поверили, вы бы их сами?..

– Ну... пожалуй, нет. – Говард оттянул воротник комбинезона, ставшего почему-то тесноватым.

– Вот именно. Обстановка у нас на корабле и без таких «разборок» достаточно сложная. Да и чего ещё можно ждать, когда так много людей вынуждено сидеть без дела на столь крошечном пространстве! Теперь вы понимаете, в чём наша проблема?

Поэтому мы хотим изолировать Энтони в его же, да и в ваших тоже, интересах. Скандалы, или, возможно, самосуд, или «разборки» в стиле «крутых ковбоев» не помогут нам в поддержании порядка. И, если не дружеской, то – хотя бы спокойной атмосферы на Корабле!

Говард почесал в затылке, глядя уже в пол.

– Д-д-да... док, наверное вы правы. Вряд ли кто ещё на

корабле будет рад, если Тони ещё хоть раз кого-нибудь... Я сам прослежу, чтобы он не выходил из каюты!

– Я рад, что мы пришли к взаимопониманию. Такое решение, разумеется, неприятно. Но оно – вынужденное в нашей теперешней ситуации. Так или иначе, до того, как Комиссия решит нашу проблему, Энтони лучше побыть в каюте. И – надеюсь, вы поймёте правильно и то, что возле двери, снаружи, подежурит один из морских пехотинцев?

– Э-э... да. Да. – Говард, насупившись, встал, и попрощался с доктором Лином и полковником.

Когда дверь за ним закрылась, полковник констатировал:

– Плохо. Люди не смогут вечно сдерживаться, живя в такой тесноте. Эвакуация была проведена для спасения их жизни, но теперь когда ей ничто, вроде, не угрожает, у нас «социальная несовместимость», чёрт её дерит!

– Джон, – лицо психолога теперь, когда Говард ушёл, выражало крайнюю озабоченность, – «несовместимость», если её вовремя не нейтрализовать каким-либо образом, очень быстро перерастает в неприязнь, ненависть, агрессию, и прямые столкновения.

Боюсь, нам не удастся ограничиться только мальчишкой. Вчера на камбузе подрались две подавальщицы. Их, правда быстро разняли, но... А если в коридорах встретятся матери избитых ребят... Уж и не знаю, что посоветовать такое, чтобы не накалять обстановку ещё больше – хоть расставляй пехотинцев ещё и на всех перекрёстках! Как думаете, пол-

ковник, это возможно, если?..

– Да, в принципе, конечно, возможно. Возможно и Комендантский час объявить. И карцер задействовать... Но пока особой необходимости не вижу. Чтобы не накалять, как вы выражаетесь, эту самую обстановку. Вы специалист. Можете предсказать... э-э...

– ...когда наступит кризис? Думаю, смогу. Ведь признаки бури видны издалека. Наши дети – прекрасный указатель проблем. Они понимают, что всем сейчас плохо. Вот и пытаются разрядить ситуацию своими, как говорится, способами и силами. Помните – что сказал Джимми? Они хотели пробраться в кормовую орудийную башню, и выпустить весь наш арсенал снарядов с отравляющими веществами. И наплевать им было, что погибнет всё живое, находящееся сейчас на поверхности... Но они знают из наших же разговоров – мы тогда сможем вернуться. И проблем с пребыванием на корабле не будет.

Доктор Лин смотрел прямо в глаза полковнику.

– Надеюсь, мне не надо объяснять вам, что эти мысли – только отражение того, что думают, говорят и обсуждают взрослые, их отцы и матери?

Многие считают, что вообще не надо было запрашивать помощи и совета! А надо было сразу зачистить планету от всех местных тварей, ползающих, летающих и бегающих! И не было бы вообще никаких проблем!

Полковник понуро кивнул. Колонисты – не солдаты. У

них воинской дисциплины нет. И все считают себя самыми умными: он слышал о предложениях применить оружие.

Но...

– Нет. Зачищать планету станет возможно только после решения Комиссии. И тут я сделать пока ничего не могу. Значит, нам с вами остаётся только ждать, по возможности избегая взрывов неприязни и открытых конфликтов.

– Значит, будем ждать. Я сегодня собираюсь снова пройти по секторам. Побеседовать.

– Хорошо. Спасибо, док. Дать вам кого-нибудь в... помощники?

– Нет. Надеюсь, меня пока бить не будут. – док криво усмехнулся.

У входа в столовую Говард увидел Грэхема и Кортни, родителей Кайла.

Линда тоже их увидела, и сильнее сжала руку мужа, за которую держалась. Взгляд, которым смотрела на неё Кортни, тёплым назвал бы только пингвин.

Говард замедлил шаг, и засопел, что всегда с ним бывало, когда он чувствовал себя не в своей тарелке. Поравнявшись с родителями пострадавшего, он остановился.

– Грэхем... Кортни. Мне... действительно жаль, что так получилось. Я... хотел извиниться перед вами и остальными родителями. За Тони.

Если Грэхем промолчал, побледнев и набычившись, его

жена наоборот, вскинулась.

Кортни отнюдь не стремилась поддержать на корабле «обстановку спокойствия и взаимопонимания». Сжав крохотные кулачки так, что кожа побелела, она буквально выплюнула в лицо буровому мастеру:

– Засунь свои извинения себе в задницу, ты, волосатая обезьяна! Это ты во всём виноват! Сам его всему научил! Небось, удовольствие получаешь, что твой ублюдок такой крутой и сильный! Ничего, подожди – мы сидеть сложа руки не будем! Уж я-то знаю способ, как навсегда отучить твоего... – вспыхнувшую ссору внимательно слушали все, направлявшиеся в столовую, но никто не торопился развести подальше сжимавших кулаки мужчин, или помочь Грэхему удержать брызжущую слюной женщину.

Однако ситуацию разрядили трое морпехов, быстро вышедших из столовой.

Двое быстро подхватили под руки чету Вентура, и со словами «Вы уже пообедали, пожалуйста, не мешайте другим», буквально потащили по коридору от входа. Оставшийся солдат очень спокойно, только чуть-чуть прикасаясь к их спинам, завёл Престонов в столовую.

Зрители несостоявшегося скандала рассосались как-то очень уж быстро. Возможно, потому что зажужжала моторчиком, поворачиваясь, ближайшая видеокамера.

За столиком в столовой Майк Мэнсон сидел напротив

Рупперта Хейнемана.

Однако считалось дурным тоном заговаривать, пока не закончена еда и не выпит кофе. Впрочем, задерживаться дольше, чем на несколько минут после окончания трапезы тоже считалось дурным тоном – скоро начнут прибывать их сменщики. А им тоже нужно будет поесть.

Поэтому Майк, держа пустую чашку, дождался, пока Руп не поставит свою на стол.

– Слышь, Руп... Это правда, что ребята болтают?

– Что – болтают?

– Ну... что у вас в каюте сделали «тёмную» Берджесу?

– Да, правда. И сигареты его с...ные все в унитаз спустили: пусть не думает, что раз он – Главный химик-технолог, значит, можно на...ать на правила и соседей, и курить в туалете! – Рупперт дёрнул щекой, – Уж будь спокоен – ребята постарались на совесть... Не скоро захочет ещё поывдываться!

– Так – что, он сейчас в медотсеке?

– Вот уж нет. Док Нададь смазал его синяки какой-то жёлтой дрянью, и он теперь живёт с поварами. Они, понятное дело, от него тоже не в восторге...

– Наверное, и они не выносят запаха сигарет. Или – «жёлтой дряни».

Оба плотоядно поухмылялись.

В столовую начали заходить люди из другого Лагеря.

Нужно освободить столик...

Комиссия состояла из восемнадцати человек.

Здесь были представители Колониальной Администрации, Флота, Экологического Комитета, Университета Внеземных форм жизни, Министерства Обороны, и, конечно, ООН.

Первое заседание проходило на корабле прибывших. Поскольку это был линкор, помещение конференцзала позволило удобно разместиться всем сорока пяти ответственным и полномочным лицам как Комиссии, так и Колонии.

Заседание открыл лично сэр Джеймс Тэтчер, совмещавший должность Председателя Комиссии, и Председателя правления Колониальной Администрации. Он представил всех прибывших руководству Колонии Краб КР – 3/239 и Корабля, после чего сообщил, что со всеми предварительными результатами члены Комиссии ознакомлены. И если за прошедшие сорок три дня что-либо кардинально изменилось в ситуации на планете, они хотели бы это выяснить немедленно.

Встал полковник Джон Мур. От лица всех колонистов он выразил благодарность за столь оперативное прибытие Комиссии, и выразил надежду, что учёные, входящие в её состав помогут максимально быстро решить вопросы безопасности людей и ре-заселения этой самой Краб КР – 3/239. А полномочные Руководители примут ответственные решения, наилучшим способом решающие сложившуюся к этому

часу ситуацию...

На планете за это время ничего не изменилось: радары показывают значительную дневную активность противника, патрулирующего практически всю наземную поверхность планеты стаями численностью от двадцати, до тысячи особей. Средняя плотность достигает десяти-пятнадцати особей на квадратный километр.

Особенно велика активность в экваториальных секторах. То есть как раз там, где сосредоточены наиболее доступные и богатые месторождения. Постоянные разведка и наблюдение ведутся силами беспилотных летательных аппаратов, контролирующих непосредственно атмосферу, и радаров Корабля. Отмечена, к счастью, только дневная активность насекомых. Ночью, вероятнее всего, они спят.

Затем Мур попросил о возможности предоставить слово для общего обзорного доклада начальнику научного отдела Колонии, профессору Лесли Маккаффи.

Сэр Тэтчер соблаговолил кивнуть. Полковник сел, профессор встал.

– Господин Председатель! Господа!.. – если профессор и испытывал «священный» трепет по отношению к высокопоставленным членам Комиссии, внешне это никак не проявлялось, – Насколько я понял, все члены уважаемой Комиссии ознакомились с нашими видео– и письменными докладами. Я всё же хотел ещё раз показать сам процесс нападения на наш Лагерь номер пять, чтобы прокомментировать его в

свете полученных нами новых фактов и результатов дополнительных исследований.

Несмотря на смутный гул и двиганье стульев, означавшие со всей видимостью некое недовольство со стороны новоприбывших, профессор вновь прокомментировал видеозапись, окончив её тем, что вывел на экран великолепно выполненную цветную схему – «разрез Осы Нью-Вашингтона».

– В-принципе, если бы не размер, и прочие... как называет их господин полковник, великолепные боевые характеристики, это насекомое мало чем принципиально отличалось бы, по крайней мере, внешним видом, от земных перепончатокрылых. Как нам известно, некоторые подвиды шершней достигают в длину пяти сантиметров, и обладают весьма сильным ядом. Способ питания тоже – хищнический. Только мясом!

Отличий в дыхании тоже нет – вот трахейная система. Только поры в кутикуле сильно увеличены. Головной мозг, подглоточный ганглий – всё похоже на земных ос.

Однако вот, что касается образа жизни и метаморфизма...

У нас есть все основания предположить, что он сильно изменён. Преднамеренно.

Поясню. Земные одиночные осы строят точно такие же гнёзда из бумагоподобной, размельчённой хилицерами, (извините – челюстями) древесной массы. Они так же крепят своё гнездо к потолку... или своду пещеры. – изображение на мониторе показало рядом два гнезда, отличавшихся, на

первый взгляд, только размером, – Вот это – земной осы, – профессор привёл латинское название, которое большинство присутствующих просто пропустили мимо ушей, – а вот – местной. Принципиальных отличий пока не заметно, согласны?.. И правильно – их нет. Наши исследования показали даже идентичность способов строительства. Но!

Земная половозрелая оса появляется из-под земли весной следующего года. Местная, – как показывает радиоуглеродный метод датирования – имеет возраст более семнадцати лет. – профессор сердито ткнул указкой в осу, сидящую в центре гнезда, частично выступая наружу. – Здесь мы имеем уже принципиальные отличия. Во-первых, все эти осы размножаются только партеногенезом. То есть – им так называемое «спаривание» не нужно. Во-вторых, столь большая пауза не характерна для складчатокрылых.

И в третьих. (И это мы считаем основным отличием искусственного нового организма.) Ни одна земная оса не остаётся на зиму возле своей кладки, чтобы охранять и защищать личинок, а вернее, уже полностью сформировавшихся, но ещё не вылупившихся, юных ос с ещё мягким туловищем. И поскольку ей уже семнадцать лет, единственный способ, которым она могла достичь такого – провести глубоко в земле на стадии сна первые шестнадцать (А я напомним – местный год равен двадцати девяти земным месяцам!) лет своей жизни.

Далее. Молодая оса должна совершить несколько кладок весной и летом, с тем, чтобы эти пометы успели запасти пи-

тательных веществ в брюшке и зауклится глубоко под землёй. Наши исследования показали, что до слоя, который не промерзает за десять месяцев, не меньше двух метров. Значит, рыть землю они умеют... И лишь перед смертью, то есть, выждав там, под землёй, семнадцать лет, оса продолжает свой цикл воспроизводства потомства, оставшись охранять своё последнее в жизни гнездо.

Это вкратце о том, что касается образа жизни. Теперь о средствах нападения. Оружии, так сказать. Уникальном и смертоносном.

Вот – это жало. Напомню, что по твёрдости оно превосходит любые из известных нам природных образований. Земной науке пока неизвестны процессы, позволяющие *вырастить*... э-э... орудия такой прочности. И если бы было возможно некоторые наши *инструменты* выращивать так же – скажем, в автоклавах, и с помощью вот таких... искусственных животных, это была бы революция в металлургии.

Поэтому нашим генным инженерам изучение этого боевого и промышленного аппарата может дать очень многое. – откровенно до этого клевавшие носом участники совещания зашевелились, – Что же до яда и растворяющих мембраны клеток ферментов – они с технической точки зрения... великолепны. Очень эффективны и действуют чрезвычайно быстро.

Да, – продолжил Маккаффи, видя что внимание аудитории теперь целиком привлечено к нему, (Ещё бы – речь за-

шла о возможных *прибылях!*) – никаких сомнений в том, что это существо спроектировано и выведено кем-то искусственно, у нас с коллегами Гильденштерном и Надалем, нет.

Те из присутствующих, кто владеет хотя бы азами ксенозоологии, могли бы и сами прийти к такому выводу ещё месяц назад, когда мы передали уточнённые данные. Вот, – щёлкнув кнопкой, он сменил изображение на мониторе схемой спиралевидной конструкции с кирпичиками-блоками аминокислот, – спираль ДНК нашей осы. А вот, – снова щелчок – пары хромосом. Нетрудно заметить, что если сравнивать с хромосомами земных насекомых – вот они, рядом – отличия просто колоссальные. Во-первых, число – сто пятьдесят четыре.

Столько не набирается и у более совершенных и сложных земных созданий. Во-вторых, – ещё щелчок, – Вот здесь для сравнения даны гены и хромосомы местного эндемичного животного. Это крот. Поскольку в его геноме всего сорок шесть пар хромосом, нетрудно понять, что к фауне этой планеты наша оса уж точно никакого отношения не имеет... Ну, и, наконец, в-четвёртых.

Теперь на экране было увеличенное изображение странного животного. Без ушей, с крохотными круглыми бусинками глаз, существо было от носа до конца туловища (А как ещё назвать то место, где полагается быть, но нет и намёка на хвост?) покрыто плотным слоем мощных иголок. Если абстрагироваться от немного непривычной формы лап и мор-

ды, оно до смешного напоминало обычного ежа.

– Это единственный вид, доминирующий сейчас на поверхности.

Мы взяли на себя смелость назвать его «Ёж Нью-Вашингтона», однако... Напоминаю: как ни фрагментарны были наши археологические и палеонтологические изыскания, они однозначно доказали, что всего две тысячи лет назад на поверхности буквально кишели виды, вполне обычные для экосистемы планет подобного типа: зебры, газели, волки, львы, медведи, зайцы и суслики... Разумеется, мыши. Воздух, если мне позволят так выразиться, был наполнен совами, чайками, орлами, воробьями и другими птицами.

Теперь же никого из позвоночных – теплокровных, и так называемых «высших», существ на наземной части поверхности нет. Хотя почвенных микроорганизмов, грибов, растений, насекомых и остальных представителей стандартного биоценоза катаклизм не коснулся. Трава всё так же растёт, лишайники разлагают скалы на составные части для формирования почвы. Плесневые грибки и почвенные клещи разлагают подстилку в субстрат. Деревья и кусты плодоносят.

Только теперь они плодоносят лишь для одного вида. Ежа. И, как вы уже наверняка догадались, его генотип также во всех аспектах отличается от местного. Зато абсолютно идентичен тому, что наблюдается у нашей осы! Сто пятьдесят четыре пары хромосомы. Схема их упаковки, – изображение снова показало спираль, – естественно, идентична...

И очень характерные иглы. Прочнее стали. Поэтому, вполне естественно, возник ряд вопросов, касающихся этих двух видов.

Главный – на мой взгляд, разумеется! – кто и с какой целью создал эти два вида, и заселил ими Нью-Вашингтон. Второй – что нам теперь с этим делать, если принять, как наиболее вероятную гипотезу, то, что оба эти вида должны обеспечить уничтожение местных теплокровных конкурентов за пространство, и пищевые, и прочие ресурсы.

Ну и третий. Как скоро и насколько... э-э... мирно мы столкнёмся с создателями этих видов, если примем решение о зачистке Краб КР – 3/239 от выведенных, и размещённых ими здесь существ! – Маккаффи помолчал, давая насладиться страшной перспективой. И закончил гораздо тише. – На этом у меня всё. Господин Председатель, господа... – он поклонился и сел.

Сэр Джеймс Тэтчер, имевший по долгу службы возможность предварительно переговорить с полковником и профессором, не был, в отличие от большинства остальных чиновников, сильно удивлён. Теперь он поднялся:

– Благодарю вас, господин профессор, за столь ясное и... э-э... скрупулёзное изложение материалов исследований, и ваших... э-э... Выводов. Разумеется, кое-что нуждается в уточнении и дополнительных... м-м... исследованиях, но есть моменты, не вызывающие сомнения. Так, в частности, перед тем, как мы начнём обсуждение, я хотел бы напом-

нить, что запасы природного тризелита здесь настолько велики, что покроют всю потребность всех наших колоний и Земли как минимум на тысячу лет вперёд. И он лежит здесь у поверхности, и его легко и дёшево добывать, чего не скажешь о Ханнопсе-два.

Поэтому прошу учитывать настоятельную нужду нашей Промышленности, и Министерства транспортной промышленности в частности, в этом минерале, при формировании конкретных предложений.

А сейчас мне бы хотелось предоставить слово нашему уважаемому эксперту из Университета ксена... ксано... э-э... внеземных существ, доктору Кирби Марксу.

Доктор Кирби был очень тучен, и привстав из своего кресла, и поклонившись Председателю и остальным, попросил разрешения говорить с места. Каковое и было ему благоклонно даровано.

– Мне безумно интересно было ознакомиться с теми... м-м... данными, которые переслали нам в самом начале, и дополнениями, которые поступали по мере дальнейших исследований. Если бы не трагические события, сопутствовавшие инциденту, я бы назвал эти организмы Открытием Века!

Напомню на всякий случай. Наш Университет был создан более двухсот лет назад, когда при освоении одной из первых планет земного типа мы столкнулись с примитивными, но очень похожими на ранние земные, формами жизни. С тех пор мы сталкивались лишь с ещё тремя населёнными... Если

позволите так охарактеризовать их... Планетами.

Разумеется, ничего и близко похожего на существа с высокоразвитым мозгом, там не нашлось.

Это и позволило принять решение о колонизации и этих планет, в дополнение к остальным, так сказать, никем не населённым, примерно в количестве... э-э... ста двадцати двух. Я правильно назвал цифру? – вопросительный взгляд в сторону Председателя Колониальной Администрации вновь встретил подтверждающий кивок.

– Что же касается той экосистемы, что обнаружена здесь, все без исключения наши специалисты оказались, скажем так... *Чрезвычайно* удивлены. И я прошу вспомнить: именно мы первыми высказались резко отрицательно по поводу освоения и населения людьми, этой планеты!

Дело в том, что ещё во время первой, разведочной экспедиции, с батискафов и скутеров, обследовавших прибрежную зону, зону шельфа, и глубины до километра, и все крупные пресноводные озёра, поступили абсолютно достоверные сведения о том, что везде в пучинах вод буквально кипит жизнь. Скanners выдали вполне ясные изображения.

Несомненно наличие планктона. Акул. Рыб. Кораллов и всего связанного с этими полипами биотопа – шельфовых рыб, беспозвоночных, вроде морских звёзд, и так далее, и так далее по всему списку – не буду вас утомлять. Мы обнаружили и теплокровных – это киты и дельфины.

То есть налицо имелся явный парадокс: млекопитающие

на планете есть, но – только далеко в океане. И держатся летом они от побережья не ближе тысячи километров!

Но так просто *не бывает!* И дело здесь не в том, что, уйдя в глубины Океана, эти млекопитающие не смогли потом вернуться на сушу, нет! Такое тоже абсолютно невозможно! Складывалось впечатление, что кто-то или что-то сознательно уничтожило всю теплокровную составляющую наземного биоценоза, и продолжает поддерживать статус кво, мешая и предотвращая появление крупных... э-э... зверей именно на поверхности.

Не хочется напоминать о нашем резко отрицательном мнении относительно безопасности колонизации Краб КР – 3/239... Все наши выводы и рекомендации о длительной и обстоятельной предварительной разведке в течении хотя бы десяти лет, были проигнорированы или отвергнуты.

Поэтому я хочу просто напомнить: если бы к нашим рекомендациям уважаемая Администрация отнеслась с большим вниманием, возможно, столь тяжких жертв удалось бы избежать. Что же до ситуации с этим самым тризелитом... Гм! Добывали же мы его как-то и до открытия этой планеты. Поэтому я, как эксперт...

– Доктор, – Председатель явно был в ярости, видя, куда клонит доктор, недвусмысленно ставя людские жертвы в прямую зависимость от алчных интересов этой самой Администрации. Однако внешне этого почти не проявилось. Бюрократы родятся сразу с железными нервами, – Прошу вас

всё же вернуться непосредственно к предмету обсуждения. Нам нужно ваше квалифицированное мнение о том, как *сейчас* можно исправить уже сложившуюся ситуацию так, чтобы избежать жертв в дальнейшем! Простите за то, что перебил вас...

– Да. Ничего. Я... всё понимаю. – доктор, как член правления своего Университета прекрасно понимал, откуда по большей части поступает финансирование этого самого Университета, и кто больше всех заинтересован в получении дальнейших грантов и субсидий. Поэтому он, хоть и считался независимым экспертом, но, как и почти все специалисты подобного рода, таковым фактически не был. – Так вот, об экологическом дисбалансе местного биоценоза было неоднократно сказано на совещаниях всех... э-э... соответствующих органов, Комиссий, Комитетов, и лиц.

И только теперь нам окончательно и однозначно ясно, что, вернее, уже – кто, явился причиной исчезновения высших животных на поверхности. Однако: тут тоже возник ряд вопросов.

Во-первых, если крупных животных уже нет, почему же все эти осы... Просто не вымерли с голода? Чем же они питаются?! М-м... Возможны несколько ответов. Например, самым, как я понимаю, нежелательным, будет тот вариант, что к этому всё дело и идёт! То есть, поверхность... извините... Зачищена, и вскоре будет использоваться...

По назначению!

Осы, если и дальше не найдут пищи, вымрут максимум за пару десятилетий. И если мы подождём столько... Возможно, чего-либо и дождёмся. То ли вымирания ос, то ли прилёта... Их создателей. Для колонизации планеты. Ими.

Поэтому – второй вопрос. Только ли семнадцать лет может составлять пауза? Или она, как и у земных насекомых, паразитирующих, например, на жуке-майке и прочих «хозяевах», может значительно варьировать, и составлять и пять, и двадцать пять лет? Или, может, программа ос может позволять им ждать и больше? Обеспечены ли такие, резервные, варианты этой программой? Смогут ли осы переключиться на кротов? Станут ли досягаемы для них киты и дельфины?

Не знаю (Не сталкивался!), способны ли какие-либо виды... теплокровных зарываться под землю, и выдерживать столь длительные паузы, но это представляется одним из решений пищевых проблем ос и выживания теплокровных. В-принципе, насколько я представляю. – вежливый кивок в сторону Маккаффи, – такой вариант тоже возможен. Тогда осы... не вымрут никогда.

Наконец, в-третьих. Возможность эта крайне маловероятна, но я обязан сказать и о ней.

Существование на этой планете только двух (больше пока даже подробные исследования не выявили) неэндемичных, привнесённых, видов, может указывать на то, что после полной зачистки поверхности от конкурентов и вымирания

от голода, вся эта поверхность достанется... Ежам.

И превращение таким странным способом этих ежей в доминирующий вид данного биотопа и является основной целью неведомых нам пришельцев. Что именно может скрываться за этими предположениями, я не знаю. Нет, действительно – не знаю! Но пренебрегать такой возможностью и отметать её, как глупую, без длительных дополнительных наблюдений и исследований, нельзя.

Теперь о том, что касается моих рекомендаций, как эксперта.

Изучив «боевые» возможности «Осы Нью-Вашингтона», я могу уверенно порекомендовать только одно: не размещать *постоянной* Колонии на этой планете. Ибо ношение тяжёлых бронированных скафандров всё тёплое время года не слишком-то реально. Строить же подземные бункера для добычи... э-э... полезных ископаемых достаточно дорого. Но, в принципе, допустимо.

При условии их расположения не ниже пятидесяти метров от поверхности, и с обязательным оснащением всех вентиляционных шахт двойными бронированными решётками. С толщиной брони не менее десяти сантиметров! И ячейёй не крупнее пяти миллиметров! И всё равно, полной гарантии такой вариант... Гм.

Наиболее разумным решением представляется всё же *сезонная* разработка необходимых нам минералов – то есть только зимой. Поскольку год на Нью-Вашингтоне составляет

два и три десятых от земного, периода в девять-десять месяцев вполне должно хватать. Для продуктивного рабочего сезона.

И в завершение хочу повторить: размещение *на поверхности* любого постоянного Лагеря считаю абсолютно недопустимым! Разработку же и применение средств пестицидного характера считаю губительной для экосистемы всей планеты, и даже длительная – более двадцати сезонов подряд! – обработка всей поверхности не даёт никакой гарантии на достижение нужных нам результатов, поскольку сопротивляемость ядохимикатам организмов в состоянии спячки, да ещё на глубине свыше двух метров, чрезвычайно велика!

Теперь второе.

Моё отношение к... э-э... ежам пока неоднозначно. Однако мнение о том, что они являются нашими конкурентами в борьбе за местные природные ресурсы, я считаю необоснованным.

Так что вот вкратце два основных вывода, которые зафиксированы в моём отчёте, – доктор приподнял лежавшие перед ним несколько листков, – Официальные выводы вы сейчас слышали.

Теперь о неофициальных. Не сочтите за трусость, но по моему лучше избежать любого присутствия на планете, которая входит в зону жизненных интересов *чужих*.

И лучше нам просто... Отбыть отсюда навсегда со всем нашим барах... э-э... оборудованием. Лично мне любая

встреча с создателями этих бронированных монстров кажется преждевременной. Да и нежелательной: если они решат атаковать наши колонии, нам даже нечего будет противопоставить таким, а, может, и более совершенным, продуктам их высокоразвитой биотехнологии. Что же до обычного оружия... Это не моя область. Господин Председатель... Господа... У меня всё. Благодарю за внимание.

Возникшую напряжённую паузу пришлось прервать Председателю.

– Прошу, господа... Есть желающие высказаться?

Первым захотел высказаться заместитель Министра земледелия:

– Извините, уважаемый доктор, всё, что вы рекомендовали, это же чистый... бред!

Космическая паранойя! Из-за каких-то паршивых *насекомых* оставить целую планету! И – какую! Она же может стать нашей лучшей житницей! По нашим расчётам пшеница ПВ – 45 даст здесь не менее пяти урожаев за год! Ведь лето составляет не менее... э-э... земного года с четвертью, а почва... Просто великолепна! Поскольку здесь уникальный, просто уникальный девственный чернозём, урожайность будет колоссальной!

Считаю поэтому глупостью отказываться от таких грандиозных перспектив только потому, что наших колонистов могут покусать какие-то осы! Боролся же человек с осами, шмелями, пауками и прочей ползучей и летучей гадостью,

все предыдущие годы! Я имею в виду годы эры дотехногенного периода. То есть – до создания суперуниверсальных, и безопасных для остальной флоры и фауны, пестицидов!

Наше Министерство – за продолжение колонизации. Да, безумно жаль погибших. Мы скорбим, но... Но *эту* планету осваивать нужно! Пусть даже всем этим будут заниматься дроиды – ничего, лишь бы пахали и косили!..

Далее захотел высказаться Председатель комитета геологических ресурсов. Особого энтузиазма, как предыдущий оратор, он, впрочем, не выказывал. Впрочем, как и сомнений в своей правоте:

– Зимний период на Нью-Вашингтоне составляет только десять месяцев. Как вы знаете, мы три года, после результатов, полученных Первой разведочной экспедицией, готовились к колонизации планеты. Поэтому так совпало, что Лагеря были построены только уже глубокой осенью по местным меркам... Даже в условиях суровой, почти полярной зимы, со средними температурами до минус тридцати по Цельсию, здесь вполне можно жить и работать.

Тризелит действительно лежит близко к поверхности. Число месторождений, даже выявленных самым первым, весьма поверхностным сканированием с орбиты, превышает двадцать пять. На самых богатых и перспективных, как вы знаете, и были размещены Лагеря, и заложены шахты. Не могу, разумеется, сказать, что мы какие-то заоблачно колоссальные средства вложили в это дело...

Но и разбрасываться нашими механизмами, ресурсами и вложениями тоже было бы непрактично. Убыточно. Раз уж шахты начали разрабатываться, и достигли глубины полукилометра, было бы глупо закрывать их. Куда проще возвести свод изолирующих перекрытий, о которых говорил уважаемый господин доктор. – вежливый кивок доктору Марксу, – и спокойно продолжить круглогодичную добычу таким образом, чтобы вывоз первично очищенной и обогащённой руды приходился на осенне-зимний период.

Словом, я считаю вариант с полным закрытием шахт, и отказ от колонизации планеты, недопустимым расточительством. И откровенной глупостью.

Однако! Применение пестицидов я тоже считаю не лучшим решением – вероятнее всего, те самые «создатели» (В тоне главного геолога не сквозило, разумеется, открытого пренебрежения к домыслам учёных-биологов обо всяких там «продвинутых инопланетянах», с которыми земля реально так и не столкнулась за все пятьсот с лишним лет освоения Космоса... Но доля здорового скепсиса составляла не одну тонну.) действительно могли бы, мягко говоря, быть недовольны, если бы мы вытравили их букашек... Ха-ха.

Вот мы же наверняка рассердились бы, если бы кто-то посторонний вдруг поубивал всех наших пауков. Или змей. Ссылаясь на то, что, дескать, они же вредны... И кусаются!

Ну и что? Это же – *наши* пауки! И змеи!.. Нет, применение любых ядохимикатов мы считаем недопустимым. Впрочем,

как и полное закрытие шахт...

Внезапно слова попросил заместитель Министра транспорта, довольно молодой, но с огромными залысынами, невысокий человек с невыразительными чертами лица:

– Господин Председатель! Вы позволите задать вопрос нашему уважаемому эксперту? – Председатель, если и был удивлён, отнёсся к обращению спокойно, едва кивнув.

– Скажите, доктор... Не могло бы так случиться, что эти самые... ежи Нью-Вашингтона... И являются теми самыми таинственными создателям этих ос... И теми самыми разумными инопланетянами?! И было ли такое предположение как-то проверено?

Кирби Маркс задумчиво пожевал губами, глядя в пол. Очевидно, его поразил не столько вопрос, сколько неприкрытая глупость и некомпетентность спрашивавшего. Но голос его оставался ровным и нарочито нейтральным:

– Разумеется, такая мысль первой пришла и мне... и коллегам – докторам Маккаффи, Надалю и Гильден... э-э... штерну. По моей просьбе дроидами, спущенными на планету, были отловлены восемь экземпляров обеих полов... И проведены стандартные тесты на Ай Кью... Который оказался даже ниже, чем у местных кротов. То есть, извините за грубость, эти твари умеют только жрать, с... Простите – выделять продукты переработки пищи... И размножаться.

– А... возможно ли, что это просто... уловка, хитрость со стороны наших врагов-ежей?! Не могли бы они прикиды-

ваться глупее, чем есть?

Доктор смотрел в пол даже дольше, чем в первый раз. Ноздри его раздувались.

– Нет. Это абсолютно исключено. Веками отработанная методика позволяет сделать такие выводы весьма однозначными. И дело здесь не только в поведенческих реакциях. Учитывается и объём и структура мозга, его коры... Приспособленность передних конечностей к выполнению сложных действий... Да много всего. Ответ однозначный – нет.

Ежи – не разумны в том смысле, какой мы обычно придаём этому термину. Это просто... всеядные и необычайно выносливые *животные*.

Председатель постучал по столу ручкой, чтобы закончить ненужную болтовню:

– Прошу. Кто ещё хочет?..

Хотели почти все. Поэтому около полутора часов мнение всех высокопоставленных Бюрократов обстоятельно заносилось в Протокол и записывалось на видеокамеры.

Однако ничего конструктивного и принципиально нового сказано не было: Колониальная Администрация настаивала на продолжении если не полной, то хотя бы частичной колонизации Краб КР – 3/239. Учёные приводили аргументы против присутствия людей. Как на планете, так и в Системе.

Наконец дебаты, сопровождавшиеся к концу уже весьма вялыми препирательствами и неоднократными повторами, явно зашли в тупик.

Тогда встал Представитель объединённого Штаба Флотов, генерал Армии Гай Ричи, имевший право принятия окончательного решения, поскольку операция была приравнена к Боевым. До сих пор трое военных из Комиссии отмалчивались, терпеливо выслушивая бюрократов и учёных, и иронично переглядываясь.

– Я полностью разделяю беспокойство уважаемых докторов: Маркса, и остальных, относительно огромной и постоянной угрозы безопасности людей на Краб КР – 3/239. Я согласен и с тем, что стационарная Колония на поверхности... Невозможна.

Ядохимикаты только испортят почву. И даже морпехи всего Флота со всеми нашими штурмовыми орудиями и сверхразрушительными ракетами не помогут в войне против ос Нью-Вашингтона... Как, вероятно, и против их Хозяев.

С другой стороны, и тризелит нам необходим. Космические полёты без него практически невозможны. Однако добывать его ценой человеческих жертв и ценой риска первого космического межрасового конфликта... Считаю неверным решением.

Поэтому мы тут посоветовались... – он кивнул двум другим представителям Флота, – и считаем единственно верным решением вести разработку уже построенных шахт только силами автоматов, и дистанционно, с орбиты, управляемых механизмов. И – только в зимний период. Управление и координацию отправки добытой руды необходимо осуществлять

оставленной здесь, на постоянно дежурящем корабле, сменной бригадой специалистов. Штат не должен превышать... скажем, ста человек.

Распашку земель под зерновые, и прочие виды эксплуатации поверхности планеты мы считаем абсолютно недопустимыми. Но разработку месторождений продолжать надо.

Да, тризелит здесь лежит близко к поверхности, и добыча не представляет сложности. Даже того, что шахтёры всех Лагерей уже добыли за эту зиму, всем планетам для обеспечения работы их космического флота хватит лет на пятнадцать.

Травить же завезённые сюда искусственные организмы, созданные неизвестной цивилизацией, пестицидами, и надеяться, что это сойдёт нам с рук, было бы верхом глупости. Любые *явно* враждебные действия с нашей стороны по отношению к ним мы считаем недопустимыми! Поэтому...

Брендон отложил книгу.

Пора идти в столовую. Остальные тоже стали собираться – кто слез с кровати, кто, как и он, поднялся с кресла. Разговаривать было уже практически не о чем, и десять мужчин старались больше молчать. Бесконечные пережёвывания «когда же чёртова Комиссия всё решит», да «как же чёртова Комиссия решит», уже сильно раздражали всех на Корабле.

Подспудно они уже догадывались, что за решение будет принято. Однако казалось ужасно обидным бросать здесь всё

на дроидов, и бежать, поджав хвост, от каких-то поганых мошек. Пусть и здорово кусачих. Убивали и не таких!..

Брендон, как и все, был зол и расстроен. Чувства неудовлетворённости не могло заглушить даже сознание того, что они вновь помирились с Шайной. Как и того, что они вернутся домой... Уж слишком это возвращение напоминало позорное отступление, бегство, перед лицом более глупого и слабого врага. Разнести проклятых ос вдребезги, или потравить даже теми ядами, что имелись у них на борту, можно было без проблем.

Но начальству, как говорится, видней.

Новая рука Дика уже отлично слушалась, и оказалась куда сильней, чем натуральная. А псевдокожа делала кисть, и то, что выступало из рукава, совершенно неотличимым от второй руки. Поэтому кроме Брендона по утраченной «природной» конечности никто уже не тосковал. Крохотный червячок в глубине сознания не хотел слушать никаких аргументов и твердил, твердил: «Это ты не уследил за малышом!», «Проклятый зацикленный геолог!», «Оставил беззащитного, ещё глупенького ребёнка без присмотра!..»

Уставившись пустым взглядом в спины идущих впереди, он двинулся на первую из трёх ежедневных трапез. Теперь хотя бы блюда были разными – на корабле Комиссии прибыли новые запасы продуктов.

Дверь в палату стала медленно открываться. Троица, ре-

завшаяся в виртуальный бой за планету Бранах, подняла взоры от портативных мониторов.

На пороге нарисовалась длинная и словно нескладная фигура Энтони Престона. Как-то он словно... Горбился, и (!!) мялся.

Сказать, что пострадавшие были удивлены – значило ничего не сказать.

Но – вот он, Тони. Медленно и боком он протиснулся к их постелям. В опущенной руке он держал большую металлическую банку.

Возникшее напряжённое молчание заставило даже лежавшего в углу с очередным обострением хронического гастрита, Свена Педерссона оторваться от кроссворда.

Первым нарушил молчание пришедший:

– Я, это... Извиняться пришёл. Вы... простите за... Всё такое... Ну, виноват. Не сдержался – брат всё-таки. Так что... Вот! – он неловко сунул банку в руки Джимми Магвайру, как негласному лидеру троицы «истребителей насекомых».

На лице Джимми застыло сосредоточенное выражение. Зато его мысли неслись с калейдоскопической быстротой.

Однако смущённый вид явно терзаемого настоящими угрызениями совести более старшего подростка в конце-концов сподвиг его переглянуться с вздыхавшими и чёсавшими затылки друзьями, и вместо замечания типа «ну и скотина всё-таки твой брат!», неприятливо буркнуть:

– Что... это у тебя?

– Варенье. Абрикосовое. Мать хранила, для отцова Дня Рождения.

– Ладно. Уговорил. Извинения приняты. Нож-то есть?..

К поеданию дефицитного деликатеса с мстительным удовольствием от сознательного нарушения диеты, присоединился и приглашённый к «столу» Педерссон.

– Слышь, Руп... Говорят, через пару дней нас начнут переводить на корабль Комиссии... Ну, тех, кого назначат туда. Для переезда Домой.

– Подожди-ка... Откуда информация? Ведь они же ещё, вроде, официально эту бодягу с Протоколами не закончили?

– Да причём тут эти Протоколы? Решение-то говорят, было принято давно. Ещё на земле, до отлёта. А всё остальное – чистый фарс, для, так сказать, «общественности».

– Ты так и не сказал, откуда всё это...

– Да можно сказать, из первоисточника... Только, смотри – никому ни слова! А то подставим Дортмайера. А не хотелось бы – он мужик серьёзный, хоть и без семьи.

Так вот. Позавчера он чинил что-то там в вентиляционном коробе, в отсеках секции «А». Как раз в пяти метрах от каюты этих трёх... генералов. Через короб всё и услышал. Эти сволочи так ржали над всеми этими беднягами учёными – а ещё бы!

Операция-то проходит под юрисдикцией Флота. Значит,

как они решат – так и будет. А они уже всё решили. Вернее – их Боссы.

Короче, Дортмайер слышал, как этот... генерал Ричи, отчитывался своему якобы помощнику – а тот, на самом деле и есть глава всей этой Комиссии. Но косит под заместителя. Ну вот, после этого отчёта о том, что да как у нас на корабле, кто подрался, кто с кем трахнулся, кого холецистит скрутил, этот... как бишь его... Артур Шрайвер, и говорит: «Не вижу смысла торчать здесь ещё неделю. Всё что нужно, мы сделали. Указания Адмирала выполнены по всем пунктам. Жаль, конечно, тех бедняг, что будут здесь загорать по году, но – что поделаешь. Тризелит важнее...»

Ну, он что-то ещё говорил, но Дортмайер уже не мог слушать – пришёл Сэм, и ему пришлось вылезти из короба, и крышку завинтить... Так что сам понимаешь – мы летим домой. А сюда привезут бедолаг операторов-дистанционников. И они будут, типа, заложники... Мол, мы мирные геологи, и не хотели убивать ваших мерзких тварей там, внизу, и всё такое... Поэтому и бороздим просторы космоса, а вниз посылаем роботов!!

– Так что, получается прикроют эту чёртову Краб КаЭр – как бишь её там? – навсегда?!

– Ну... похоже на то. А тебе что, жалко?

– Да нет, не особенно. Самому-то мне там было неплохо... А вот Ник у меня семь раз за зиму болел простудой. Многовато для «нового, здорового и безопасного» мира!

– Да уж, эти вербовочные брошюры – чистый бред. Сыр в мышеловке для лопухов вроде нас...

Оба инженера-технолога замолчали. В столовую начали заходить люди.

Через три дня, когда пришло официальное подтверждение решения Комиссии земным Высшим Начальством, начались сборы, и собственно переселение. Половину колонистов перевезли на корабль Комиссии, но разместили по той же схеме: мужчины с мужчинами, женщины – с женщинами. Хоть и не по десять, а по пять на каюту. Предоставить каждой семье отдельную каюту пока не было возможности.

Всю технику, необходимую для дальнейшей работы, по мере возможности законсервировали, и оставили прямо в шахтах. Впрочем, через каких-нибудь десять месяцев её предстояло снова запустить, и работа по добыче столь необходимого тризелита должна была вновь продолжиться, уже в автоматическом режиме.

То, что дроиды-шахтёры обойдутся Компании куда дороже, уже не беспокоило её хозяев: Правительство согласилось компенсировать затраты. Тризелит был нужен всем.

Теперь среди колонистов ходили упорные слухи о том, что вся комедия с Комиссией и эвакуацией нужны были только затем, чтобы как раз и выбить из этого самого Правительства дополнительные субсидии: Компании – для продолжения добычи. А Флоту – для строительства и вооружения

новых сверхмощных боевых кораблей. Для этого проблема инопланетной угрозы – ну очень подходила.

Ведь теперь в её существовании, и могуществе чужаков никто не сомневался.

Вопрос был только в том, когда они прилетят, и как будут реагировать на присутствие буровой и добывающей техники... Все предполагали, что немного найдётся желающих завербоваться на годовую вахту к Краб КР – 3/239. Впрочем, эта проблема – с этим-то были согласны все! – вполне решается. Традиционный способ с большими деньгами в качестве компенсации риска вполне подойдёт.

Шайна теперь, в преддверии скорого старта, говорила, почти не переставая. Брендон слушал, кивал, механически поддерживал разговор. Хорошо, что их встречи ограничивались завтраками, обедами и ужинами. Он стал замечать за собой отсутствие того самого, что связывало его до этого столь прочно с этой женщиной.

Влечения к ней. Физического влечения.

И теперь он вполне понимал Джима Тимански, с огромной долей иронии относившегося к Шайне, и на все скандалы только посмеивающегося...

Мозг у этой женщины работал примерно так же, как и у самой обычной курицы. То есть, мягко говоря, плохо.

Теперь, когда Брендон, благодаря вынужденному их разделению, в этом разобрался лучше, он, оставшись в своей каюте с пятью дремавшими, ходившими, или читавшими шах-

тёрами своей бригады, думал только о том, как бы отсудить себе при разводе маленького Дика... Если ему удастся доказать неадекватность поведения матери и её плохую материальную обеспеченность... Шансы есть.

Гай Ричи отсалютовал, и вышел, закрыв за собой дверь каюты.

Артур Шрайвер, оставшись один, повернулся к пульту. Включил звукоизоляцию.

Набрал секретный код, приложил ладонь к сканнеру. Подождал восемнадцать секунд, набрал другой код, и приложил другую ладонь.

На внезапно вспыхнувшем экране появилось лицо шефа. Встав, Шрайвер отдал честь:

– Адмирал, сэр!

– Генерал, сэр! – собеседник ответил на приветствие коротко, и сразу потребовал, – Докладывайте!

– Есть, сэр! Всё в порядке! План «Б» успешно начат. Удалось запустить сразу по двум каналам. Через электрика Дортмайера, якобы подслушавшего нас через систему кондиционирования кают, и через уборщицу Кэтрин Росс, «случайно» нашедшую наши спецпротоколы в верхнем ящике моей прикроватной тумбы.

Оба канала работают весьма продуктивно. Всё в порядке. Все в полной уверенности, что планету мы покидаем навсегда.

– Отлично. Благодарю за чёткую и эффективную работу. Собственно, если бы вы остались ещё на пару дней, скрыть прибытие десантного Флота было бы просто невозможно. Да и сейчас вам придётся проследить, чтобы капитан следовал указанным курсом, без всякой самодеятельности.

– Разумеется, сэр! Меньше всего нам тут нужны разные слухи и домыслы, если хоть один линкор попадёт в пределы действия сканнеров и радаров... Итак, мы стартуем.

– Отлично. Проследите также и за дисциплиной – драки и скандалы нежелательны. И ещё...

Не переусердствуйте – больше «утечек» не требуется. Да, кстати... Проследите и за поведением... членов Комиссии. Недопустимо, чтобы о... нетрадиционных пристрастиях сэра Тэтчера просочился даже малейший намёк. Да и остальные... Понимаете?

– Слушаюсь, сэр. Но тогда... Мне придётся изолировать его. И ещё троих.

– Не возражаю. Придумайте какую-нибудь... болезнь, что ли.

– Да, сэр. – Шрайвер помолчал. Затем не удержался, – Простите, сэр... Вы сами считаете... разумным... Решение о круговой обороне и удерживании Нью-Вашингтона любой ценой?

– Артур, – неофициальное обращение сразу сказало генералу, как в действительности относится его командир к этому решению, – Это решение принято... Не нами.

Но – на основе наших стратегических выкладок. Нам ли не знать, во что превратится наш Флот без этого чёртова тризелита! Так что выполняйте свою задачу, генерал, и не думайте об этом. Как говаривал мой дед, кадровый военный в восемнадцатом поколении: «У лошадей головы большие! Вот пусть они и думают!»

– Понял вас, сэр... Есть не думать. – кривая улыбка не украсила лица. Но Шрайвер и не собирался очаровывать собеседника, – Тогда у меня всё, сэр!

– Отлично, – в третий раз произнёс пожилой поджарый мужчина на экране, – До связи!

– До связи! – Шрайвер отсалютовал уже пустому экрану. Задачи ясны, цели намечены. Флот выступил.

Почему же так мерзко на душе?

Может, потому, что интуитивно все они теперь чувствовали, что опасно и дальше...

Пытаться играть в солдатики. И играть – по старым правилам. Когда смерть тысяч солдат и потеря десятков кораблей – «допустимые потери»... И что рано или поздно человечество и его объединённый Флот столкнётся с ситуацией, когда и вправду, лучше просто уйти с поля сражения – уйти без боя.

Как говаривали предки, худой мир лучше доброй войны.

Оставить потенциальному врагу, первому захватившему планету со стратегическим сырьём, столь редким в освоенном пространстве, эту самую планету в полное распоряже-

ние? Поджечь хвост... Трусливо заскулить... И убежать в свою норку?

А что – разве лучше рисковать *всеми* колонизированными планетами и людьми?

Имеет ли он, как кадровый солдат, право – даже намёки на такие мысли держать в голове?!

А имеет ли кто-то право за него, да и всё человечество, решать?!

Не глупо ли вообще какие-либо решения в такой ситуации предоставлять принимать одному человеку?! А не... Самовлюблённый ли дебил с манией величия этот самый человек?! Пусть даже в его, и его приспешников, руках – пятьдесят процентов всех Человеческих Капиталов?!

Может, стоит поговорить об этом с Адмиралом? Похоже ли это на бунт? Мятеж?.. Или...

Повесив китель на спинку стула, он сел за стол, обхватив коротко стриженную голову руками.

Впереди долгий полёт. Сможет ли он...

Не думать?!..

6. Из Валахии – с любовью!

Рассказ. (Пролог из одноимённого романа.).

Леди Игнельда ну никак не производила впечатления аристократки в двенадцатом поколении.

Каштановые волосы свободно, словно водопад, струились по загорелым плечам, когда она легко и просто сбежала по ступеням ему навстречу, а открытая улыбка сразу заставила забыть о напыщенно-помпезных официозных фразах, которые Билли заранее тщательно продумал, и лишь секунду назад действительно собирался произнести.

Да и вся фигура хозяйки – ладная, грациозная, как и невероятно энергичная походка, которой она быстро шла ему навстречу, позволили вздохнуть (Мысленно!) и расслабиться: обладательница древнего титула явно не намеревалась строить из себя чопорную недотрогу и гордячку. И плаванием в бассейне, видневшемся за домом, уж точно не пренебрегала.

– Здравствуйте! Я – леди Игнельда. – голос оказался приятным меццо-сопрано (Уж Билли-то разобрался!). А рука, протянутая ему, выделялась ухоженной гладкой кожей с превосходным (Ещё бы! Бассейн!..) загаром, и крепостью рукопожатия:

– Вы, наверное, Билли? Билли Шрифт?

Билли поспешил заверить, что так и есть.

– Тогда оставьте свою сумку здесь, о ней позаботится Мэрдок. – действительно, серьёзный до ужаса дворецкий во фраке и лакированных туфлях уже приближался из тёмной глубины дверного проёма, вышагивая, если уместно так сказать, торжественно, как на похоронах. Билли подумал, что дворецкий, пожалуй, переигрывает – контраст с хозяйкой уж слишком... Впрочем, может, так и задумано? Чтоб произве-

сти впечатление на гостя?

И, похоже, это удалось.

– Билли! Это Мэрдок! – пожилой, явно за семьдесят, мужчина, так и не изменивший каменного выражения на лице, церемонно отвесил полупоклон.

– Мэрдок! Это Билл Шриффт, наш новый эксперт-оценщик. Позаботьтесь о его вещах!

Теперь уже Билли, вежливо, и еле сдерживая ехидную улыбку, поклонился.

Леди Игнельда, убедившись, что спортивная сумка Билли в надёжных руках блюстителя Церемониалов и Этикета, проследовала в дом, подхватила самого Билли под руку, причём сделала это так непринуждённо, что тот даже растеряться или смутиться не успел:

– Идёмте, уважаемый мистер эксперт! Впрочем, прошу меня извинить, что я вот так, сразу, пытаюсь ввести вас в курс дела... Быть может, вы хотите отдохнуть с дороги? Ну там – душ, аперитив, переодеться в рабочий комбинезон?.. Или вы носите халат?

– Что вы, что вы, леди Игнельда! Разумеется, я хотел бы вначале ознакомиться, хотя бы в общих чертах, с фронтом, так сказать, работы! Ну, чтоб хотя бы ориентировочно знать, сколько мне может понадобится времени на...

– Точную оценку? Ха-ха-ха!.. – смех у неё приятный. Прямо – серебряные колокольчики. (Билли почему-то подумалось, что она наверняка репетирует перед зеркалом...) Меж-

ду тем леди Игнельда уже мягко, и в то же время властно, влекла его от заднего крыльца, куда они попали, пройдя под помпезной парадной лестницей, дальше – несколько вбок от задней стороны особняка, – Тогда идёмте! Галерея у нас в старом крыле!

Завернув за угол, Билли на секунду даже потерял дар речи. Вот это да!

Старое крыло в глубине имения, затенённое плотно обступавшими его высоченными дубами и вязами, являло разительный контраст с ультрасовременным трёхэтажным особняком, к парадному подъезду которого его доставило такси. Он невольно оглянулся.

Вот уж эта, оставшаяся сейчас сзади бетонно-алюминиево-стеклянная громада поражала и панорамным окном во всю стенку веранды, и могучим скосом крыши, единым крылом венчавшей строение, плавно переходя в пристройки гаража – не меньше, чем на три машины. Он снова взглянул вперёд.

Нет, в старом крыле ничем таким ультрадизайнерским и не пахло: никаких трёх спутниковых «тарелок» и Японского Сада. (Уж ландшафтный дизайн перед особняком Билли не спутал бы с какой-нибудь жалкой самодеятельностью! Не-е-ет – здесь поработали профессионалы. Его уважение к нанимателям невольно возросло ещё больше.)

А здесь...

Словно оказался перед островком позапрошлого века –

сохранившегося не то чудом... Но скорее всё же – именно умышленно оставленным в некоей первозданности, и лёгкой запущенности.

Они прошли по вымощенной щербатым кирпичом дорожке. Леди Игнельда пока помалкивала, с любопытством поглядывая на него: похоже, ждала реакции. Но Билли решил пока тоже помолчать, стараясь лишь не хмурить брови – вряд ли картины в таком сарае хранятся в надлежащих условиях...

Картинная галерея представляла собой низкое и длинное строение из тёмно-серого, почти почерневшего от времени кирпича, крытое настоящей (!) черепицей. Окна напоминали бойницы, настолько узкими и высокими они оказались. Да и вообще: больше всего здание напоминало старинную церковь, какие строили в Нормандии в пятнадцатых-шестнадцатых веках – только что в дальнем конце не высилась традиционная колокольня.

Леди Игнельда, всё ещё с неприкрытым интересом наблюдавшая за его реакцией, наконец рассмеялась:

– Вижу-вижу! Вы уже догадались! Да, это когда-то и была церковь. Мой дед говорил, что ещё в девятнадцатом веке здесь проходили службы... А потом прадедушка лорда Игнельда построил большой Собор там, в деревне, и сюда люди перестали ходить. Вот его отец и перестроил тогда это здание: а что! Не пропадать же добру. Стены метровые – ещё хоть три века прослужат!

Билли, проезжая через деревню, действительно видел новый Собор – монументальное и «продвинутое» здание в стиле Арт-деко, размером раз в восемь превосходившее то, что стояло (Правильней всё же охарактеризовать это словом – «вросло». В землю.) сейчас перед ним.

Н-да, трудно обвинять, что прадедушку, что его потомков: кому же понравится, что службы ведутся на территории поместья, и толпы людей и орущих детишек нарезают круги по старинному парку – парк, кстати, сохранился отлично, и занимал акров десять, а Галерея как бы являла его неотъемлемую часть. Гармоничный ансамбль.

Некоторым деревьям – Билли готов был поспорить на свою месячную – немаленькую! – зарплату, не меньше двухсот лет! Он невольно почесал в затылке.

Леди Игнельда, явно довольная произведённым впечатлением, снова открыто и весело рассмеялась:

– Точно! Парк мы почти не трогаем уже лет сто! Ну, разве что поваленное ветром гнильё убираем... А насадил его наш далёкий-предалекий предок, приплывший чуть ли не с первыми колонистами! Новая Англия отлично ему подошла! Так с тех самых пор мы никуда и не двигались с этих земель. Вросли, так сказать. Пустили корни. Как эта цер... Галерея. Теперь это, – она махнула рукой на необъятную бетонно-стеклядную громаду за спиной. – наш дом. А это – «пережиток прошлых Эпох!» И вот наконец мы... Ну, вернее – я! – хочу знать, чем мы тут располагаем. В смысле фа-

мильных сокровищ. Прошу!

За время разговора она успела отпереть амбарных размеров висячий замок, охранявший практически чёрные двустворчатые двери. Из дуба, как сразу определил Билли, да ещё окованные крест-накрест прочными медными или бронзовыми полосами, сейчас тёмно-зелёными от долгого воздействия дождя и влажного воздуха.

Билли помог хозяйке справиться с непослушными створками, нещадно тяжёлыми, и жутко заскрипевшими, когда удалось-таки одну из них сдвинуть.

Внутри царил полумрак, и неистребимый запах – так пахнет во всех склепах, или подвалах, которые не освещает живительный свет солнца, и которые долго не проветривают. Билли тщательно принюхался, поводя головой и раздувая ноздри...

Плохо. Микроклимат ужасен. Слишком большая влажность. (Недаром же явственно пахнет плесенью!) Совсем не то, что по правилам полагается для поддержания в нужных кондициях старинных полотен и прочих капризных раритетов.

А раритеты украшали все стены: тут и там, перекрещиваясь, висели, и стояли рядами, и алебарды, и палаши, и мушкетеры с аркебузами – чёрт возьми!

Да тут только старинного оружия – минимум на полмиллиона! А в простенках ещё и висели картины: пейзажи, портреты, батальные сцены... Правда, изображения почти

не видны: потемнели от долгого хранения краски, покрылись сеточкой неизбежной патины холсты, и совсем уж почернела позолота помпезно-монументальных резных рам.

Тридцать картин! По самым скромным оценкам – ещё миллиона полтора!

Он намётанным глазом сразу узнал старых голландских мастеров пейзажа. А вот те два – похоже, вообще сам Франц Хальс!.. О-о! А вот это – не иначе – Гольбейн!

Боже, Гольбейн...

Однако не будем спешить с выводами: он эксперт, а не восторженный мальчишка!

Вначале нужно расчистить хотя бы кусочек от окислившейся корочки, сделать анализ соскобов, просветить всё рентгеном – благо, установка сможет прибыть послезавтра, на грузовике его Галереи, нужно только позвонить профессору Аткинсону. Тогда и можно будет сказать, что это: то ли подлинник... То ли – стоящая жалких двести фунтов старинная подделка! Но всё же...

– Потрясающе! Леди Игнельда. Я в восторге! Да тут у вас настоящая сокровищница Тутанхамона! Нет, правда – пусть пока только по предварительным прикидкам, вы – обладательница крупнейшей и уникальнейшей в Орегоне... Впрочем, что там – Орегоне! – во всей северо-западной части США, частной коллекции. Таких картин... Нет даже в Национальной Галерее Лос-Анжелеса. Не побоюсь сказать: я потрясён!

– Я очень рада. В-смысле, рада энтузиазму, с которым вы оцениваете наше скромное семейное достояние! Ну... И сколько, по самым грубым, разумеется, и приблизительным предварительным оценкам – можно за всё это... Выручить?

– Хм... Не хочу показаться восторженным дилетантом, – (А поздновато он спохватился! Надо было не изображать щенячий восторг, а солидно и загадочно ухмыляться в усы. Которых, кстати, нет.) – но, по самым скромным предположениям, миллиона два.

– Это – в долларах?

– Нет, разумеется. В фунтах стерлингов. Если решитесь именно продавать, имеет смысл продавать коллекцию как таковую целиком, не разделяя на отдельные лоты. То есть, я имею в виду – только картины... По старинному оружию у нас специализируется док Левински. Простите – профессор Мэтт Лавински.

И, разумеется, как наша Галерея и предупреждала, вам лучше всего обратиться сразу к Аукциону «Сотбис». Они, конечно, берут приличные комиссионные, но уж с ними можно быть спокойными: на вашу коллекцию будут, так сказать, точить зубы и драться за неё, самые прожжённые и заинтересованные дельцы, художественные Галереи, и коллекционеры!

Разумеется, после подтверждения *их* экспертами подлинности всего этого.

– Вы имеете в виду, они тоже будут всё это... Обследовать

– уже после вас?

– Само-собой, леди Игнельда! Само-собой... – он постарался говорить веско и в то же время вежливо, – Они ведь – асы. И поскольку они отвечают за «качество товара» перед «акулами» от Искусства, они в любом случае проведут независимую экспертизу.

И, как вы, я думаю, знаете, её оплата входит в их немаленькие комиссионные... Но уж так заведено. И я, как специалист, порекомендую то же, что и мистер Салливан – продавать только через «Сотбис». Предварительную же оценку и каталог я смогу вам представить... Ну, скажем, через месяц-полтора.

– То есть, если я правильно поняла, вы целый месяц будете... Обследовать и изучать картины... Прямо здесь? – показалось ли ему, или пока хозяйка элегантной ручки обводила ею похожее на полуподвал помещение, её лучезарная улыбка несколько поблёлла?

– Ну... Если честно, мне бы больше подошло какое-нибудь... Не столь мрачное и плохо освещённое помещение. Да и рентгеновскую установку нужно будет подключать к сети. То есть – лучше бы всё же носить картины в какую-нибудь комнату в самом доме.

– О, отлично! Я так сразу и подумала... Билл выделил вам две комнаты на первом этаже – они гостевые, и сейчас там как раз никто не живёт. Вот и будете одну – ту, что побольше! – использовать как мастерскую, а в другой – жить.

Билли замаялся – перспектива жить в таком доме его не могла не напрячь. Всё-таки – аристократы... Мало ли. А у него нет даже смокинга – достойно поучаствовать, скажем, в Ужине... Хм-м...

– Прошу прощения, леди Игнельда... Мне, право, неловко смущать вас – может быть в гостинице было бы...

– Вот уж – ничуть не удобней! Бросьте вы, честное слово, изображать ворчливого старичка-затворника, милый Билли! Я вас не съем! И лорд Игнельда тоже!

И, кстати, зовите меня просто – Дорис. А то «леди Игнельда» уж слишком отдаёт вот тем самым, чем пахнет здесь – пылью и плесенью веков! – она снова обвела рукой стены, и скрывавшиеся в полумраке своды, – Можно подумать, я не живая женщина – а экспонат на старинной витрине! Да и глупо будет каждый день ездить сюда на такси!

Ну уж в том, что она живая... И ещё какая привлекательная женщина, Билли и не сомневался: жизнь и сексуальность буквально фонтаном били из каждой поры кожи, каждого крошечного волоска на теле ослепительной хозяйки!.. Однако он придержал свои комплименты при себе: у «Дорис» есть законный муж, с которым, насколько ему известно, она уже лет двенадцать состоит во вполне благополучном браке. Однако насчёт такси она права. Глупо.

– Благодарю вас... э-э... Дорис. Мне, право, неловко, но... Я с удовольствием, конечно, останусь. Вы правы – работать так будет куда удобней!

– Ну вот и отлично. А сейчас вернёмся в дом – Мэрдок покажет вам ваши комнаты, и позовёт на ланч. Мы обычно едим в десять, и в два. А в семь – ужин, он же – обед! – она выделила это слово, – Его лорд Игнельда традиционно предпочитает проводить по старинке. В соответствии с «заветами Предков».

То есть – в Гостиной, и за фамильным столом!

Она заперла дверь, створку которой Билли опять еле сдвинул, и он вдруг ощутил прижавшуюся к его ляжке мускулистую тёплую ногу... А она, разгорячённая, весело на него поглядывала, поправляя изящной ладошкой выбившуюся прядку роскошных волос:

– Прошу вас, мистер Шрифт! Вот – ключи! Теперь вы сможете работать даже сверхурочно! – голос медоточивый, словно у сирены. Возбуждающий. А ещё...

Только сейчас Билли обратил внимание на её платье. Боже!

Оно же абсолютно просвечивает! И как он, болван, не заметил, что его спутница совершенно... Обнажена – если абстрагироваться от лёгкой и шелковистой материи!

Стоп! Нужно... Взять себя в руки. Он – эксперт. А вовсе не...

Кому он голову морочит – он, вчерашний выпускник Йелла, и самый молодой доктор наук, имеет научный стаж всего три года. И выглядит на двадцать пять. А ему – примерно столько и есть. И отказаться признать, что восхитительные

формы «Дорис» чертовски... сбивают его с рабочего настроения – значит бы нагло покривить душой!

– Идёмте же! – Дорис или сделала вид, или и правда, не заметила его смущения.

Возвращение к дому заняло не больше минуты. Они просто вошли в незапертую заднюю дверь, разумеется, не встречаемые никаким дворецким. Но Дорис схватила с трюмо колокольчик, и мелодичный звон разнёсся на весь этаж.

Тут же из коридора донёсся звук шагов, и как по волшебству возник дворецкий.

– Мэрдок! Будь любезен – проводи мистера Шрифта в его комнаты. И не забудь позвать на ланч! Ну, отдохайте, Билли, и привыкайте! Раз вы говорите – месяц, значит – месяц! – понять, чего в её улыбке было больше – загадки, или обещания, Билли так и не смог. Сдержано поблагодарив, он, глупо помаргивающий, и обуреваемый противоречивыми чувствами, прошёл за Мэрдоком в «свои» комнаты.

А что – отличные комнаты! Вот уж не думал он, глядя снаружи на чудо Дизайна и «продвинутости», что здесь где-то могут оказаться нормальные помещения...

Первой шла спальня в нежно-жёлтых тонах, с огромной двуспальной (Он сразу почувствовал, как сердце забилось быстрее!) кроватью, столом, тремя стульями, и встроенным шкафом для одежды. Его вечерний костюм, прихваченный Билли на всякий случай, уже висел в его недрах. Как и аккуратно развешенные рубашки.

Неплохо, чёрт его задери.

«Рабочий кабинет» оказался ещё больше, и его весь заливали потоки яркого солнца, проникавшие через огромные окна, выходившие на юг. Вот уж в создании условий для работы эксперта-оценщика леди Игнельда разбирается. Или это – лорд?..

– Ланч будет подан в малой буфетной. Это – по коридору налево от вашей двери. Мьюриэл накрывает в два. Мне зайти за вами? – пока Билли, словно мальчишка, ходил от шкафа к окну, Мэрдок невозмутимо наблюдал за ним от двери.

– Нет-нет, благодарю, Мэрдок. Спасибо.

– Вам что-нибудь ещё нужно, мистер Шриффт?

– Благодарю, – он покачал головой, всё ещё оглядываясь, и запоздало пытаюсь сообразить – уместно ли будет дать пожитому представителю столь почётной профессии на чай, – Ничего больше не нужно.

– Тогда – желаю приятного отдыха. – Мэрдок удалился, мягко прикрыв за собой дверь, прежде, чем Билли успел на что-то решиться и сунуть руку в карман за деньгами.

Ладно – вопрос решён. Неуместно. (Ну в самом деле: не давать же чаевые – весь месяц!) Будем, значит, пока «отдыхать с дороги».

Ролекс «Омега» (Ну, нужно же «соответствовать», мать их!..) показывал полпервого.

Можно помыться.

Билли скинул одежду, аккуратно развесив её на резной спинке древнего стула, оставив только трусы. Прошёл в ванную комнату. Тут он поразился крошечной напольной ванне – скорее уж, поддону! – что не помешало минут пять нежиться под тугими струями душа, с наслаждением чуя, как уходит усталость и пот. Он, конечно, и хотел бы пожить здесь, и...

И всё же – что-то удерживало его от слишком бурных восторгов.

Что-то всё-таки не так с этой леди Игнельдой... С Дорис. Дорис.

Почему, несмотря на то, что выглядит она, словно богиня, (Или «мисс Америка»!) и на лучащийся взгляд в комплекте с пресловутым «животным магнетизмом», что-то всё же удержало его руку, уже готовую лечь на чувственно-точёную талию?!..

Да, леди красива, спору нет. Молода. Насколько он знал из досье, муж на десять лет старше. Детей нет. Связей на стороне ни у неё, ни у мужа, впрочем, замечено не было. Может, лорд вполне состоятелен как мужчина, но... Бесплоден? Или бесплодна – она?

Э-э, не его это собачье дело. Его дело – работа!

Вот только... Почему она сказала тогда, в самом начале (А он, балда такая, только сейчас задумался!) – «наш *новый* эксперт-оценщик»?

Он что – не первый?..

Похоже.

А чем же тогда не угодил первый?..

Билли вытерся, одел махровый халат из шкафа в ванной, и занялся разборкой содержимого сумки.

Он не любил чемоданов, хоть и знал, что сумка выглядит несолидно. Плевать: зато в неё замечательно укладываются все нужные ему инструменты, и вся справочная литература. Да-да, Билли предпочитал книги, а не использование сверхпродвинутого планшета с сотней справочников в памяти, для уточнения деталей и нюансов. Вот такой уж он. Юный консерватор. «Старик-затворник». Ха!..

На рабочем столе в кабинете отлично разместился его «малый джентльменский набор»: лупы, лезвия, заточенные острее бритвы, лопаточки, пинцеты, тампоны, баночки с реактивами, микроскоп... Справочники он поставил стопкой на полку. Порядок!

Ого! Пять минут третьего. Невежливо заставлять себя ждать!

Он поспешил переодеться, и двинулся в малую буфетную. Хм. Можно было и не торопиться так. Хозяйки нет.

Мьюриэл, приятная на вид (пухленькая и улыбчивая) девушка, похоже, ирландка, ожидала в углу, сложив крепкие загорелые ручки на животе:

– Здравствуйте! Вы – мистер Шрифт?

– Да. А вы – Мьюриэл? – она покивала:

– Да! Очень приятно. Прошу вас, мистер Шрифт! У нас на Ланч всегда шведский стол. Каждый берёт, что хочет, – она

показала на Бар, – и присаживается сюда – она показала на монументальную громадину размером с добрый теннисный корт, заменявшую обеденный стол, – Или уносит еду к себе. Как кому удобно. Приятного аппетита!

Действительно, на стойке, как у самого обычного бара, стояло несколько дымящихся подносов, набор посуды и столовых приборов. Билли подошёл. Осмотрел. Принюхался.

Господи, и выглядит и пахнет – восхитительно!

Он не спеша наполнил себе тарелку, подсел к столу, (Незачем ему сорить там, в комнатах, крошками!) и с отменным аппетитом уничтожил подчистую все те вкусности, что приготовил повар леди Игнелды.

И печень трески, и винегрет, и жаренная ножка (Скорее уж – ножища: не иначе – гуся!), и многое другое, чего он до этого не пробовал, и поэтому не решился наложить побольше, исчезли в молодом и просящем ещё, желудке. Глаза так и тянуло посмотреть в сторону бара, а ноги... Норовили как бы сами поднести его туда снова.

Ну, нет! Толстеть вовсе не входит в его планы! Поскольку он взял с собой только трое брюк! Так что заставив себя пройти мимо стойки без добавки, он мило улыбнулся:

– Спасибо, Мьюриэл! И – передайте огромное спасибо шеф-повару! Вот уж отменно приготовлено! Причём – всё!

Мьюриэл, лицо которой расплылось в довольной улыбке, сделала книксен:

– Благодарю. Обязательно передам!

Полежав на роскошной кровати, Билли достал-таки один из своих фолиантов – про старую голландскую школу. Больше всего – шесть! – он заметил именно пейзажей конца семнадцатого – начала восемнадцатого веков. Вот и славно. Его любимый период. И вообще: фламандская живопись – тема его диссертации. Не иначе, как леди Игнельда позаботилась предварительно выяснить и это.

Но что же значат её странные недомолвки? Взгляды? Прикосновения, словно случившиеся невзначай? Хм-хм...

Не-е-ет, она вовсе не так проста и дружелюбна, как кажется. Таится где-то там, в глубине, подспудно чуемое, некое... Второе дно. Вот не сходить ему с этого места!

Кстати – сойти-то как раз придётся. Он должен выбрать картину на завтра – и подготовить всё. Предварительный осмотр. Перед основным.

Створка склепа подалась уже куда легче: нужно сказать Мэрдоку, чтобы попросту смазали петли. Раз есть машины – наверняка есть и машинное масло.

Вот! Эту он на завтра и возьмёт!

Снял небольшое полотно со стены Билли, только тщательно убедившись, что его ничто, кроме огромного гвоздя – скорее уж, костыля, к которому коня бы привязывать, а не картины вешать! – не удерживает.

А обратная-то сторона... Сохранилась неплохо. Странно – в такой сырости...

Он вытащил картину наружу, прислонил к стене. Запер дверь, и аккуратно, стараясь не спешить и не спотыкаться, потащил «добычу» к себе.

Передел халат. Пристроил на лоб ободок с поворотной лупой и зеркальцем.

Ну вот картина и водружена на походный складной мольберт. И свет падает именно так, как он хотел. Итак, во-первых – точная дата замеса красок.

Замерев на мгновение перед холстом, Билли только что не облизнулся. В кончиках чутких пальцев он ощущал привычный зуд!

Тщательно выбрав место, он отобрал крохотный соскоб...

В дверь постучали.

Че-е-ерт! Он и не заметил, что уже десять минут восьмого! Мало того – он прозевал и тот момент, когда ему пришлось включить верхний свет, поскольку солнце давно скрылось за верхушками деревьев сада. Ну и баран! Нет – скорее – маньяк-трудоголик!

Он с чувством вины открыл дверь, и попросил извинения у невозмутимого Мэрдока, оказавшегося за ней:

– Прошу прощения, Мэрдок, у вас, и у лорда и леди Игнельда! Я... заработался. – он оглянулся через плечо на ярко горящие лампы в «мастерской». – Через минуту буду.

– Очень хорошо, мистер Шрифт. Я передам лорду и леди Игнельда ваши извинения. Гостиная чуть подальше буфет-

ной – налево по коридору, и затем – ещё раз налево!

Лорд Игнельда, которому Дорис с подобающими реверансами представила Билли, внешне ничем выдающимся не впечатлял. Странно. Аристократ в каком-то там колене. А рост – средний, телосложение – среднее, лицо... Тоже среднее. Незапоминающееся и невыразительное. Словно усреднённый фоторобот – Билли как-то пришлось поработать и на полицию.

Звали его, кстати, тоже Билл. Вот уж странное совпадение.

Лорд и леди сидели в узких торцах длиннющего стола, так сказать, визави. Для Билли накрыли примерно посередине одной из боковых сторон – очевидно, как бы намекалось, что он может и должен поддерживать разговор с обеими хозяевами...

Ну, Билли и старался.

После того, как с неизменным супом, жарким, и пудингом было покончено, и лорд деликатно промокнул тонкие губы салфеточкой с изящной монограммой, разговор, естественно зашёл о коллекции. Билли не стал скрывать своего неподдельного энтузиазма:

– ...восхитительно! Полотна самого Франца Хальса! А то, которое я выбрал первым – ВанБюйтенса. Это самый конец семнадцатого века. Классическая школа старых фламандцев! Вы даже и представить не можете... Нет – это я представить не мог, что где-то здесь, в Штатах, имеется в нали-

чий столь хорошо – да, хорошо! – сохранившаяся подборка именно этого периода! Я позволил себе уже... – Билли по-распространялся насчёт своих стараний по расчистке кусочка, и датировке.

Лорд Игнельда если и порадовался «кладу, столь успешно скрываемому от широкой публики и специалистов», особо этого никак не проявлял. Нет, он и правда – вёл себя как-то даже уж слишком сдержанно. Чтобы не сказать – равнодушно. Спросил лишь:

– Мистер Шриффт, скажите... Если делать полную реставрацию, сколько времени, по вашим предположениям, это займёт?

– Ну... Зависит от того, сколько специалистов вы решите задействовать. Нужной квалификацией обладают здесь, на Западном побережье, не более шести-семи человек. Если нанять их всех, на собственно работу уйдёт не более двух-трёх лет.

– Понятно. – теперь лорд взглянул прямо Билли в глаза. Странно. Когда они пожимали друг другу руки, Билли мог бы поспорить, что зрачки лорда тёмно-карие, почти чёрные. А сейчас – голубые – как у него самого! – Ну а если не реставрировать, то их цена, как я понимаю, окажется... ниже. Значительно ниже?..

– Н-нет. Нет. Если в процентном отношении – то всего на несколько процентов от их продажной цены. То есть – отсутствие должной реставрации практически *не* снижает их ры-

ночной стоимости. Лишь мешает визуальному восприятию. И то – для неспециалиста.

А в глазах как раз экспертов именно это – потускневшие старинные краски уникальных рецептов, сеточка патины, налёт флёра ностальгии! – и делает их столь... Привлекательными. Как правило, собственно реставрацией занимаются уже те, кто приобрёл такие полотна: Галереи искусств, или частные коллекционеры.

– Благодарю, мистер Шрифт, за исчерпывающий ответ. Вы столь... поэтично охарактеризовали... Специфику реализации старинной живописи. То есть, вы советуете – не реставрировать?

– Да. Я бы посоветовал лишь побыстрее установить в цер... э-э... В помещении, где сейчас хранятся картины, кондиционер. И автомат-регулятор влажности. Влажность почти вдвое превышает норму, а температура – выше допустимой на три-пять градусов...

Разумеется, если вы не решите перенести картины в другое, более подходящее, помещение!

– Ясно. – лорд снова сдержанно чуть кивнул, – Благодарю ещё раз. А теперь прошу меня извинить – мне нужно сделать несколько звонков.

Лорд удалился. Билли и Дорис, не сговариваясь, вздохнули.

Странно – вроде, ничего особенного лорд не делал, вёл себя корректно и вежливо, почти не разговаривал...

А всё равно Билли испытывал – а ещё он мог бы поспорить, что и Дорис до сих пор испытывает! – стеснение. Смущение. Неудобство. Как же назвать-то это странное, словно подвешенное, состояние?! Когда кажется, что твоё присутствие и поведение совершенно неуместно – ну, как если бы громко пустил ветры на собрании членов Академии!..

– Прошу прощения, леди Игнельда... Надеюсь я... Не нарушил никаких традиций, позволив себе без разрешения Лорда Игнельда забрать картину в свою мастерскую? – он боялся поднять на неё взгляд, чувствуя, как краска желания каждый раз заливает лоб и шею, и только коротко глянул в её сторону... Ничего не скажешь: ослепительна!

– Нет-нет! Не смущайтесь так, милый Билли! Лорд Игнельда всегда столь же... Неразговорчив. Наоборот, сегодня он ещё, если можно так сказать, потрясающе красноречив. Обычно из него слова не вытянешь – разве что клещами!

Они позволили себе поулыбаться друг другу. Затем Билли перевёл разговор на сад.

Сад, который правильной всё же было называть лесом, и радовал, и стеснял Дорис. С одной стороны, там можно было замечательно проводить время летними днями. С другой – более тоскливого зрелища зимой просто невозможно себе представить.

Вот уж это Билли мог понять: ему тоже казалось, что нет ничего более печального и безысходного, чем раскачивающиеся на пронзительном ветру голые ветви, чернеющие

на фоне окружающего белого безмолвия тусклого зимнего неба. А когда ещё и идёт снег, и буран бросает горсти белых, словно ватных, комьев в окна, и вьюга завывает, словно стая волков, так, наверное, вообще – тоска зелёная...

Впрочем, на его вопрос Дорис рассказала, что иногда на зиму они отправляются в Швейцарию – кататься на лыжах, (Вот чего Билли никогда не смог бы представить – так это лорда Игнельда – в кричаще-ярком анораке, и – на лыжах!) и загорать.

Ну, с этим ещё – туда-сюда...

Обнаружив, что Мьюриэл и Мэрдок, неслышными тенями обслуживающие их и маячившие где-то сзади, с уходом хозяина тоже удалились, Билли решил, что для первого вечера хватит разговоров – неудобно. Может, хозяйка устала, и хочет тоже удалиться, но ей неловко оставить гостя в одиночестве.

Он извинился, пожелал Дорис спокойной ночи, и ушёл к себе. Хозяйка, как ни странно, осталась за столом. Почему бы это?..

Войдя в комнату, Билли инстинктивно почувал опасность.

Однако среагировать не успел – только он начал отодвигать голову, как на неё обрушился не иначе – Эмпайр Стэйтс Билдинг! В глазах потемнело, ноги подкосились.

Следующее туманное воспоминание – как его куда-то несут на могучем плече...

Ага, кажется гараж. Потому что вон – стоят три машины, и пахнет... Бензином, машинным маслом, и шинами. Затем послышался скрип каких-то несмазанных петель, и голос Дорис: «Сюда, Ханс! Давай его сразу на самый нижний!» Грохнула крышка – словно отвалили какой-то люк.

Билли понимал, что сейчас с ним будут делать что-то явно нехорошее. Особенно если спустят на «самый нижний», где кричи – не кричи: никто не услышит! Однако пошевелиться не удалось – он только заметил, как его начали спускать по крутым ступенькам куда-то под бетонный пол гаража, по узкому бетонированному лазу, конец которого терялся в слепящем свете ламп...

И снова уплыл в небытие.

Более-менее очнулся Билли уже лёжа на спине, в большой, пустой и гулкой комнате с бетонными стенами. Кое-где на них даже виднелись следы опалубки – похоже, здесь никто не живёт, раз не позаботились об отделке или мебели...

Сверху прямо в глаза светила мощная лампа без признаков абажура, а оглядевшись, он действительно не увидел ни мебели, ни вообще хоть чего-то. Только ещё три двери.

Да, комната была абсолютно пуста, и только он, баран беспечный, лежал в её центре неподвижной колодой, раскинувшись, словно морская звезда.

Попытавшись встать, он обнаружил, что дело дрянь.

Руки и ноги оказались прочно закованы в кандалы, а за-

гремевшие оглушительно в тишине подвала толстые цепи крепили эти чёртовы стальные зажимы к штырям-костылям – таким же монументально несокрушимым, как в церкви.

Он принюхался. Да – ему не показалось! Пахло мочой, кровью и... чем-то звериным. Шерстью? Пожалуй, нет. Скорее, просто гниющими отбросами. Словно тут, в подвале, держат волков. Или медведей. Или ещё каких крупных хищников...

Что за дьявольщина?

Куда это его угораздило... Вляпаться? Угрожает ли что-то его жизни?!

Но ведь на дворе – двадцать первый век! Время фанатиков, и жестокого средневековья, с пытками-кандалами-ведьмами, и кровожадной Святой Инквизицией давно прошло. Да и он – достаточно заметная фигура, чтоб его можно было вот так, нагло и безнаказанно... пытаться? Убить?..

Что же это за?..

Больше подумать он ничего не успел – одна из дверей открылась, и вошла... Дорис.

Что-то в ней изменилось.

А, ну да – ярче чёртовой лампы горят глаза: в них словно... Не то – фанатизм, не то – дикая радость. Предвкушение. Вот чуяла его ...опа: что-то не так с этой женщиной!

– Привет, Билли. Очнулся? – тон лёгкой иронии. Отлично – он попробует поддержать эту игру.

– Да, очнулся. Дорис... Может быть, вы освободите меня,

и мы предадим забвению этот... Досадный инцидент? – ну а вдруг?! Может, она лишь хотела попугать его? Или это – месть за... Непроявленные «знаки внимания»?!

– Нет. – в голосе сталь и... Точно – предвкушение! – Не для того мы столько готовились, чтобы теперь всё отменить. Да и Билл уже уехал.

– Уехал... Куда же?

– В гостиницу. Ну, ты же, – О! Она уже перешла на ты! – собирался устроиться в гостинице? Вот Мэрдок и собрал снова в сумку все твои вещи. А Билл от твоего имени вызвал такси, и номер заказал. И сейчас его увезли, и он устроится там под твоим именем. Переночует. А завтра – отправится назад в Лос-Анжелес. А, да – забыла сказать, – видя недоумённо хлопавшие глаза Билли, она издевательски усмехнувшись, уточнила, – Отправится – в *твоём* обличьи! И с *твоими* вещами и документами!

– То есть... Как это – в моём *обличьи*?! – Билли уже кое о чём догадался, и на душе скребли не то, что кошки – тигры!

– Ну, видите ли в чём дело, мистер Шрифт... – она картинно порисовалась перед ним, потянувшись стройным телом, словно кошка, и выдержав драматическую паузу.

– Драконы-оборотни могут принимать вид любого существа, с которым вступали в тактильный контакт!.. Видите, господин эксперт, как я изящно излагаю! Вот что значит – двенадцать лет практики... Словом, достаточно Биллу пожать вам руку и услышать голос – и пожалуйста: он сможет

воспроизвести ваше тело, лицо, речь... Да что там: даже состав пота! Ни один человек... Да и собака – не сможет отличить.

Ну, конечно, мы можем не всё – вот отпечатки пальцев до сих пор не научились повторять. Впрочем, это несколько делу не мешает.

Так что завтра вы, мистер Шрифт, «отбудете» назад, в свой отдел при Галерее, и вас там даже увидят. Поговорят. Выяснят, что вы и хозяева – ну, то есть – мы! – не сошлись в цене. После чего вы уедете в свою квартиру, и... Пропадёте. Исчезнете, проще говоря.

А Билл вернётся домой. Поездом. Уже в собственном обличье. Или, как он делает обычно – в виде того человека, которого посчитает подходящим.

Билли поёжился – и правда, рукопожатие тогда показалось ему... Станным.

Слишком крепким и... Горячим. Да, сильная ладонь лорда показалась ему излишне горячей. Но...

– Постойте-постойте... Я не понял. Что за ерунду вы мне наплели, дорогая Дорис!.. – он принуждённо посмеялся, – Знаете что, для розыгрыша этот фарс зашёл что-то уж слишком далеко!

Ладно! Я признаю: вам удалось до полусмерти напугать меня! – на самом-то деле Билли испытывал не страх. Он испытывал дикий, всепоглощающий – ужас! И удерживался от панических воплей и попыток сломать кандалы только на

пределе самообладания!

Словно сбывались самые страшные из его кошмаров: и вот-вот его проглотит злой Бука, вылезавший каждую ночь из чулана к беспомощному мальчику Билли-бою... Спасавшемуся только под одеялом – накрывшись с головой!

А сейчас ему – не спрятаться!

Он попробовал снова, сглотнув, и изо всех сил сдерживая дрожь в голосе:

– Дорис! Мы с вами взрослые и цивилизованные люди! У каждой шутки должны быть разумные границы! Что за пародию на фильм ужасов вы здесь разыгрываете?!

– Билли! Ах, милый Билли! – теперь её голос выражал лишь лёгкое сожаление. – Если бы речь шла о шутке! Нет, речь идёт о выживании. Знаете, как трудно предкам мужа приходилось там, на родине?! Особенно, когда началась эта глупая истерия по поводу оборотней и вампиров? И пусть их не существует – тупому и суеверному крестьянскому быдлу этого не докажешь! Так что нам – ну, вернее, нашим предкам! – пришлось уносить ноги, буквально не захватив даже смены белья! И уже на корабле искать, в кого бы...

Преобразоваться!

Благо, здесь прародители нашли себе подходящий климат, и закрепились.

Но вы не представляете, насколько осторожно нам теперь приходится действовать, чтобы дети получали все необходимые инстинкты. Ну, и, разумеется – микроэлементы, вита-

мины, запахи и привкусы! Вот вы: доля семитской крови в вас – не более пятидесяти процентов! А нам нужно было – сто! Ладно, так, в принципе, тоже неплохо. Ваш отец – македонец?

Билли не хотелось отвечать. Но его молчание вряд ли имеет смысл: похоже, его досье изучили куда более тщательно, чем он – хозяйское...

– Нет. Он наполовину македонец, наполовину – серб.

– Хм. Тоже неплохо. Ладно – детишки сжуют.

– Детишки?..

– Ну да. Вы же не думаете, что я, или Билл, будем лично есть вас? – она дёрнула точёным плечиком, – Нет, взрослый дракон-оборотень может питаться и говядиной и свиной... Это только на этапе формирования, так сказать, организма, и перестройке его, подготовке к взрослению, и обучению Преобразованию, нужны тела, и мясо *людей*. Вот поэтому вы и здесь. Не беспокойтесь – вас съедят быстро!

– Но... Э-э... Послушайте! «Меня съедят быстро!» – передразнил он игривый тон хозяйки. – Ведь это, наверное, больно?! Может, стоило бы меня... Ну, из банальной гуманности... усыпить? Или хоть... Треснуть по голове ещё раз – чтобы я отключился?!

– Нет уж! Дети всегда воротят нос от транквилизаторов и снотворного! Нам нужен был как раз такой тип – здоровый, и не потребляющий алкоголя и никотина! – Билли передёрнуло! – А насчёт – стукнуть по голове... Тоже – нет! Дети

должны ощущать ваше...

Соппротивление!

Ваш страх – да что страх – ужас!..

Иначе это будет не охота, и не воспитание инстинктов, а трупоедство.

Мы – не гиены, чтоб питаться падалью! – гордость и пафос прорезались в напыщенных фразах. Впрочем, она быстро взяла себя в руки:

– Ну, вспомните: лисы и волки дают детишкам полупридушенную жертву, чтобы те научились *убивать*!

Почувствовали! Вкус чужой смерти. Подготовились, словом, к взрослой, самостоятельной, жизни...

Впрочем, я что-то сегодня заболталась. Они уже достаточно ждали.

Прощайте, Билли! Нужно было вам пользоваться возможностью, когда она была! Хоть удовольствие бы получили перед смертью... – она демонстративно вильнула округлой попкой восхитительной формы, и подошла ко второй двери.

А ведь верно – из-за неё давно уже доносилось что-то вроде поскуливания, и кто-то, словно когтями, скрёб могучие дубовые доски изнутри...

Но – «драконы-оборотни»?!

Может, просто – какие-то хищники? Типа... Тигров, пум, росомахи, наконец? Или...

Шутка-розыгрыш всё ещё продолжается?!

То, что показалось из-за двери, когда Дорис отперла замок

и распахнула её, показало, что, к сожалению, шуткой и не пахло... *Эти* ну никак на знакомых хищников не походили.

Впрочем...

Просматривалось, конечно, кое-что от комодских варанов. Лапы, когти... Серо-зелёная складчатая кожа. Но вот голова... Скорее, от тираннозавра!

Одно существо, побольше, размером, пожалуй, превосходило овчарку. Два других казались поменьше – размером со спаниэля и таксу. Только вот...

Только вот слюна с белых клиновидных клыков капала у всех, а звериный голод в круглых глазах с вертикальной щелью-зрачком заставлял сердце биться о рёбра, словно птицу в клетке, завидевшую приближение кота!..

Волосы на затылке Билли зашевелились, мочевого пузыря произвольно сработал, и он издал дикий вопль, сознавая, что уже сделать нельзя ничего! Он – принесён в жертву!

И сейчас его будут, вот так, буднично и просто...

ЕСТЬ!!!

Заходясь дикими криками и воя, он вынужден был смотреть, как острые, словно у леопарда, когти лап вспороли ткань рубахи, а затем и мышцы на животе...

А затем три омерзительные морды стали нырять ему в брюхо, возвращаясь с сизо-белёсыми гирляндами кишок, ярко-красной печенью, голубоватой селезёнкой в окровавленных пастях...

Но он пока не умер.

Не умер он и когда три омерзительных создания принялись грызть его рёбра, ноги и руки, отрывая куски плоти прямо вместе с одеждой. Билли ещё мог рыдать и извиваться – понимая, что это ничем ему не поможет! Но – удержаться был не в состоянии!

Боль он испытывал адскую!

Но хуже всего было видеть эти глаза: глаза леди Игнельды!

В них пылало ярче степного пожара, всё: и первобытная ярость, и ненависть, и нечто хищное, кровожадное, неопишное! Эта застывшая судорога, искажившая такое, лишь недавно прелестное, лицо! Оскал острейших белых зубов – чёрт!

Они же во всём походили на зубы детей – и как это он, слепой «учёный» крот, не заметил этого за ужином!

Нет – сейчас всё в Леди Дракон казалось несовместимым с самой природой Человека! И – Боже! – как же она наслаждалась его страданиями!.. Или – радовалась за детей?..

Вот теперь Билли знал, что дьявол – существует!

И воплощён этот дьявол – только в женщинах!..

Впрочем, она не солгала – поедали его быстро.

Во всяком случае, кричать и выть он мог до самого конца, когда «старшенький», похоже, вдоволь наигравшись с жертвой, перегрыз ему горло...

7. Шахта смерти.

Рассказ. (Пролог из романа «Конан и Волшебник с Севера».)

Глаза Дамира горели лихорадочным огнём. Ноздри трепетали. И дрожь в руках невозможно сдержать! Сердце сейчас, кажется, выскочит из груди! По спине струится липкий пот... О, это несравненное чувство!..

Предвкушение.

Ощущение того, что вот сейчас, сейчас...

Нет, ни за что на свете не согласился бы он в эту минуту поменяться местами ни с одним из смертных! Будь тот хоть трижды султан, король, раджа, или ещё кто!..

Именно из-за этих кратких, но таких упоительных мгновений, он и не может никак развязаться, порвать окончательно со своей профессией. Со своей страстью!

И вот она – перед ним! Она! Очередная мечта, очередная Волшебная Звезда! Загадочным светом своей Тайны заведшая его на край света!

Она перед ним. Только – спустилась. На бrenную землю. Вернее – под неё. Да, это она... Вожделенная и заставившая опять столько выстрадать и... Поработать.

Шахта.

Возможность достать неисчислимыe сокровища. Возможность покончить, наконец, с рискованной и проклятой всеми Богами и людьми, профессией – профессией потрошителя могил. Профессией грабителя сокровищ. Работой гнус-

ной сволочи, (Как его иногда *мягко* называют!) которая тревожит Дух умерших.

Да, он – грабитель могил.

Он не хотел становиться им. Однако так распорядилась Судьба!

Но жалеет ли он об этом теперь?.. Сможет ли остановиться, даже если сейчас сорвёт тот сказочный Куш, на который имеет все основания надеяться?! Или...

Или его снова неотвратно потянет... Да не то, что потянет: за шиворот потащит, повлечёт – снова испытать то, ради чего он готов изворачиваться, интриговать, предавать, подкупать, мотыжить землю в поте лица!.. И – даже убивать.

Профессия. Работа.

А что ещё могло стать его уделом? Кто бы взял его в ученики, в подмастерья?!

Какой Цех захотел бы так опозориться?!

Отец – вор-домушник, окончивший жизнь на плахе, когда Дамиру не исполнилось и года. Он никогда не видел его. Да и что бы изменилось, если бы и увидел? Ведь тот никогда не признавал отцовства. И не помогал матери ни в чём, пока был жив.

Нельзя не признать определённой оправданности его позиции: мать Дамира была проституткой. Причём – с огромным стажем. Ничем другим не занималась буквально с детства. Да, собственно, и не хотела, как не без оснований подозревал Дамирчик.

Что же могло проявиться с такой наследственностью в характере отпрыска шлюхи и вора? Нелюбовь к банально-тяжкому кропотливо-предсказуемому труду ремесленника, дехканина или водовоза...

Зато вот – авантюризм, презрение к риску, и жажда наживы, как и неразборчивость в средствах, точно – были у него в крови!

Когда мать окончательно спилась, и не могла больше привлекать собой даже самых непритязательных клиентов, семилетний шустрый мальчонка уже мог один спокойно добыть им на пропитание. Портовый город даёт большие возможности не стеснённому моральными принципами и скромностью пронырливому от природы юнцу, да ещё и с острым язычком.

Матросы, торговцы, обыватели, а затем и почтенные горожане из зажиточных, на своей шкуре ощущали, как растут и совершенствуются навыки и изобретательность Дамира. Поймали его всего один раз – когда ему было девять лет. Но ему посчастливилось тогда отделаться хорошей поркой, прикинувшись семилетним. С его хрупким телосложением и маленьким ростом он всегда казался младше своих лет. Зато отлично мог проскользнуть в любую форточку, или щель под воротами, или даже трубу камина.

В тот раз ему повезло: с восьми лет его ремесло считалось уголовно наказуемым. За первую кражу отрезали уши и нос – чтобы всем издали было видно, за что человек нака-

зан. За вторую – правую руку. Если и это не помогало исправить грешника, на третий раз отрезали голову. Голову у них в Каримане именно отрезали – долго и мучительно, чтобы присутствующие на казни могли в полной мере насладиться воплями и хрипами жертвы, и осознали неотвратимость и мучительность наказания.

Такой судьбы Дамир для себя не хотел. Не хотел и сомнительной чести, которой удостоился его отец, которому, миновав вторую ступень, сразу отрезали голову. Ну а чего он ещё мог ждать, нагло забравшись к самому Кади – главному Судье провинции?..

Очень скоро Дамир и сам балансировал на острие: в родном городе его уже слишком хорошо знали. К счастью – или к несчастью: как посмотреть! – мать вскоре избавила его от необходимости заботиться о ней. Пьяный матрос задушил её. Трудно сказать – действительно ли она показалась ему в бреду пьяного угара демоном Вездритом, тем, что приходит забрать души грешников в пылающие адским пламенем подземелья Мардука... В которые матрос, конечно, не хотел спускаться раньше положенного срока.

Или посчитал её просто врагом – в обычной для кабаков Каримана драке.

И в том, и в другом случае винить во всём только матроса, как хорошо понимал Дамир, было нельзя. Собственно, и самому ему в последние годы мать не казалась образцом грации, красоты и скромности. Уж ругаться-то и постоять за

себя она умела! А как царापалась пьяная!.. Впрочем, вечный ей покой. Жизнь всё же она ему подарила. И даже любила его. По-своему.

Тело её Дамиру позволили даже похоронить на общем кладбище – как скончавшейся от несчастного случая. А так-то проституток хоронили, равно как и таких, как его отец, в общей яме у городской свалки...

Так и получилось, что в десять лет он оказался полностью обучен и свободен.

А так как родной город уже сидел у него в печёнках, на «стажировку» он решил отправиться куда-нибудь подальше.

И куда только не забрасывала его судьба и беспокойная натура!..

Города, страны... Все их он даже и не помнил. Но окончательно все тонкости своей первой профессии он постиг в Равенне, этой Мекке мошенников, воров и проходимцев-авантюристов всех мастей и рас. Такой клоаки он не видел больше никогда и нигде!..

Там были и самые подлые перекупщики краденного – они всегда норовили дать безусому юнцу не больше одной десятой реальной стоимости принесённого Товара. Наконец Дамир решил, что терять-то ему, собственно, нечего, и освоение новой профессии никогда не рано начать.

Так что положение в корне изменилось, когда Фарих-заде – самого наглого и богатого перекупщика! – нашли с перепиленным горлом. Так как все заинтересованные люди знали,

что Дамир – родом из Каримана, где именно такие разборки являются традиционными, к нему теперь было совсем другое отношение. Тем более что оба телохранителя-стигийца, матёрые и высокооплачиваемые профессионалы, разделили судьбу своего горе-нанимателя...

Так он и понял, что если хочешь, чтоб тебя уважали и боялись, (Что, собственно, одно и то же!) нужно быть хитрее, сильнее и наглее самых хитрых, сильных и наглых.

Но всё равно, через два-три года ему обрыдла и полумиллионная Равенна, хоть он и чувствовал себя там теперь словно рыба в воде.

Хотелось работать спокойно, не убивая, и не рискуя ежедневно своей единственной, и от этого такой любимой, шеей. И он нашёл, на что переключиться – чтобы и толк был, и из города убраться.

Тогда ему казалось, что это – лишь временное, и не слишком серьёзное занятие...

Первый Курган, который он раскопал, наняв бригаду из десятиерых землекопов, (Вконец разорившихся дехкан, предлагавших свою сверхдешевую рабсилу для самого бессмысленно-тупого дела, хоть для вычерпывания моря решетом.) оказался пустым.

А порядочные, как он наивно полагал, крестьяне-зингарцы, оказались просто лентяями-пьяницами. Поэтому они и прос...али свои наделы – а вовсе не из-за козней землевладельцев.

Второй Курган многому научил его.

Во-первых, тому, что работать надо в одиночку.

Во-вторых, тому, что богатства, хранимые мёртвыми, подчас бывают просто колоссальны.

И в-третьих, тому, что один трезвый, хорошо тренированный и вооружённый кариманец может справиться с тремя-четырьмя полупьяными землекопами, но остальные шестеро амбалов рано или поздно разделяются с ним. Если, конечно, догонят...

Страсть к золоту ослепляет и лишает разума. А уж про такую безделицу, как совесть и порядочность, и упоминать не стоит.

После коварного нападения на него во время сна, когда его спас только чуткий слух и инстинкт опасности профессионального вора и убийцы, ему пришлось бежать и прятаться в почти голой степи от оставшихся в живых шестерых озверелых зингарцев. Да ещё и оставив, к величайшему сожалению, в их руках, животах и шеях оба любимых кинжала, а в лагере – арбалет!

И убежать и спрятаться было совсем не просто!

Но он не был напуган, как загнанный заяц. Нет, он прошёл слишком жестокую школу, и сохранил свой разум холодным. Следующей ночью, когда его бывшая бригада, довыкопав и сложив в центре лагеря легендарные сокровища древнего царя, допила остававшееся вино, и разошлась спать, так и не поделив нежданное богатство, но вполне помирившись, и

покаявшись друг другу – вот уж – Ха-ха! – в дружбе до гроба, он действовал безжалостно и расчётливо. В том смысле, чтобы исполнились эти самые обещания.

Нет, не в смысле дружбы – а в смысле гроба!

Бесшумно снял, выждав почти до рассвета, вначале бодрствующего, а затем – и полудремавшего часового. Отобранным кинжалом зарезал во сне всех «мирных» землепашцев. Кроме одного, самого здорового. Его он, разбудив, заставил нагрузить добытым сокровищем пятерых верблюдов, на которых они добрались до этого забытого Богами и людьми места, и подвозили себе еду, воду и вино.

Когда же работа была сделана, он хладнокровно застрелил из арбалета и последнего свидетеля. Он не переживал – поведи себя зингарцы по-другому, все остались бы живы. И даже при деньгах. Он собирался честно расплатиться с ними.

Так нет – им захотелось получить ВСЁ. Ну вот и получили.

Затем он усвоил и четвёртый урок: чиновники самого высшего ранга, и даже принцы и короли – такие же воры, бандиты и мошенники, в каких превращаются, пусть жадные, но без красивых и обтекаемых фраз старающиеся просто убить, «мирные» землепашцы – когда речь идёт об *очень* больших деньгах. Он выжил, постарался по мере возможности, расквитаться, и бежал.

Так что, хотя его первый могильник и не принёс ему богатства, зато обогатил исключительным опытом. Уроки, из-

влечённые из этого дела, оказались поистине ценней, чем сами сокровища: теперь у него хватало ума не повторять никогда одни и те же ошибки. И – предвидеть в будущем все... Ну, или почти все – проблемы.

Добро из очередного разграбленного им погребения он теперь сплавлял понемногу, и в разных городах и странах, пряча основную часть в надёжных тайниках вдалеке от человеческого жилья, и вкладывая вырученные деньги с расчётом – в товары, недвижимость, и приобретение должного статуса.

Вот насчёт статуса – это оказалось чертовски важным.

Ведь не может жалкий босяк владеть Собственностью!..

Так что пришлось дать чиновникам (*Уж этих на востоке исправит от мздоимства только... Могила.*) все положенные и неположенные взятки, выправить честь-по-чести Привилегии и Патенты, и приобрести себе ранг купца. А кое-где – и землевладельца.

Теперь у него три больших дома. И все – в разных, но процветающих, странах Средиземья. Он – известный и уважаемый (пусть и под разными именами) купец, бай, и предприниматель.

Казалось бы – успокойся, живи и радуйся: в тридцать восемь лет он *весьма* состоятельный человек с высоким общественным положением. И капиталом в надёжных вложениях. Запас на чёрный день – имеется. И немалый. Восемь жён. Девять – нет, уже, наверное десять, если Зарема вовремя ро-

дила! – детей. Можно даже отрастить большой живот, и ездить не на лошади, а в носилках с роскошным златошвейным балдахинном.

Как же. Сможет он жить спокойно... Держи карман шире!
Два года он кое-как держался.

Но легендарные алмазы царя Сарасвира не оставили шанса его беспокойной и алчущей Душе... Заставили снова забраться в седло и вооружиться универсальной отмычкой для языков – Золотом!

Карту он добыл так же, как обычно. Подкупил мелкого чиновника архива, узнал, где, что и кто... Затем оплатил «услуги» и главного Хранителя царского архива Дакландии – маленького северного государства, одного из нескольких, выросших на месте могучего когда-то Ранахейма, государств-однодневок.

Бедного старичка всё равно пришлось потом отравить – чтобы не мог кому-нибудь брякнуть, что именно у него спрашивали, и какие карты купили. Совесть Дамира не мучила: с ней они давно договорились обо всём. Многочисленные же жёны привыкли, что их муж и повелитель всегда в делах и разъездах. Что же касается детей...

Он иногда даже забывал, кого как зовут.

Да и ладно – с этим успеется, когда он остепенится. Вернее – если...

Показать дорогу должен был проводник, он же и наёмный рабочий, он же главный землекоп, он же – перетаскиватель

тяжестей и разбивальщик палатки. О том, что они в действительности собираются найти, равно как и о своей предрешённой и незавидной участи, он, впрочем, как и все предыдущие, не догадывался.

Проводников и помощников Дамир теперь сознательно выбирал только глупых, сильных, и... одиноких. Чтобы никто их позже не искал.

Больше одного он не брал никогда – чтобы исключить возможный сговор, да и само обсуждение... экспедиции. Пусть работа займёт больше времени, зато с ликвидацией свидетелей проблем не возникнет.

За долгие годы путешествий и многочисленных приключений он в совершенстве овладел многими языками, и искусством распознавать и вводить в заблуждение других людей. Вот только свою тщедушную комплекцию и физическую слабость он изменить не мог. Впрочем, он компенсировал недоданное Природой за счёт хитрости, быстроты реакции, и отличных навыков владения любым оружием: с десяти ярдов он попадал кинжалом в медную монетку, (Причём не просто попадал – а нанизывал её аж до рукоятки!) а из верного арбалета в такую же – с тридцати. Ни одна из его жертв так до самого своего конца ни о чём и не догадывалась. Слишком хорошо он маскировался под хлипкого и немного наивного идиота.

И вот, наконец, ОНА – перед ним!.. И она – действительно существует!

Конечно, она не так грандиозна, как он себе представлял. Невзрачная. Сказать про неё так – будет вернее. И хорошо – иначе вряд ли *он* был бы первопроходцем.

Пусть масштабом столичного Города здесь и не пахнет. На величие, и мирскую славу ему, как обычно, наплевать. Главное – *она* сохранилась. И, похоже, сохранилась в неразграбленном состоянии – у него нюх на такие вещи!

А как часто добытые с таким трудом сведения и потраченные на раскопки усилия пропадали даром, и все надежды разрушались в прах!

Иногда старые карты попросту... ввали. Но даже когда не ввали – больше половины могильников и кладов были разграблены до него! Да какое там, половины: три четверти! Тринадцать из восемнадцати раскопанных им сокровищниц оказались пусты! Он хорошо их помнит. А ещё лучше – те пять, что разграбил лично он. Да, их было всего пять... И тринадцать – пустых. А казалось – десятки!..

Ах, эти воспоминания. Непередаваемые ощущения! Годы, годы...

Годы берут своё. Вся его Жизнь – и всего пять могильников с сокровищами!

Ну, правда, в некоторых опустошённых его предшественники забирали не всё. Но эти оставленные жалкие крохи лишь показывали – чего он лишился... Он забирал эти крохи подчистую, хоть и не считал Добычей.

В иных склепах было ещё хуже: там хозяин охранял, если

можно так сказать, свои посмертные богатства. Непрошенных гостей подстерегали смертельные ловушки! Трупы таких горе-грабителей попадались ему раза четыре. Однажды он и сам чуть было не...

Впрочем, не будем сейчас о грустном: не поминай чёрта, а не то!..

Единственное, что напрягало, червячком сомнения шкребло где-то там, глубоко в душе – что всё-таки не слишком сильно она укрыта от людских глаз. Достаточно было поискать как следует – и жерло нашлось. В зарослях густых и колючих кустов – кажется, ежевики.

Не-ет, уж если бы Дамир сам что-то прятал – он-то позаботился бы, чтоб жерло было засыпано. Замаскировано. И понадёжней!..

Парэса он пустил впереди себя, в пяти шагах. Вполне достаточно, чтобы успеть среагировать на любую неожиданность.

Но в этой шахте их не оказалось.

Впрочем, как и легендарных алмазов.

Они с ворохом факелов и бурдюком воды излазали все горизонты и штреки чёртового подземелья, колупая кирками любое подозрительное место, но ничего за целый день не нашли. Абсолютно ничего. Никаких замурованных секретных штолен, ходов, ниш...

Неудача. Четырнадцатая.

Обидно.

Уже на самом закате этого наполненного горечью поражения дня он влез на огромный, оплывший от дождей, и поросший чахлой травкой, отвал пустой породы, чтобы осмотреться: не откроется ли ему ещё какая-нибудь дыра в земле. Или хотя бы ямка – ну хоть смутный намёк на спрятанную *настоящую* шахту.

Тщетно. Да и осматривал он всё здесь и позавчера днём, и вчера утром. Он сердито зарычал.

Но что – *это?!..*

В неверном отблеске уходящих лучей, в одном месте на склоне дальнего холма он увидел... Что же он увидел?! Может, это – просто выход породы другого цвета? Или выгоревшая трава? Или...

Нет! Он знает, что это. Двадцать лет опыта и зоркий глаз не обманут!

Это – засыпанная штольня, выделившаяся сейчас на фоне монолита холма чуть отличающейся по цвету породой, которую достали из глубины, а позже засыпали ею вход, надёжно, как им казалось, (Да и не без оснований!) скрыв драгоценную штольню!

Да, теперь-то он не сомневался, что это именно ОНА! Надо же!..

Если бы не заходящее солнце... Ни днём, ни утром оно не светило под тем, единственно нужным углом! А ведь не далее, как вчера, он в двух шагах проходил от...

И – ничего не заподозрил. И вот – сегодня вечером! О! Она по-прежнему с ним – его Звезда, его Удача! Хвала Мирте пресветлому!

Глубоко вздохнув, он стремительно кинулся вниз по склону.

И тут же она пропала! Да что же это такое?!

Он кинулся, скользя и оступаясь, назад – на вершину кучи. Ф-фу!..

Она снова видна!

Не потерять бы теперь этот уникальный, единственный угол и место на холме, под которым, и откуда – она только и видна! Но как же... Как он тогда отметит точку, ничем не отличающуюся от тысячи других таких же, на этом склоне?!

Ах, тупая его башка! Ведь он ещё не один!..

– Парэс! Парэс, будь ты трижды неладен! ПАРЭС!!!

– Что, господин? – оказывается, он мирно оправлялся за кустами. Ха-ха. Ну и вид у него без штанов. Впрочем, и в штанах не лучше.

– Быстро! Беги вон к ТОМУ холму! БЫСТРЕЕ, Бэл тебя заведи! Да, да – туда! Так! Возьми правее... Хорошо! Нет, назад немного – левее! Стой! Нет, залезь немного выше! СТОЙ!!! Стой, где стоишь, ради Мирты, и не сходи оттуда, хоть земля гори под тобой! Стой и молчи!

Как вовремя! Солнце скрылось, и след засыпанной штольни мгновенно пропал в однотонном фоне холма. Но ничего – сейчас он окопает её контур, в центре которого стоит его

идиот-помощник, и завтра утром... Да, завтра утром!

Но конечно, ни завтра утром, ни послезавтра, они ещё не раскопали замурованную действительно на совесть секретную штольню.

Это удалось сделать только через неделю, хотя они и работали как проклятые – Парэс за троих, Дамир – за... наверное, всё же полоторых. (Перенапрягаться вовсе не входило в его планы! Как и показывать кретину Парэсу свою истинную силу и выносливость!)

Чем глубже они зарывались, тем более рыхлым становился грунт в круглой яме – цель явно была близка. И, наконец, их усилия оказались вознаграждены.

Вот она – плита, перекрывающая вырытый ими широкий вертикальный колодец, на глубине более пяти ярдов от поверхности. Что это на ней за дурацкая надпись?

Он попробовал прочесть её вслух. Ничего не получилось.

Буквы, вроде, знакомые, а вот язык... Язык, скорее всего, канул туда же, куда и те, кто высек надпись. Дамир грязно выругался с досады.

Удивил Парэс. Он попросил прочесть надпись ещё раз.

О, да, он знает этот язык. Это старо-маснийский. Его мать была маснийкой. Захватили её при набеге, увели в плен, продали, и потом она... Плевать Дамиру на перипетии судьбы давно почившей женщины – переведи, наконец, надпись, ту-годум несчастный!

Не понял с первого?.. Ну вот: слушай звучание ещё раз!

Ага. Вот, значит, как. Смерть и проклятье. Древнее Божество. Опасно для всего Мироздания... Ага. А на голову, значит, того, кто посмеет потревожить покой... и так далее. Довольно типичные угрозы, заклинания и прочее в том же духе.

Д...мо собачье.

На всё это ему десять раз наплевать.

Он видал заклатья с угрозами и грядущими карами – куда заковыристей и страшней! Всё это способно остановить только трусов, слабаков, и женщин.

Но трусы, слабаки и женщины и не раскапывают могильники.

Однако чтобы вынуть плиту, им пришлось запрячь всех четверых лошадей, присоединить шесть блоков в полистпас, установить мощную треногу из срубленных стволов на кромке шахты, и самим тоже тянуть – тянуть, как проклятым.

Вот именно. Верное сравнение. Но он понял это уже гораздо позже...

Край плиты, наконец, приподнялся достаточно, чтобы вбить туда надёжную подпорку из цельного ствола, дюймов десяти диаметром, и высотой достаточной, чтобы пролезть человеку. Теперь могучая – не меньше фута в толщину – плита, размером пять на семь футов, была надёжно зафиксирована – не закроется сама.

Свою безопасность и гарантированный отход Дамир це-

нил превыше всего. Но всё же жаль, что плита оказалась из столь прочного камня – не иначе, гранит! – разбить на части не удалось. И пришлось долбить ломами и кирками окружающую породу, чтобы подвести крючья.

Ну вот, всё и готово. Вот она – вожаделенная Цель очередного похода. Сказочные богатства. Легендарные алмазы. Они почти у него в руках... Нужно спустаться.

Почему же он медлит? Что это за новый, незнакомый страх, сковывает его члены такой странной вялостью и истомой? Почему жажда наживы и лихорадка предвкушения не пересиливают, как обычно, все эти глупые предрассудки – насчёт проклятий давно умерших и бессильных теперь, спустя сотни и тысячи лет, обличённых Властью людей и их при- спешников-магов?

Он вздрогнул, как от сквозняка.

Что-то есть здесь, всё же, особенное, незнакомое. Инстинкт не подводит его. Внутри таится какое-то Древнее Зло, сулящее неведомую опасность! Оно... Ждёт.

Но что же теперь?!

Бросить всё вот так, и... Уехать?

Уехать, выбив с такими усилиями вставленную подпорку, засыпав с таким трудом раскопанный колодец, и убив ставшего теперь ненужным помощника-свидетеля?

Но для чего же они тогда тащились сюда больше месяца, запутывая следы, продираясь по звериным тропам, заброшенным тысячи лет назад городам, чавкающим болотам,

и кормя своей кровью сонмы гигантских комаров?!

Да ведь чтобы вернуться потребуется ещё месяц!

Вернуться пустым? Потратив столько усилий и денег? Потому только, что не хватило духу на то, чтобы всего-навсего – спуститься вниз?.. А как же... его предназначение?

Нет, он не должен изменять самому себе. Это – да, вот *это* – его подлинная Жизнь! Его выбор. Его Судьба.

Никакие древние Призраки и заклятья не останавливали его до сих пор. Не остановят, даст Мирта, и сейчас... И в будущем!

Он закусил губу. До крови – чтоб почувствовать её вкус.

Ну вот и полегчало.

Сбросив вниз, в непроглядную темноту, хорошо закреплённую за ближайшее дерево верёвку с удобными узлами, он взял у Парэса зажжённый факел, и полез навстречу Судьбе. Он не спешил, но и не мешкал: решение принято, значит – нужно делать!

Спустившись, свистнул Парэсу. На этот раз тот молчал, и не скулил больше, а молча следовал за ним, тоже подогреваемый алчностью, и тем, что хозяин был впереди. Но Дамир чувствовал его страх – так же хорошо, если не лучше, чем свой: крупное тело выделяло и больше пота, который здесь, в тесном пространстве, заметно было особенно хорошо: пах его «напарник», словно настоящий выучный мул.

Но страх – необходимая приправа к работе потрошителя могил. Он нужен всегда. И он – гарантия выживания.

Ведь те, кто слишком расхрабрился, или утратил чувство бдительности, остаются в таких местах навсегда! Страх, и только страх – не даёт расслабляться, и стократ обостряет все чувства!

У Парэса на двадцатиярдовый спуск ушло минуты три – и пыхтел, он так, словно ворочал жернова мельницы. Теперь, стоя рядом, они огляделись. Да, пространство не слишком-то большое. Но – и не маленькое...

На осмотр первого «этажа» с его семью горизонтальными коридорами ушло больше часа. Затем они спустились в следующий колодец, ниже первого уровня ещё на двадцать ярдов.

Здесь горизонтальных штреков было пять, и они оказались значительно короче. Странно. Было похоже, что синяя алмазоносная порода вынута отнюдь не до конца...

Что же помешало?

Ещё один колодец, и очередной пустой уровень. И ещё!

Хорошо, что он припас верёвки сколько угодно: они взяли с собой ярдов двести.

Однако после пятого, казавшегося поистине бездонным, колодца, забеспокоился и Дамир.

Нет, не в том смысле, что они приближаются к подземельям Мандрата, и стало гораздо теплее, а в том, что придётся возвращаться в верхние этажи, и отрезать лишние концы, чтобы нарастить последнюю надежду – их действительно последнюю верёвку.

Он уже прикидывал, что есть ещё толстый канат с полист-паста. Но за ним уж слишком далеко возвращаться. Сегодня не успеть.

Сказать, что Дамир был впечатлён масштабом, когда они достигли-таки дна, значило ничего не сказать. Но они всё же добрались до него. Верёвки хватило. Хотя последний колодец был не меньше сорока ярдов в первом колене, и ещё двадцати – во втором.

Между колодцами было всего-то футов пятнадцать перехода – их соединяло что-то вроде маленького коридора. Здесь же валялись какие-то совершенно сгнившие доски, бадьи и канаты.

Все предыдущие осмотренные ими этажи вместе не достигали и половины той площади, которая предстала им теперь. А та штольня, которую они осматривали десять дней назад, вообще в подмётки не годилась здешней – её глубина не достигала и трети этой, поистине колоссальной, Пещеры.

Это оказалась именно Пещера – часть её несомненно была природного происхождения. Узкие, извилистые, и явно доработанные кирками для более удобного прохода, лазы и коридоры-трещины тянулись в разных направлениях на многие сотни ярдов от входного колодца – их концы терялись в темноте, рассеять которую жалкие факелы были не в состоянии.

Но сомнения насчёт того, где происходила основная добыча, у него, да и у Парэса, не было.

Невероятно высокая, невероятно широкая – в самых широких местах побольше пятидесяти шагов! – Пещера тянулась как минимум на пятьсот ярдов. То, что даже сквозь это гигантское пространство мерцающим волшебным светом искрилось в её дальнем торце, абсолютно никакого сомнения не вызывало – это были они...

Алмазы!

Воистину, это и есть легендарная шахта Сарасвира Рыжебородого.

Хотя Дамир не возражал бы, окажись она не столь грандиозна, и глубоко расположена... Впрочем, грех придирааться.

Они с Парэсом медленно, сдерживая дыхание, двинулись туда – вперёд. По дороге у Дамира было сколько угодно возможностей вспоминать и сравнивать с этой, те, (выработанные до крох, конечно) подобные, древние, и не очень, копи и выработки, в которых он побывал – специально, чтобы понимать, знать...

Такое богатство всегда – неотъемлемая собственность Государства. Усиленно охраняется. Разрабатывается осуждёнными на пожизненный срок. Живыми они отсюда не выйдут. Чтоб не вызывать ненужных слухов о...

В запустение такая шахта приходит не раньше, чем вынуты последние следы голубой алмазоносной глины. Так что с видом пустой породы вокруг он знаком отлично. Но что же?.. И почему?

Однако против фактов не попрёшь. Вон, в торце Пеще-

ры явственно проступало ложе мощной алмазоносной жилы. Подойдя поближе, он сначала не поверил своим глазам: вот же они, алмазы! На самом виду! Огромные, и невероятно чистой воды! Как искрятся даже в жалком свете пары факелов, и даже без всякой огранки! И как часто сидят в характерной синей глине!

Почему всё-таки их...

Не забрали?!

Как можно было оставить такое богатство на месте?!

Снова странные подозрения и предчувствия ледяной рукой сжали его сердце.

Он замедлил ход. Остановился. Вздохнул, и сделал шаг... назад!

Парес же, напротив, забыл при виде такого великолепия все свои страхи. Вслух восхищаясь, рассуждая о цене, и причмокивая, он кинулся прямо к стене. Он ласкал и гладил обнажённые камни, говорил с ними, совершенно отключившись от всего окружающего. Он даже стал что-то напевать.

Звуки ли разбудили Древнее Зло, Или прикосновения?

Или – первый Алмаз, вынутый из стены...

Но оно проснулось. Безжалостное, безликое и неотвратимое.

Парес, повернувшийся к нему с особенно красивым камнем в руке, чтобы похвастаться, отойдя на пять шагов от стены, вдруг ойкнул, и отлетел назад – как от невидимой преграды!

Непонимание, растерянность, наконец, дикий страх сменили друг друга на его лице, по мере того, как он ощупывал пространство вокруг себя, убеждаясь, что ВЫХОД для него закрыт!

Что-то совершенно невидимое, но мягкое – упруго, но непреодолимо сопротивлялось могучим потугам его спутника-здоровяка преодолеть странный Барьер, и вернуться в глубину Пещеры. Парэс наконец понял, что *это* стоит у него на пути туда – Домой, к свету, к людям, к жизни...

Бессвязные крики и призывы о помощи пропали втуне – Дамир и не подумал приблизиться ни на шаг. Он и с ужасом, и с отвращением, но ещё с каким-то затаённым злорадством смотрел... Смотрел на то, как расплачивается за глупость и жадность человек, осмелившийся спустя столетия нарушить древнее заветье, и прикоснуться вновь к заколдованным камням.

Тщетно могучий мужчина метался из угла в угол – невидимый, но от этого не менее материальный, Барьер перекрывал всю ширину Пещеры, и вверх тянулся, похоже, до её потолка.

Кинжал и факел нисколько не помогали между тем Парэсу – они-то свободно проходили сквозь невидимый Барьер. Не то, что рука. Или тело человека.

Его Барьер медленно, но неумолимо оттеснял к издевательски сияющим своей абсолютной теперь ненужностью, роскошным алмазам. Чудовищный Барьер Смерти, похоже,

не пропускал только живую человеческую плоть.

Эхо криков Пареса жутко отдавалось в замкнутом пространстве. Менее чем через десять минут туловище его незадачливого напарника оказалось притиснуто к столь вожденной только недавно, стене. Встретить смерть Парэс предпочёл всё же лицом...

С трепещущим сердцем, но молча, Дамир наблюдал, как из его незадачливого помощника невидимым прессом выдавило по каплям дыхание и жизнь, прижав в самом центре жилы, издевательски сверкавшей своей коварной и жестокой – непреодолимой для любого человека! – приманки в гигантской мышеловке.

По мере того, как плоть расплющивало и всё глубже вдавливало в синюю породу, крики и рывки затихали...

Окровавленная раздробленная кукла – бесформенная груда одежды с начинкой из бывшего человека – сползла на пол омерзительной кучей полужидкого месива. Кровавая полоса осталась на сверкающей стене. Очевидно, пока Жизнь не вышла из Парэса, он не мог проскочить на ЭТУ сторону Барьера... Теперь же он являл собой такую же мёртвую материю, как и камни, алмазы, и одежда.

Присмотревшись внимательней, Дамир разглядел теперь на полу у стены остатки ещё нескольких таких кучек одежды, уже полуистлевшей. Как он ни сдерживался, его вырвало.

Однако больше ничего не произошло.

Боясь поверить в свою удачу и Звезду, он на цыпочках

двинулся назад по пещере.

Но прошёл не больше ста шагов.

Теперь настала *его* очередь убедиться в неумолимости и несокрушимости мягкой и податливой снаружи, но становящейся всё крепче и плотней в глубине, преграды. Преграды, что навсегда отделила его от света дня, от трёх домов, восьми жён, и десяти детей, имена которых он путал... И от беззаботной и обеспеченной старости.

Теперь от Высшей Кары за все разграбленные могилы его ничто не спасёт.

И в его распоряжении лишь несколько часов.

Он опустился на пол и принялся молиться. Не о спасении – в него он уже не верил! – а о своих потомках: хоть бы никто из них не пошёл по его стопам. Никогда.

Дамир был реалистом.

Когда примерно через сутки он убедился, что ничто не поможет ему пройти через страшный Барьер, и до стены осталось не больше пяти футов, он помолился Мирте ещё раз.

Да, он был реалистом. И, случалось, убивал других людей. И использовал их.

Но в мужестве ему никто никогда не мог отказать.

Поэтому, не желая повторять судьбу раздавленных и сломленных мучительной смертью несчастных, он сам, уверенной рукой вонзил верный кинжал себе прямо в сердце.

Он умер всего через несколько секунд.

Поэтому его тело и осталось нераздавленным. Но – абсо-

лютно мёртвым.

И он не узнал, что даже случись такое Чудо, и выберись он из подземелий к выходу, это не изменило бы для него *ничего*.

Потому что отряд косматых коротконогих мужчин, одетых в грубо выделанные звериные шкуры, уже выбил его подпорку из-под плиты, захлопнув зев штольни, и снова похоронив под грудой щебня колодец к роковой Пещере. Чтоб не позволить, согласно Заветам Предков, древнему Злу выбраться наружу.

И навеки скрыть священное Запретное Место от глаз посторонних...